

МАКСИМ ПРИВЕЗЕНЦЕВ

ТОРГОВЕЦ ДЫМА

ИЛЛЮСТРАЦИИ JEAN MARC CALVET

18+

Максим Привезенцев

Торговец дыма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67713776

SelfPub; 2022

Аннотация

История табака, рассказанная через сложные взаимоотношения Альбрехта Дюрера и Христофора Колумба, вплетается в детективный сюжет событий в Никарагуа 2024-го года во время 13-ой волны пандемии, случившихся с продавцом сигар испанцем Луисом Санчесом, когда его настигает кошмарное прошлое. Интригующая меланхолия текста, погружающая читателя в глубину событий и смыслов.

Продавец дыма и торговец дымом всего лишь торгаши, но, в конечном итоге, мы все продаем свою жизнь, меняя время на деньги. И если допустить, что время – это дым, то становится очевидным продавцами чего мы являемся. В глазах мироздания мы заурядные торговцы дыма – лоточники невыдуманного настоящего.

Описание будущих событий нельзя вести из настоящего. Убеждение в обусловленности связей является заблуждением.

Максим Привезенцев

Торговец дыма

Пролог

2024 г.

Молния за окном полыхнула так ярко, что Луис Факудо Санчес оторвался от созерцания экрана ноутбука и повернулся, чтобы выглянуть наружу.

На его памяти такого сильного шторма в Никарагуа еще не случилось.

Дождь хлестал по крыше дома, размывал лужайку на заднем дворе и безжалостно вбивал в почву бутоны цветов. За обрывом скалы бушевал океан – еще утром спокойный, а ныне взбудораженный ночным ураганом.

В такую погоду любое укрытие – уже подарок судьбы. А поскольку подарки она дарила все реже, следовало радоваться и этой малости.

Луис вдохнул табачный перегар и перевел взгляд на экран.

Минуту назад его настигло уведомление о том, что его очередной, уже 34-ый по счету, аккаунт забанен на фейсбуке.

Луис откинулся на спинку кресла, зажмурился ненадолго. Перед внутренним взором плясали черные буквы на белом полотне пикселей. Корки мертвых слов жгли роговицы усталых глаз.

«Черт бы вас всех побрал».

Луиса накрыла волна отчаяния. Он открыл глаза и, глядя сквозь монитор, задышал – часто-часто, но совершенно бесполезно; дышал и не мог надышаться.

Еще в 2004-ом году в паутине, связавшей порывом общения миллионы людей, электронная слежка была фактически невозможна. Тогда, во время мадридского теракта, случившегося ровно двадцать лет назад, она в теории могла бы спасти множество жизней...

Ладони Луиса сжались в кулаки.

«Если бы ее, конечно, использовали для решения *настоящих проблем*».

Теперь, в 2024-ом, на фоне 13-ой пандемической волны, казалось, что слежка в глобальной сети – это нечто вполне естественное, обыденное.

Нормальное.

Правда, так кажется ровно до того момента, пока сам не оказываешься ее *целью*.

Луис встал из-за стола, древесину которого влажный климат изрезал шрамами трещин, подошел к двери, открыл ее.

И замер на пороге, замороженно глядя в залитое мраком пространство.

Глава 1

Один день Луиса Санчеса

2024 г.

Просыпаться под шум плещущих волн было чертовски приятно.

Луис открыл глаза. За распахнутыми створками стеклянной стены, как всегда, были Тихий океан и бирюзовое небо. Дымчатая линия горизонта простиралась между ними, насколько хватало глаз. Белые валяжные пеликаны небольшими стайками периодически пролетали над ней; самые голодные время от времени сваливаясь с неба к воде, за добычей, а после взмывали обратно, будто надеялись подкоптить пойманных рыб в лучах жаркого никарагуанского солнца. Вдали темнели треугольники парусов, одинокой точкой уносился прочь моторный катер.

И лишь на границе видимости, у самого пола, тонкой линией проступал темный край обрыва. От него вниз, на пляж, вела узкая лесенка с выдолбленными прямо в кривой скале ступеньками. Луис часто спускался туда, посмотреть вблизи, как океан с приятным уху шелестом облизывает серый вулканический песок пенными языками волн.

Это был если не рай на земле, то точно нечто, очень на него похожее.

Луис сонно улыбнулся не надоедающему пейзажу, перевернулся на спину и уставился в белоснежный потолок комнаты. Окно с его безмятежностью находилось по правую руку от кровати дона Санчеса, а по левую была дверь, за которой скрывался мир, полный дел и суеты.

Но с давних пор – примерно последние лет десять – Луис был избавлен от необходимости вставать под выстрел будильника и спешить, зевая, по каким-то срочным делам. Теперь он вставал под шум прибоя, неторопливо приводил себя в порядок, а потом пил на веранде утренний кофе с сигарой, прикидывая, куда поехать в первую очередь. Море добавляла мыслям ритм, они двигались упорядоченным потоком, и в эти мгновения Луису казалось, что его жизнь наконец стала по-настоящему безмятежной.

Увы, это был самообман – стоило хоть на миг утратить самоконтроль, и события двадцатилетней давности тут же вырывались из чулана памяти, куда дон Санчес их настойчиво прятал. Дальше все шло по давно известному сценарию: следующей ночью Луис вновь просыпался в холодном поту, разбуженный кошмаром о том самом роковом дне, после которого он вместе со своим предприятием эмигрировал сюда, в Никарагуа.

Еще один вдох дыма. И еще – чуть быстрее, чем следовало бы, уже не попадая в ритм, задаваемый прибоем.

Когда день Луиса начинался с подобных мыслей, он «не задавался». Учитывая вольный график, это не доставляло

ощутимых хлопот, но настроение портило: теперь до самого наступления ночи дон Санчес ожидал неизбежную «развязку во сне». Оттого мысли начинали путаться, как швартовые в руках неопытного матроса, и самые важные дела приходилось откладывать на потом.

Сегодня Луис, похоже, снова невольно наступил на старые грабли – слишком расслабился, глядя на океан, поражающий невозмутимым спокойствием многих веков, которые он омывал сушу.

Утренний кофе и сигара лишь подтвердили догадку: после первого же рассеянного глотка на груди полосатого «поло» осталось темное пятно.

Очертаниями оно напомнило Луису Испанию.

– А как хорошо все начиналось... – закурив сигару, пробормотал дон Санчес.

Ароматный дым устремился вверх. Хорошая сигара могла скрасить любой день. И уж точно начинать без нее день нынешний было смерти подобно.

Луис знал толк в сигарах, поскольку сам давно занимался их производством.

Это и было то дело, которое дон Санчес двадцать лет назад перевел в Никарагуа.

Сменив футболку на чистую, Луис прыгнул за руль «Toyota Nilux», изрядно потрепанной бездорожьем табачных плантаций, и покатил к шлагбауму. Остановившись возле окошка, опустил стекло и дружелюбно бросил седовласо-

му охраннику:

– Привет, Хосе! А где Франко?

– Доброго утра, дон Санчес. – Хосе, кажется, распирало от гордости. – Он приболел, попросили меня подменить, а мне ведь и свой пост оставлять нельзя, вот и разрываюсь. Дел просто по горло!

– Транкильо, амиго, не сомневаюсь, что ты справишься с любимым, – улыбнулся Луис.

Хосе ему нравился: простой, открытый старикан, начитанный и много знающий о табаке. Собственно, на этой теме они как-то и разговорились и с той поры частенько беседовали, обсуждая то путешествие Колумба, то более поздние приятные и не очень для Никарагуа вехи. В отличие от Луиса, Хосе почти не покидал отеля: в его обязанности входило сторожить дверь подсобки на первом этаже КПП, и большую часть времени охранник проводил на шатком табурете за книгами.

Но сегодняшний день, как видно, был исключением из правил. Обычно на шлагбауме дежурил угрюмый Франко, поэтому именно сегодня, после утренних разочарований, Луис был рад видеть куда более приветливого Хосе.

– Вы мне льстите, дон Санчес, – ответил охранник, но по его улыбке сразу становилось ясно, как ему приятен комплимент постояльца.

– Вовсе нет, – ухмыльнувшись, сказал Луис, – однако если ты так и не поднимешь шлагбаум, буду вынужден взять свои

слова обратно!

– Ах, простите, дон Санчес... – Хосе, спохватившись, тут же потянулся к красной кнопке и припечатал ее морщинистой ладонью. – Хорошего вам дня!

Шлагбаум медленно пополз вверх.

– И тебе, мой друг, – бросил Луис и утопил педаль газа в пол.

Отель «Мукуль» с его уединением и дружелюбным Хосе остался позади. С каждой пройденной милей Луис приближался к Гранаде, городу, наполненному шумом и суетой. Здесь был иной ритм, более рабочий, что ли, и дон Санчес ежедневно по пути в офис заново принаравливался к нему. Спадали остатки сна и некая лень. Руки обретали твердость, а мысли окончательно прояснялись.

Первое – по приезду, сразу позвонить в Нью-Йорк, Джонсону, пока тот не укатил на обед. Следовало, конечно, сделать это из дома, но тогда велик был риск, что Джонсон еще не проснулся. Звонить с мобильного давно стало моветоном: прибравшие к рукам мобильную связь китайцы сделали звонки в Штаты «золотыми», а все адекватные по функционалу мессенджеры заблокировали еще в прошлом году.

Второе – наведаться на плантации: там с техникой снова какие-то проблемы, и надо бы напрячь контору, которая делала ремонт, чтобы все исправила.

«Хотя напрячь коренного никарагуанца – это уже адски трудная задача...».

Третье – заглянуть на стройку канала, к Джи, пообедать у нее в столовой и заодно прояснить кое-что у местных инженеров, негласно отвечающих за снабжение Китая первосортным табаком с плантаций Никарагуа...

Ну а поскольку дорога до канала и обратно отъест весомый кусок дня, на этом перечень сегодняшних дел можно и завершить. Еще пара звонков, подписанных бумаг, просмотр почты – само собой, но из глобального, кажется, это все.

Разговор с Нью-Йорком – самый простой этап.

– Привет, старина, – сказал Джонсон, крупный мужчина лет пятидесяти с легкой проседью, щеками бульдога и взглядом стервятника, всплыв аватаром на экране телефона. – Получил документы?

– Уже отправил их тебе обратно. – Луис уселся на край рабочего стола и с укором посмотрел на собеседника. – Опять проглядел?

– Сегодня у Кейши было просто божественное рагу, – нехотя сознался Джонсон. — Все мы люди, Луис. До почты я еще не добрался.

– Ладно, принял. Вкратце – все отлично. Когда отправляем контейнер с сигарами в Штаты?

– Это мы согласуем отдельно.

– В перерывах между рагу от Кейши?

– Хотел бы я сказать, что да... но не уверен, что смогу отвлечься от рагу. – Джонсон хохотнул. – Черт, ладно, займись работой, а то у меня слишком довольный вид. Не хочу,

чтобы меня таким видели в офисе. Подумываю даже уволить парочку стажеров, чтобы не расслаблялись. Шучу! – Он снова рассмеялся. – Ладно, давай, занимаюсь только тобой, старина!

– Верю, – соврал Луис и сбросил вызов.

На плантации разобрались еще быстрее – оказалось, что горе-ремонтники попросту забыли подключить обратно какой-то кабель, поэтому техника работала некорректно.

«Что ж, одной головной болью меньше», – подумал Луис и, прыгнув в машину, покатил прочь.

Его уже ждали на стройке канала, которую местные в шутку называли Вечной: китайцы, обычно шустрые, провозились уже 5 лет, но работы шли аномально медленно. Причина, однако, была прозаична – происки ушлых американцев. Китайский канал изначально затевался, как альтернатива Панамскому, и дельцы из США, не желая терпеть конкуренцию, постоянно вставляли азиатам палки в колеса.

В долгой дороге призраки прошлого снова стали наступать дону Санчеса, а он упрямо отгонял их сигарным дымом, пытаясь растворить страх в никотине. Наверное, легкое раздражение в его речи заметил и Ксинг, инженер, через которого Луис работал с Китаем.

– Ты сегодня чем-то явно встревожен, пэню (друг-кит), – заметил Ксинг.

Дон Санчес смерил стоящего перед ним человека хмурым взглядом. Работать с китайцами Луису не то, чтобы

очень нравилось, но и проблем с ними пока особых не возникало. Разве что личность самого Ксинга немного смущала. Большую часть времени спокойный и уравновешенный, он подчас начинал изъясняться с такой надменной интонацией, словно судьба Луиса зависела лишь от благосклонности китайцев, и если бы они на завтра вдруг надумали закрыть лавочку, вчерашний табачный магнат пошел бы по миру с протянутой рукой.

«Хотя, может быть, сегодня я просто сам себя накручиваю, и они ничего такого в виду не имел?..»

– Связано ли это как-то с нашим общим делом? – вставил Ксинг, отвлекая собеседника от раздумий.

– Никак, – честно ответил Луис. – Нашему делу ничего не угрожает.

После, поздоровавшись с Джи – она отчего-то сегодня была с ним особенно приветлива – домой, скорей домой, поближе к умиротворяющему океану. Казалось, в душе зреет предчувствие чего-то нехорошего, крайне неприятного, хотя Луис даже не представлял, как события двадцатилетней давности могут отразиться на его жизни сейчас? Разве что обернутся очередной чередой бессонных ночей, и только, но это он уже переживал, не проблема...

Но мироздание быстро ответило на вопрос Луиса – когда поздним вечером дон Санчес за ночной сигарой листал почту, сидя за компьютером, на его электронный ящик упало письмо от старого знакомого из Испании.

Дрожащей рукой открыв сообщение, Санчес прочел:

«Здравствуй, Луис!

Это майор Уго. Как поживаешь, старый друг? Уже и не вспомню, когда мы виделись в последний раз. Кажется, прошло уже больше десяти лет, а потом были только письма...

Перечитываю начало письма и думаю – я это вообще писал или нет? Раньше – кратко, четко, теперь – вот... Старею, видимо. Становлюсь сентиментальным.

Но – оставим пустой треп, к делу!.. Кажется, с моими нынешними долгами в Испании я расплатился полностью и скоро все же осуществлю свою давнюю мечту. Никарагуа ждет! До скорой встречи!

У. Н.»

Взгляд Луиса сам собой переместился с открытого письма майора на картину «Меланхолия» Альбрехта Дюрера, которая украшала собой стену по левую руку от рабочего стола. В обрамлении табачного дыма, который срывался с кончика сигары и обволакивал комнату, работа немецкого художника казалась еще более мистической и странной.

Это выглядело особенно ироничным в том смысле, что табак, по мнению дона Санчеза, служил спасением от любой меланхолии.

Но даже подобная ирония меркла на фоне другой, куда более неожиданной: главный призрак прошлого – маойр Уго – решил перебраться поближе к Луису.

Глава 2

Просьба Колумба

1491 г.

Весть о приезде старого знакомого, Христофора, в Севилью наполнила душу Марио Варгаса благостным чувством предвкушения встречи. У банкира, многие лета отдавшего службе банкирскому дому Дельгадо, имелось не так-то много друзей, чтобы игнорировать визит одного из них на юг Испании.

И пусть формально эти двое были не настолько близки, причиной тому служил лишь разъездной образ жизни Христофора, а вовсе не разность характеров или темпераментов, испанского и итальянского.

Хотя какой из Колумба итальянец, ухмылялся про себя Марио, сидя на террасе таверны и наблюдая за тем, как по улице носятся босоногие сорванцы. Он давно уже укоренился в Испании и даже под ее знаменами намеревался отправиться в путешествие... куда? Марио слышал самые разные версии и не сомневался, что в Севилью Колумб прибыл по тому же самому поводу – он искал меценатов, способных

поддержать его грядущую экспедицию.

Возможно, некоторые денежные средства Христофор хотел ссудить также у самого Варгаса, оттого так охотно и согласился встретиться после того, как банкир с уличным мальчиком передал ему свое приглашение на обед.

Впрочем, чего гадать, подумал Марио, разглядывая замасленные узоры дерева на столе перед ним. Скоро его друг минует арку на входе и, задержавшись на полпути, воскликнет...

– Ба, Марио, да ты ли это?!

Варгас встрепенулся и, повернувшись на шорох обуви, обнаружил перед собой Колумба. Тот стоял перед столом, буквально в паре шагов от него, с высоко поднятым носом, прижимал к груди шляпу и хитро улыбался.

– Христофор! – воскликнул Марио и спешно поднялся.

Друзья обнялись и, уже вместе, уселись за стол. Подошла разносчица в фартуке, выслушала заказ и ушла, оставив Марио и Колумба наслаждаться обществом друг друга.

– Ты стал бледен, – первым делом заметил Варгас, разглядывая путешественника.

– Я лишь смертельно устал, мой друг, – с вымученной улыбкой ответил на это Колумб. – Дорога – мой дом, но иногда брэнное тело напоминает о необходимости отдыха... иногда – даже слишком настойчиво.

Он усмехнулся, но Марио видел, что его старый знакомец действительно истощен.

– Тебе надо чаще прислушиваться к своему телу, – заметил он, украдкой рассматривая сидящего напротив путешественника. – Ведь никто из нас не молодеет. Возможно, стоит обратиться к «Tascinum Sanitatis» Ибн Бутлана*? Его советы помогут отстрочить старость и дольше чувствовать себя здоровым.

– Мне ли говорить о старости в сорок? – снова расплылся в улыбке Христофор. – К тому же с чего взял, что я не читал сей трактат? Да я даже в путешествиях стараюсь питаться правильно, а вот по тебе строго следования правил можно и не заметить...

Говоря это, Колумб красноречиво посмотрел на пухлые щеки сидевшего напротив собеседника.

– Узнаю друга Христофора! – беззлобно воскликнул Марио. – Но все же побереги себя, пусть наши встречи редки, я не хочу, чтобы они заканчивались совсем.

– Не переживай. Впереди меня ждут еще многие и многие дела... многие и многие...

Он эхом повторил сам за собой, скосив глаза на разносчицу, которая как раз вернулась из кухни с кувшином вина и глиняными бокалами. Поставив их на стол, она улыбнулась гостям и упорхнула обратно, видимо, за фруктами и сыром, которые настоял принести Марио.

– Чудо как хороша, – заметил Колумб, проводив смазливую девицу взглядом. – Порой даже в ваших темных севильских проулках вырастают настоящие цветы жизни.

– Как будто в Генуе солнце светит, не переставая, и нет там ни трущоб, ни покосившихся зданий, как на здешних окраинах! – беззлобно фыркнув, воскликнул Марио.

– В Генуе, конечно же, есть. Или, ты думаешь, я просто так, едва мне исполнилось двадцать, перебрался в Савон, а потом и вовсе покинул Италию? – с улыбкой ответил на это Колумб.

Глаза его, в отличие от изможденного тела, горели огнем души, огнем, который неистово гнал Христофора к новым свершениям и открытиям.

– Ладно, оставим праздные колкости. Лучше расскажи, что привело тебя в Севилью, мой друг? Ты, верно, навещал своего сына, Диего, в монастыре Рабида?

– Нет, туда я еще не добрался, – поморщился Колумб. – Но обязательно отправлюсь к Диего, едва покончу с делами здесь. Главное дело, впрочем, я уже благополучно провалил – иного слова и подобрать трудно. Впрочем, провалы давно меня преследуют, так что я даже перестал унывать, когда случается очередной.

– Что жестряслось на этот раз? – осторожно осведомился Марио.

Колумб посмотрел на него исподлобья, а потом нехотя ответил:

– В Севилье я снова встречался с благословенными Изабеллой и Фердинандом. У нас уже было свидание прежде, и повторное предложение увидеться здесь пробудило во мне

надежду, что они все-таки заинтересовались моей экспедицией и согласятся ее финансировать. Но, к моему разочарованию, королевская чета опять мне отказала в этом...

– Время ты, конечно же, выбрал не самое удачное для таких встреч, – заметил Варгас. – Кастилия, кажется, вот-вот дождет Гранаду и выбьет оттуда мавров, но это требует постоянных денежных вливаний. Поверь мне, как представителю банкирского дома Дельгадо – долги корон Кастилии и Арагона велики, как никогда прежде.

– Наслышан, как говорится, из первых рук! Но что же делать мне, мой друг? Я ведь не становлюсь моложе, и каждый потерянный год лишает меня возможности совершить еще одно путешествие к землям, о которых мы имеем лишь смутное представление... К счастью, имеются дела и здесь, на материке. И с одним таким делом я и пожаловал к тебе сегодня.

Колумб сложил руки перед собой и сплел пальцы.

Наверное, все же будет просить денег, решил банкир про себя. Но о какой же сумме может идти речь, если даже благословенные короли Кастилии и Арагона, храни Господь их бессмертные души, отказали Христофору? Разве что весь дом Дельгадо вдруг решит отказаться от финансирования войны в пользу финансирования науки...

Но разве может быть что-то более доходным, чем война?..

Будто оттягивая драматическую развязку этой театральной паузы, к друзьям подошла уже знакомая разносчица и

поставила на стол корзину с фруктами и сыром.

– Что же, выпьем за встречу? – предложил Марио, желая хоть немного снять легкое напряжение.

Христофор закивал. Варгас разлил вино по бокалам, один придвинул к собеседнику, второй взял в руку и сказал:

– Твое здоровье, мой друг. Я несказанно рад тебя видеть.

– Это совершенно взаимно, Марио, – с улыбкой ответил Колумб.

И они немедленно выпили, после чего оба потянулись к еде.

– Итак, что же у тебя ко мне за дело? – спросил Марио мимоходом.

Колумб шумно втянул воздух ноздрями, посмотрел на собеседника, сказал:

– Я хочу, чтобы ты познакомил меня немецким живописцем Альбрехтом Дюрером.

Марио недоуменно взглянул на собеседника, и Христофор тут же добавил:

– Я слышал, вас с герром Дюрером познакомил герр Фуггер.

Он многозначительно посмотрел на старого знакомца, и Марио медленно кивнул.

Варгас и вправду хорошо знал Якоба Фуггера, одного из самых влиятельных и, что таить греха, богатых банкиров Германии. И с Альбрехтом Марио действительно познакомился благодаря Фуггеру, который был вхож в дом живопис-

ца.

Вопрос состоял лишь в том, откуда об этом стало известно Христофору? От самого Якоба? Но зачем тогда Колумбу понадобился посредник в лице Марио для встречи с Дюрером, если их свиданию вполне мог поспособствовать Фуггер? Множество вопросов, словно дым, не нашедший выхода в печной трубе, заполнили мозг Варгаса, окутали его мысли, спрятав их от хозяина так, чтобы он не мог над ними раздумывать, покуда не визнает хоть что-то у загадочно улыбающегося гостя.

Но готов ли гость говорить?..

– Допустим, это правда, – проронил Марио. – Но так ли важно, кто нас познакомил?

– Я лишь выказал осведомленность, – снова мягко улыбнулся Колумб. – Я специально наводил справки о Дюрере и был рад узнать, что у нас есть общий знакомый в твоём лице. Пока Кастилия решает свои военные вопросы, мне нужно как следует подготовиться к следующей встрече с Изабеллой и Фердинандом. Нового отказа я не вынесу.

– Так у вас будет ещё одна встреча? – удивился Марио.

– После неминуемого взятия Гранады я точно попробую напомнить Его и Ее Величеству о себе, – сказал Колумб. – Если, конечно, к тому времени меня не согласится обеспечить всем необходимым Франция, а предпосылки к этому, поверь, имеются...

Марио медленно кивнул. Колумб был фанатиком своего

дела и искал меценатов везде, куда мог дотянуться. За это его уже выслали из Португалии... а после – предложили вернуться обратно, уверяя, что ни один волос не падет с его головы... но при этом никакой поддержки, впрочем, не обещающая.

И вот теперь еще и Франция появилась на горизонте.

Как выразился Христофор? «Дорога – мой дом»? Кажется, это касалось не только путешествий к неизведанным берегам, но и странствий по финансовым дорожкам Европы.

– Так что же, ты сможешь поспособствовать нашему с герром Дюрером свиданию, Марио? – напрямик спросил Колумб.

– Думаю, смогу, – неуверенно ответил Марио. – Я и сам давно не виделся с Альбрехтом. Попробую навести справки через досточтимого Якоба. И, возможно, будет проще договориться о свидании, если ты сразу расскажешь, в чем состоит твой интерес, мой друг? Ты хочешь купить работы Альбрехта?

– Можешь считать меня суеверным, но я не хочу раскрывать все свои планы заранее, – с чуть виноватой улыбкой сказал Колумб. – Скажем так: до меня дошли слухи, что герр Дюрер обладает неким предметом, который может быть мне очень полезен. Если это правда, я бы хотел выкупить этот предмет у него. И я бы не хотел, чтобы кто-то, кроме меня и тебя, Марио, вообще знал об этом моем намерении. Можешь действительно сказать герру Фуггеру, что я хочу навестить

мастерскую художника, чтобы купить несколько картин. Такого рода встреча меня вполне устроит – лишь бы хоть на время остаться с немцем наедине. Ты сделаешь это для меня, Марио?

Варгас медленно кивнул. Колумб умел создавать ажиотаж на ровном месте. Казалось бы, ничего особого не сказав, он пробудил в банкире любопытство. Что за таинственный предмет может находиться у Дюрера? Откуда о нем прознал Христофор и почему так жаждет его заполучить?

– Скажи, мой друг, сколько времени ты еще пробудешь в Севилье? – спросил Марио.

– Столько, сколько потребуется. Если, разумеется, меня раньше не призовут под французские знамена... Ближайшие месяцы покажут, насколько серьезен их интерес. А почему ты спросил?

– Я планирую связаться с Якобом в ближайшее время и, в случае, если Альбрехт согласится нас принять, хочу, чтобы мы отправились в кратчайшие сроки.

– Нас? Мы? Значит ли это, мой друг...

– Да, Христофор, – сказал Марио. – Я хочу отправиться в Германию вместе с тобой. Тем более я давно не виделся с Альбрехтом.

– И, безусловно, заинтересован, что такое я хочу у него найти? – прищурившись, спросил Колумб.

– Разумеется.

Христофор пригубил вина, повертел бокал в руке и ска-

зал:

– Договаривайся скорей, мой друг. Мне не терпится встретиться с герром Дюрером.

Марио поднял свой бокал, и они молча выпили за успех грядущего мероприятия.

Глава 3

Испания. Луис и Эвита

2004 г./2024 г.

– Милый, поставь чайник, – пропел ее голос из коридора.

Луис вновь удивился умению жены излучать позитив даже в первые минуты нового дня. Для Санчеса пробуждение в 6 утра было сродни пытке: сначала солнце будит тебя обжигающим солнечным зайчиком, ты осознаешь, что сегодня только вторник, и тихо стонешь, понимая, что впереди еще уйма дел и втайне мечтая о субботе.

И только перевернувшись на другой бок и увидев сонную улыбку Эвиты, Луис вспоминал, зачем участвует во всей этой суете под названием жизнь. Уже через секунду, если прямо сейчас не сгрести жену в объятия, она вспорхнет с постели и, напевая очередную «самую любимую» песню, отправится в душ. Зашумит струя воды, бьющая в пластиковую шторку, и Эвита запоет громче – этаким звонким будильник, который просто невозможно проигнорировать.

После этого Луис обычно поднимался и шел на балкон, чтобы выкурить ароматную утреннюю сигару. Вернее, это были бережно разрезанные пополам сигары формата «robusto», придуманный Санчесом размер витол для дымного ритуала встречи нового дня. Идея посетила Луиса случайно наутро после Рождества, когда хмель и сонливость не позволили его рукам бережно обрезать сигару, превратив её в два обрубка. Формат «Луиса Санчеса», как он шутливо его назвал, позволял насладиться табачным ароматом даже в утренней суете приготовлений к выходу в мадридскую повседневность.

Сигары обычно хватало до того момента, когда Эвита выходила из душа и на балкон прилетала её нежная фраза:

– Милый, поставь чайник.

– Да, дорогая.

Струя воды из крана, щелчки пьезо на газовой горелке...

Мгновенье, и брюхо миниатюрного блестящего чайника уже лижут языки голубого пламени конфорки. Скоро он зазвистит радостно, приглашая Эвиту и малыша Пабло на кухню пить чай, а пока Луис сварит кофе. Он любил сидеть с чашкой свежесваренного эспрессо и наблюдать, как жена и сын возьмется с завтраком. Хлопья, чай, вечное «мам, я не хочу на ужин брокколи», рюкзак, в котором не хватает учебников, спешка, спуск на подземную парковку и долгая дорога из Орталезо в школу близ вокзала «Аточа» через многочисленные пробки Мадрида.

Сегодня все будет чуточку иначе.

Сегодня Луису предстоит поездка на другой конец города, и он уедет раньше, чем сын успеет понять, что забыл учебник по математике, а в ручке кончилась паста. Сегодня Эвита повезет Пабло в школу на электричке, а после отправится в художественную студию.

– Может быть, взять такси? – глядя на хрустящего хлопьями Пабло, спросил Луис у супруги.

– Зачем, если до станции два шага? – удивилась Эвита. – К восьми будем на месте, даже чуточку раньше. Если, конечно, наш малыш снова не забыл собрать портфель...

– Эй, – возмутился Пабло с набитыми хлопьями ртом. – Я уже не малыш. Я уже взрослый, мам.

Луис отвернулся, чтобы сын не видел его улыбки.

– Как скажешь, мистер взрослый, – серьезно кивнула Эвита. – Третий класс – это и вправду уже совсем не детская история.

– Вот, и я про что, – обрадовался Пабло.

– Очень скоро ты уже начнешь работать, – продолжила мама, – совсем как твой папа, и мы будем видеть тебя лишь ранним утром и иногда по вечерам...

Пабло от такого неожиданного поворота чуть не подавился хлопьями, а Эвита многозначительно посмотрела на Луиса.

– Милая, ну ты же знаешь, что я с радостью проводил бы время с вами, но работа... – Санчес вздохнул. – Куда от нее

даться?

– Я понимаю, – с грустной улыбкой сказала Эвита. – Просто скучаю по вечерам, когда мы все были вместе.

– Надеюсь, через пару лет все изменится, – произнес Луис. – Я все же открою свое дело, по свободному графику...

– Кажется, я слышала об этом плане пару лет назад, – заметила Эвита.

– Возможно. Но тогда я, наверное, говорил про четыре года, – слабо улыбнулся Луис.

– Ладно. Не буду тебя больше мучить. – Она подошла к нему и поцеловала в нос. – Впереди тяжелый день... у всех нас.

Пабло важно кивнул, будто речь шла в первую очередь о нем. И как он хочет поскорей повзрослеть, глядя на сына, подумал Луис. Но зачем? Разве не лучше оставаться в детстве как можно дольше? Три, четыре, даже пять уроков – это не так утомительно, как работа с утра до ночи над раздутыми сметами огромных строительных проектов.

Луис допил кофе и поднялся из-за стола.

Пора обратно, к цифрам.

Пока он обувал туфли, Пабло расправился с остатками хлопьев и вместе с Эвитой вышел в прихожую, чтобы проводить отца на работу.

– Пока, папочка, – пропела жена.

– Пока, пап, – шмыгнув носом, сказал сын.

Улыбнувшись, Луис растрепал сыну кучерявые волосы,

потом взял Эвиту за руку. Жена любяще посмотрела на Санчеса.

– Я постараюсь сегодня пораньше, – пообещал он.

Судя по ее прищуре, она не очень-то поверила. Впрочем, он и сам сомневался, что получится. Но не сказать не мог. Луис хотел, чтобы жена знала – он искренне хочет больше времени проводить с ними, и вся эта суета со стройками – не самоцель, а лишь способ обеспечить семью.

Эвита не понимает, что у Санчеса есть четкий план. Она не верит, что, если все сложится удачно, буквально через пару лет у них будет свой бизнес. Да, поначалу, возможно, придется вкалывать еще больше, чем сейчас. Но это же будет временная мера, плата за безбедное и свободное будущее...

Через еще пару лет, мысленно голосом жены повторил Луис, шагая через подземную стоянку к припаркованному в её глубине темно-зеленому «Сеату Лиону».

В этом месте Эвита бы рассмеялась и сжала бы плечо супруга, но в этом жесте не было бы злости или обиды. Нет ничего предосудительного в том, что мужчина мечтает сбежать от ежедневной рутины и больше времени проводить с женой и сыном. Напротив, это дарит тебе уверенность в том, что ты все делаешь правильно.

Например, везешь сына на электричке в школу, чтобы твой муж успел на встречу с подрядчиками.

Вот и старенький «Лион», такой же зеленый, как глаза Эвиты. Луис нарочно купил светлые чехлы для сидений –

когда жена садилась рядом, ее темные волосы красиво рассыпались по бежевой ткани. Комиксы на заднем сиденье не давали забыть о Пабло. Где-то там, в недрах его кресла, наверняка спрятан не один фантик от украденной из вазы конфеты.

Луис сел за руль, завел мотор и, бросив взгляд на брелок в форме табачного листа под зеркалом заднего вида, невольно улыбнулся: Пабло подарил ему этот брелок на последний день рождения.

Санчес любил подвозить Пабло в школу. Да, пробки немного нервировали, но зато это было их время отца и сына, время, когда они вдвоем могли обсудить, что угодно, вместе фальшиво попеть песни в унисон с магнитолой или же поспорить о цветах проезжающих мимо автомобилей.

Сегодня в темно-зеленом «Лионе» будет звучать только радио, но уже завтра Пабло привычным фальцетом скажет:

– Пап, переключи станцию.

Или:

– Ну вот, тетрадку забыл.

Или:

– А ты мне обещал мороженое...

Но все это – завтра. Уже завтра, скоро-скоро.

Луис включил радио и направил «Лион» к воротам, ведущим из подземного спокойствия парковки в мадридскую суету.

– Напоминаем нашим радиослушателям, что до выборов

в парламент Испании осталось три дня, – походя сообщил голос диктора из колонок.

Луис поморщился и переключил станцию. Слушать о политике в дороге – хуже не придумаешь. Тем более утро выдалось солнечным, на небе – ни облачка... Стоит ли портить себе настроения, размышляя о парламенте, выборах, депутатах?..

Какой чудесный мартовский денек, думал Санчес, тихо подпевая очередной песне.

Однако не прошло и получаса, как очередной весенний хит прервался.

– Экстренные новости! – взволнованным женским голосом рывкнули динамики. – Наша пресс-служба сообщает, что около 7:40 утра в нескольких пригородных поездах, направленных на мадридский вокзал «Аточа», случились взрывы. Число убитых и пострадавших уточняется! Следите за новостями!

Луис оторопело уставился на магнитоу. На мгновение показалось, что буквы материализовались перед глазами, превратились в целый состав из слов, а потом просто взорвались и пылью разлетелись по салону. Сердце забилося часто-часто.

Паническая атака, вдруг очень четко понял Луис.

Он резко затормозил. К счастью, едущий следом автомобиль успел уйти в сторону, и Санчес отделался лишь громкими протяжными сигналами и недовольными возгласами на-

пуганного водителя. Куда хуже, что Луис почти не мог дышать – будто только что умел и вдруг совершенно разучился, забыл, как это делается. Руки тряслись, словно Санчеса сразила болезнь Паркенсона. Он не мог сжать руль – пальцы просто не слушались.

Каким-то непостижимым образом Санчес сумел-таки включить аварийку, чтобы подъезжающие машины не гадали, почему одинокий темно-зеленый «Лион» застыл посреди шоссе.

Это не может быть правдой, думал Луис. Но это правда.

Он не мог знать наверняка, но откуда-то знал, что в одной из электричек были Эвита и Пабло. Откуда-то знал, что остался один, совсем один.

В окно водительской двери кто-то постучал. Луис Санчес с трудом повернул голову и недоуменно уставился на хмурого незнакомца лет тридцати пяти, который откуда-то возник прямо рядом с «Лионом» и теперь вопросительно взирал на сидящего в машине.

Незнакомец что-то прокричал.

«Опустите стекло», прочел Луис по губам и, нажав кнопку стеклоподъемника, исполнил просьбу сурового чужака.

– Кажется, нам лучше перестать встречаться по таким поводам, – сказал незнакомец. – Есть масса других, куда более приятных поводов, чем смерть твоей семьи. Согласен, Луис?

Санчес медленно кивнул. Как же он сразу не узнал в этом

Хмурым своего давнего товарища, майора Уго? Правда, на тот момент они еще не были знакомы, да и Уго был не майором, а капитаном...

Луис рефлекторно посмотрел на приборную панель автомобиля и помрачнел.

Что-то тут явно было нечисто. Часы показывали 7:52, соответственно, Уго физически не мог здесь находиться. Прямо сейчас он должен был ехать на вокзал «Аточа», чтобы вместе с другими офицерами и санитарями участвовать в спасении тех, кто не погиб, а только лишь пострадал от взрывов.

Но Пабло и Эвиты среди живых нет, неожиданно спокойно подумал Луис. Давно уже нет, хотя так странно, когда умирает Эвита, чье имя значит «живая».

Как можно давать такие имена людям, которые смертны, Санчес не знал.

– Мне выйти из машины? – спросил он у Уго.

– Да нет, не стоит, – покачал головой будущий майор. – Можешь просто проснуться.

Луис до боли в скулах зажмурился... а потом резко открыл глаза. Вокруг была темная комната его дома в отеле «Мукуль». Санчес некоторое время лежал, жадно хватая ртом воздух – пытался надышаться и прийти в себя. Потом, когда гипоксия отступила, и голова немного прояснилась, Луис осмелился сесть. Комната все еще покачивалась из стороны в сторону, постепенно фиксируясь в пространстве.

Санчес облегченно вздохнул и растерянно оглянулся, ища телефон.

Нашарив его на прикроватной тумбочке, взял в руки и тапнул по экрану.

Пять утра.

Что ж, могло быть и хуже.

Санчес снова лег и уставился в потолок. Он знал, что уже не уснет. Но на сей раз провел во сне куда больше времени, чем пару недель назад, когда кошмар пробудил его в два часа ночи.

Неужели я до конца жизни буду вспоминать тот день, 11 марта, думал Луис, глядя в серое небо потолка. Неужели эта боль никогда не отступит?..

Санчес хотел бы поверить, что дело было в письме Уго с новостями о скором переезде майора в Никарагуа, но кошмары настигали продавца дыма и без всяких писем.

– Эвита, Пабло... я скучаю... – закрыв глаза, тихо произнес Луис.

Теперь у него была работа мечты и океан свободного времени, вот только не с кем стало его проводить. Не к кому было спешить домой с плантации, хотя он сотни и тысячи раз представлял, что дома ждут жена и сын...

Время, вечное и равнодушное, незаметно сдвигает, словно магнитный полюс земли, градус бытия. По какой-то причине удаляет и создает что-то в нашем мире повседневности. Метрономом отсчитывая судьбу каждого, не ведающего, что

с ним будет завтра.

А, может, и не имеющего этого завтра вовсе.

Глава 4

Первая встреча Колумба и Дюрера

1491 г.

Как и рассчитывал Колумб, Якоб Фуггер не отказал в помощи. В ответ на письмо Марио Варгаса он прислал свое, в котором сообщал, что юный Альбрехт находится в путешествии по Европе – обычное для молодых художников занятие, когда подмастерья набираются опыта у состоявшихся мастеров. По словам герра Фуггера, в начале декабря Дюрер должен был прибыть в Эльзасский город Кольмар и там остановиться на несколько месяцев. Зачем и почему, Якоб точно не знал, но упомянул вскользь Мартина Шонгауэра, талантом которого Альбрехт «весьма восхищался и явно не прочь был перенять что-то у такого известного мастера».

– Герр Фуггер обещал, что напишет Дюреру о твоём интересе, – объявил Марио, когда они с Колумбом встретились, чтобы обсудить письмо немецкого банкира. – Якоб уверен, что Альбрехт с радостью примет нас в Кольмаре.

– Что ж, это отличные вести, – с трудом сдерживая радость, сказал Христофор. – Предлагаю ближайшую неделю посвятить сборам, а после сразу же отправиться в Кольмар.

– Так скоро? – удивился Марио.

– Гранада все еще стоит, – с грустью заметил путешественник. – И ждать, что завтра мавры вдруг выбросят белый флаг, не стоит. Если у тебя, мой друг, имеются неотложные дела, я могу навесить герра Дюрера и сам.

– Нет-нет, я полагаю, мне удастся составить тебе компанию, – поспешно заверил Марио. – Тем более мне все еще интересно, что за любопытную вещицу ты хочешь отыскать у Альбрехта.

Христофор на это лишь загадочно улыбнулся.

Следующая неделя для Марио превратилась в суший кошмар. Лишь с превеликим трудом он успел подготовиться к поездке за означенную неделю. В какой-то момент Варгас и вовсе помышлял отказаться от сомнительной затеи ехать в Кольмар, но его банкирское чутье подсказывало, что нужно отправиться с Колумбом. Тем более, Христофор в одной из бесед обмолвился, что предмет, хранящийся у Дюрера, может помочь ему в получении финансирования для грядущего путешествия к берегам Китая. Сама экспедиция могла сулить значительные прибыли, и, хоть роль Альбрехта в этом деле была до конца не ясна, Варгас решил, что потраченное время окупится с лихвой.

Тот, кто был едва знаком с Колумбом, мог бы счесть его слегка помешанным авантюристом. Но Марио знал Христофора много лет и всегда поражался его упорству в стремлении к намеченной цели.

И поездка в Кольмар, очевидно, должна была стать одной из ступеней на пути к новой экспедиции.

Две недели в дороге стали для банкира настоящим испытанием: он уже давно пустил корни в Севилье и отвык от долгих странствий, от подпрыгивающей на ухабах кареты, от пыли, ветров, неудобных кроватей постоялых дворов и жесткой пищи, которую готовили неумехи в крохотных провинциях, чье название не всегда знают даже местные жители. Марио изнывал от дорожных неурядиц и с нетерпением ждал того момента, как они наконец доберутся до Кольмара, где смогут хотя бы несколько дней провести вне экипажа.

Раздражение Варгаса путешествием не могло укрыться от Колумба, но, что удивительно, мучения старого друга не просто не расстраивали Христфора – они бесконечно его веселили.

– Оседлая жизнь в Севилье, как я посмотрю, крайне изнежила тебя, мой друг, – заметил он, когда они ужинали в трактире близ Тулузы. – А я ведь помню, когда-то ты мечтал отправиться со мной в экспедицию к далеким неизведанным берегам!

– Когда же это было! – фыркнув, сказал Марио. – То говорил юный я, который еще не оброс... гхм... грузом обязательств. Сейчас я разве что к близким берегам с тобой бы отправился, притом хорошо изведанным!

– И чтобы там обязательно были мягкие перины и вкусное вино? – прищурившись, спросил Колумб. – Прямо как

в труде Ибн Бутлана?

– Всенепременно, мой друг! Всенепременно...

К концу путешествия Марио, однако, поймал себя на мысли, что не все так ужасно. Скорей, поначалу так казалось с непривычки, но на излете второй недели поездки в экипаже уже не казались такими утомительными, а кровати постоянных дворов – такими неудобными. Строго говоря, Варгас теперь добирался до койки, ложился и сразу засыпал, не проводя полночи в поисках удобной позы.

– Должен признать, так можно жить, – заметил Марио, когда они уже подъезжали к крепостным стенам Кольмара.

Христофор посмотрел на спутника с легкой полуулыбкой:

– Привычки, мой друг, скрашивают течение времени, но это, увы, лишь производная задачи выживания, а не ее решение. Привычки, словно пульс хронометра, просто маскируют ускользающее время, превращая нашу с тобой обыденность в монотонный лабиринт меланхолии.

Марио не нашел, что на это ответить. Разумеется, он не собирался менять образ жизни, он не мог по щелчку пальцев из банкира сделаться исследователем-путешественником, даже если бы захотел. Варгас сомневался, что хочет постоянно глотать дорожную пыль. И пусть наградой за это будут встречи с преинтересными людьми, вроде Дюрера, в колоритных местах, вроде Кольмара, Марио вряд ли согласился бы обменяться судьбами с кем-то, вроде Колумба.

Хотя, признаться, в глубине души завидовал умению ста-

рого друга легко переносить дорогу. Кажется, для таких людей весь мир открыт, и лишь невезение – в виде затянувшейся войны Кастилии с маврами – могло помешать достичь самых дальних уголков света.

Впрочем, сам Христофор не терял надежд на благословенных испанских монархов Изабеллу и Фердинанда – сразу по возвращению из Эльзаса он намеревался снова просить их аудиенции.

Пока же путников ждала жемчужина Декополиса – Кольмар, один из союза десяти свободных городов Эльзаса, образованный еще в 1354-ом году императором Карлом IV. Местные цеховые гильдии выкупили у Священной Римской империи городские привилегии, что даровало городам Декополиса почти полную политическую самостоятельность. Здесь был собственный суд, рынки, ярмарки, даже налоги. А некоторые города, включая Кольмар, получили от императора право не допускать в свои стены евреев.

Именно здесь, со слов Якоба Фугерра, квартировал Дюрер, и в конце ноября Колумб и Марио достигли прославленного города. Не без труда найдя жилье – час был поздний – они сгрузили багаж и, наскоро поужинав, легли спать после долгой дороги. К Дюреру решили отправиться утром: Албрехт бы точно счел вопиющим нарушением этикета, если бы Варгас и Колумб пожаловали к нему в ночи.

– Хозяин сказал, что молодой немец снимает жилье рядом с домом Мартина Шонгауэра, – заметил Колумб, когда они с

Марио встретились за завтраком на рассвете. – Это примерно в получасе пешим ходом.

– Ты хочешь отправиться сразу после трапезы? – уточнил Варгас.

Христофор кивнул:

– Пошлем вперед мальчишку, предупредим о намерении. Если герр Дюрер одобрит визит, не вижу смысла тянуть.

Марио не нашел, что возразить.

Спустя час мальчишка, нанятый Христофором вернулся и сказал, что живописец не против принять гостей.

– Что ж, тогда решено? – с улыбкой спросил Колумб.

Варгас хмыкнул, но снова промолчал: какой смысл бросаться словами, когда разгадка «секрета» Дюрера настолько близка?

После недолгого променада по сонным улицам Кольмара друзья подошли к дому, где остановился Альбрехт. Постучав в невысокую дубовую дверь, Христофор кашлянул в кулак и сложил руки перед собой, стараясь сдержать волнение.

Так странно, подумал Варгас. А ведь Альбрехт примерно одних лет с Диего Колумбом, то есть годится Христофору в сыновья. Так чего же путешественник так волнуется?

Поразмыслить над ответом не вышло: дверь приоткрылась, и наружу выглянул бледный молодой человек с рыжими неухоженными волосами, которые едва касались покатым плеч.

Марио легко узнал в нем Дюрера – в ту единственную их

встречу живописец выглядел точно так же, разве что стрижен был покороче.

– Доброе утро, Альбрехт, – широко улыбаясь, сказал Варгас. – Надеюсь, вы меня узнали?

– Да, верно, господин Варгас, – со слабой улыбкой ответил немец. – Я получил письмо от герра Фуггера, где он предупредил меня о визите вас и... – Дюрер перевел взгляд на Христофора. – Господина Колумба. Очень рад знакомству.

– Взаимно рад и я, – дружелюбно ответил путешественник.

– Входите, господа. Не стоит вести разговор у порога.

Дюрер отхлынул от двери, и Марио, пропустив вперед Колумба, скользнул внутрь следом за другом.

Квартира Альбрехта была невелика и скромно обставлена. По крайней мере, это касалось гостиной – стол у единственного окна, при нем – две лавки, в углу – ведра с водой и умывальник. Остальное же пространство занимали полотна, доски, мольберты, и прочие принадлежности для живописи. Из-за того, что прямо за окном находилось дерево с раскидистой кроной, комната была плохо освещенной, даже мрачной. Марио поймал себя на мысли, что не смог бы долго находиться в ней.

А вот Дюрер, судя по количеству картин в мастерской, несмотря на свою бледность, явно горел, буквально жил искусством, но при этом Колумба не покидало чувство, что мастер все время находится в меланхоличной полудреме, эта-

кий призрак художника, навсегда связанный с этим угрюмым местом.

– Присаживайтесь, если хотите. – Альбрехт указал на стол с лавками. – Простите за беспорядок, вестовой предупредил о вашем визите, но я не думал, что вы придете так быстро.

– О, мы проделали долгий путь, – с интересом оглядываясь по сторонам, сказал Колумб. – Не терпелось с вами увидеться... А насчет беспорядка – это ведь, по сути, ваша мастерская. Пусть и временная. Думаю, у художников жилище и должно быть достаточно ... аскетично.

– И все же мне неловко, – признался Альбрехт.

– Все в порядке, – ободряюще произнес Марио.

Христофор не торопился усаживаться. Остановившись рядом с мольбертом, он с интересом рассматривал творение Дюрера.

– Это еще неоконченная работа, да и сейчас еще слишком светло, – заметил Альбрехт.

– Да-да, я понимаю, – пробормотал Христофор. – Но все же...

– Это не просто прихоть, господин Колумб, – с нажимом сказал Дюрер. – Реальность обманчива при дневном свете. Она лишь маскирует цветами монохромное пространство. Поэтому я предпочитаю показывать готовые работы и только в сумерках.

Живописец старался не обидеть гостя, но заметно было, что поведение путешественника ему не нравится.

Колумб повернулся к хозяину и, улыбнувшись, сказал:

– Простите, трудно оторваться. Все эти персонажи... очень странное ощущение... завораживает и одновременно... отталкивает.

– Благодарю, – с вежливой улыбкой ответил Дюрер. – Запечатлеть в рисунке человеческое уродство просто. Но попробуйте то же самое сделать словами, и никто не захочет читать. А картины... Картины захватывают внимание.

Он смерил свою неоконченную работу скептическим взглядом, после чего посмотрел на Колумба и пообещал:

– При случае обязательно покажу вам законченный вариант. А теперь, если позволите, давайте перейдем к делу? Сразу скажу, мне очень лестно, что вы заинтересовались мной, начинающим художником, и моими работами. Господин Варгас. – Альбрехт посмотрел на банкира. – Я, признаться, думал, что в прошлый визит вы хвалили мои работы только лишь из вежливости.

– Это совсем не так, – покачал головой Марио. – Я не большой знаток в области изобразительных искусств, но, Альбрехт, ваша живопись мне интересна, это правда.

– Благодарю, господин Варгас. Я рад, что ошибался. – Дюрер улыбнулся банкиру, после чего обернулся к его спутнику. – Предположу, что господин Колумб вдохновился вашей похвальбой и потому искал встречи?

– По правде говоря, все обстояло несколько иначе, – с улыбкой заметил Христофор. – О вашей персоне я узнал не

от Марио. И интерес мой связан не только и не столько с вашими картинами, которые, безусловно, замечательны, сколько с иной ценностью, которой вы владеете.

Альбрехт удивленно посмотрел на собеседника.

– Ценностью? – переспросил живописец. – Признаться, теряюсь в догадках, о чем может идти речь. Не могли бы вы пояснить, господин Колумб?

Судя по его взгляду, он не лукавил. Христофор смерил его пристальным взглядом, после чего произнес:

– Я говорю о карте географа Тосканелли, ныне покойного, герр Дюрер. Мои... источники сообщили мне, что она у вас. Это так?

Марио нахмурился. Карта? Они проделали такой путь, потому что Колумба интересовала карта некоего покойного географа? Почему же Христофор так долго держал интригу, почему не попросил Марио через Якоба узнать цену артефакта у живописца, а предпочел лично озвучить интерес?

– Да, – поколебавшись, чуть хриплым от волнения голосом ответил Альбрехт. – У меня. Но... – Он запнулся. – А, впрочем, мне следовало догадаться, что вы ищете встречи из-за нее. Вы ведь ищете короткий путь в Китай?

– Все так, – медленно ответил Колумб. – Так что же, могу я взглянуть на карту Тосканелли?

Наблюдая за их дуэлью взглядов, Марио вдруг подумал, что соперники достойны друг друга: Колумб пытается давить положением старшинства, но Дюрер, несмотря на юность,

держится молодцом, хотя поначалу казалось, что он слишком рассеян и даже растерян.

Что же это за карта такая? И почему Колумб уверен, что Альбрехт взял ее с собой в поездку по Европе?

Возможно, дело в ее ценности?..

– Послушайте, – сказал Христофор, – я ищу эту карту много лет, с того самого момента, как узнал о ее существовании из письма Тосканелли. Мы с моим другом проделали долгий путь из Севильи в Кольмар, чтобы только взглянуть на нее...

– Только взглянуть?

– Разумеется, не только, – улыбнулся Колумб. – Эта карта мне нужна, чтобы получить поддержку моей экспедиции. Чтобы подкрепить мои теории работой выдающегося Тосканелли. Это явно увеличит мои шансы на успех. Вы, герр Дюрер, можете оказать мне неоценимую услугу. Что скажете?

– Скажу, что сейчас принесу карту, – произнес Дюрер. – И, если вы ищете именно ее, сможем обсудить цену. Ждите здесь, господа.

С этими словами он вышел из комнаты, оставив друзей наедине.

– Чрезвычайно мудрый молодой человек, – сказал Колумб, весело посмотрев на Марио. – Чрезвычайно...

На холсте, установленном на мольберте, тревожно озирающиеся рыбаки сетями вытягивали из воды глядящего в небо мальчика.

Глава 5

Старый знакомый

2024 г.

Трель гостиничного телефонного аппарата заставила Луиса вздрогнуть. Протянув руку, он снял трубку и поднес к уху.

– Дон Санчес? – сквозь треск спросил динамик хриплым голосом.

– Да, Франко, – легко узнав бесстрастную манеру охранника отельного КПП, отозвался Луис.

– Вы просили сообщить о приезде дона Наварро.

– Он только что въехал на территорию отеля?

– Да, сеньор.

– Спасибо, Франко, – поблагодарил Луис и вернул трубку на рычаг прежде, чем прозвучало эхо коротких гудков законченного разговора.

Сосредоточиться не получалось. Мыслями Санчес был очень далеко отсюда. Сегодня был день X, и момент X уже приближался.

Луис пока не решил, как относиться к переезду майора Уго в Никарагуа. С одной стороны, они поддерживали связь все эти годы и являлись если не друзьями, то хорошими знакомыми. С другой, Луис не очень-то хотел, чтобы человек из

прошлого, от которого Санчес бежал в Центральную Америку, жил в соседнем с ним доме.

Зачем тогда было покидать Мадрид, траурной ежедневностью напоминающий об утраченных жене и сыне, если Мадрид нашел его здесь, в вулканическом оазисе цивилизации Чибча.

Одним своим приездом Уго менял мир, к которому привык Луис, до неузнаваемости. Когда обрывки страшной трагедии прорывались через электронные письма и редкие звонки, Санчес готов был мириться с ними, пусть это и давалось непросто. Но такое соседство...

Луис не хотел смотреть в окно и видеть там Уго, потому что проклятая память моментально дорисовала бы за спиной майора вокзал и смятые составы, похожие на взорвавшиеся в костре консервные банки с бобами.

Только вместо томатного соуса повсюду были...

Санчес резко встал, чтобы прервать очередной флэшбэк, и ощутил, как дрожат его руки и колени.

Прямо как тогда, за рулем в 2004-ом.

Все. Стоп. Воспоминания – на замок.

Но сейчас они увидятся с Уго, и их все равно станет *слишком много*.

Снаружи послышался рев автомобильного мотора, судя по тональности – фургон и, похоже, не один.

Минуту спустя этот звук стих, но на смену пришли другие – скрип тормозов рядом с домом, хлопки дверей, неразбор-

чивое приглушенное бормотание.

«Вот он и приехал».

Луис догадывался, как глупо, должно быть, выглядит со стороны – замер посреди комнаты, вслушивается в доносящиеся снаружи звуки, одновременно с этим пытается отделить настоящее от примеси прошлого и не сойти при этом с ума. Но что он мог поделаться с подобравшимся призраком давно ушедших дней?

Разве что закурить.

Для Санчеса это был надежный способ успокоиться. За сигарой он чувствовал, как пространство распадается на дым и пепел, а время будто останавливается в серо-пурпурном тлении.

Щелчок гильотины отсек кончик витолы быстро и четко – будто перерубил хребет Уроборосу, символу связи времен.

Чирк спички, тление табака, обращающее дурные мысли в пепел.

И дым от горящих сомнений, уносящийся вверх, к потолку.

Ровно в тот момент, когда Луису начало казаться, что он почти успокоился, комната наполнилась настойчивым стуком ожидаемого незваного гостя.

Санчес оглянулся и посмотрел на дверь. Он много раз представлял себе этот момент. После бегства Луиса из Испании Уго в своих письмах постоянно расспрашивал его о Никарагуа, о сигарных делах, табачных плантациях, о климате,

женщинах и отеле, в котором Санчес жил.

Лет пять назад впервые прозвучало: «Может, и мне к вам перебраться, на старости лет?». Прозвучало, скорей, как шутка, а не план, но со временем этот вопрос начал повторяться все чаще, пока пару лет назад не превратился в твердое намерение Уго переехать в Никарагуа.

И вот теперь майор стоит за дверью и ждет, пока Луис откроет ему, чтобы впустить прошлое в настоящее.

Санчес шумно вдохнул напас табачного дыма. Пальцы сжали сигару так сильно, что её тело сплющилось, издав стон боли лопнувшего покровного листа.

Подошвы майорской обуви, видные сквозь щель дверного порога, загораживали яркое солнце. Судя по тому, что тень не двигалась, Уго стоял, не шевелясь, словно застыл по стойке «смирно».

Poli всегда остается Poli.

Луис обреченно подошел к двери, разблокировал замок и открыл её.

Пути для отступления не осталось.

– Ну, здравствуй, продавец дыма, – бросил Уго.

Он сказал это так непринужденно, словно они расстались только вчера, и в первую секунду Санчесу действительно показалось, что майор почти не изменился с тех пор, как они виделись в последний раз, в Мадриде: выправка, коротко стриженные волосы, большой нос настоящей «ищейки», волевой подбородок. Лишь присмотревшись, Луис заметил,

что на лице Уго прибавилось морщин, «ежик» припорошила седина, а глаза заметно выцвели – правда, в них, как и прежде, будто плясали языки озорного пламени неизвестного происхождения.

То ли огни преисподней, то ли просто неиссякаемая жажда жизни.

Хотя на Наварро была рубашка и летние брюки, фантазия Санчеса все равно дорисовала мундир полицейского с блестящим жетоном.

– Здравствуй, Уго, – не отводя взгляда, ответил Луис.

Майор перешагнул через порог, и они пожали друг другу руки и обнялись.

– А эта ваша Никарагуа не так уж и далеко, да? – отстранившись, заметил майор.

– Хотел бы уехать далеко, выбрал бы Южную Америку, – пожав плечами, ответил Санчес.

– А почему не Северную? – прищурившись, спросил Уго.

– Как быстро начались неудобные вопросы! – деланно удивился Луис.

Майор рассмеялся и, похлопав мадридского товарища по плечу, сказал:

– Прости, привычка. Как говорят русские: старого пса новым трюкам не научишь.

Санчес улыбнулся самым уголком рта. Уго по-прежнему обожал вворачивать в разговор присказки и поговорки самых разных народов, стремясь подчеркнуть богатый круго-

зор.

– А еще русские, я слышал, говорят: «В ногах правды нет». Так что присаживайся, – предложил Санчес, чтобы в их с майором разговоре вдруг не возникла опасная пауза.

Сорвавшийся с его сигары пепел сухим снегом бесшумно осел на полу.

Пеплу не стать сигарой, подумал Санчес, скользнув взглядом по табачному праху у ног.

– Угостить тебя сигарой? – спросил Луис, посмотрев на майора.

Замерев на мгновение, Уго хмуро ответил:

– Человек за сигарой – пример ужасающего вольнодумства, мой друг.

Санчес не успел удивиться, как майор тут же расплылся в улыбке и воскликнул:

– Шучу! Я бы с радостью, но сейчас просто никак: надо отпустить грузчиков. Но, если у тебя нет планов на вечер, мы могли бы поужинать где-то... Где у вас тут лучший ресторан? Можешь заказать столик часов на восемь? Я угощаю! Хочется отпраздновать начало новой, свободной жизни! Как говорят китайцы: нет долгов – и на душе легко!

– Как будет угодно – кивнул Луис. – В каком доме ты остановился?

– Через один от твоего. – Уго махнул рукой куда-то себе за спину. – Кажется, это одиннадцатый. Звони, если что. Ладно, пойду. Надо проследить, чтобы мне там ничего не разбили

и не сломали. Крушить вещи старика Уго может только сам старик Уго!

Майор снова рассмеялся и сжал плечо Санчеса. Он казался по-настоящему счастливым, но что-то в его взгляде заставило Луиса насторожиться. Впрочем, майор не дал ему времени на анализ.

– До вечера! – воскликнул Уго и, круто развернувшись, покинул дом.

Как будто что-то не договаривает, уже позже размышлял Санчес, сидя в кресле и докуривая растрепанную сигару.

«Да нет, наверное, это просто паранойя. А паранойю надо бороться по методу Бентанкура...»

В компании Алехандро Гомеса Бетанкура, главного табачовода провинции Халапа, Луис провел не один приятный вечер. Говоря о паранойе, Алехандро всегда повторял: «Из того, что тебе кажется, что это так, не следует, что это так и есть». Наверное, приверженность этому нехитрому принципу Бентанкур и дожил почти до 100 лет... как и его отец... а до этого – дед.

Сизое кольцо плотного дыма устремилось к потолку.

Луис с интересом наблюдал за тем, как оно плавно растворяется в воздухе, навеки становясь прошлым. Дым таинственен, потому что неуловим? Возможно. Но почему это делает его таинственным? Почему неуловимость должна быть загадочней тактильности? Возможно, потому что мы хотим им обладать?..

«Дым неуловим как время, поэтому хватит терзать себя вторжением Уго. Время рассудит... вечер покажет».

Докурив, Луис позвонил в ресторан «Сосьедад».

Очаровательная Габриэла (с которой они давно были знакомы не только как хостес и завсегдатай) попросила Санчеса прислать ей meta-dot его гостя – токен-id, чтобы убедиться не только в наличии прививок от всех штаммов ковида, но и заранее ознакомиться с его гастрономическими и алкогольными предпочтениями.

Meta-dot Наварро хранился в социальном облаке Луиса, как принимающего иностранца, поэтому переслать его Габриэле не составило труда. Затем Санчес выбрал столик у окна и тут же позвонил майору, кликнув на его номер в мета-доте.

– Наварро, – несколько длинных гудков спустя ответил сухой баритон.

И снова – порция воспоминаний: таким же тоном, холодным и деловым, майор отвечал на звонки, когда работал в мадридском офисе национальной полиции Испании. Тогда Луис, официально потерпевший, нередко чувствовал себя подозреваемым во время бесед с Уго. К счастью, Санчес прекрасно понимал, что майор всего лишь делает свою работу. Несмотря на то, что ответственность за случившийся в Мадриде теракт взяла на себя группировка воинствующих магометан полиция не могла принять этот факт на веру. Опять же, любой из потерпевших формально мог быть в сговоре

с экстремистами... по крайней мере, исключать такую возможность не следовало.

– Говорите, – напомнил о себе майор.

– Уго, это Луис, – спохватившись, выпалил Санчес. – Я забронировал нам столик на восемь, выехать надо в семь.

– Отлично, мой друг! – задорно воскликнул Наварро. – Без пяти семь я буду у твоей двери!

– До встречи.

Сбросив вызов, Луис облегченно вздохнул. Суета и тревога, ворвавшиеся в его сердце с приездом майора, на время отступили.

Удивительно, но Санчесу удалось даже немного поработать в оставшееся до вечера время – подбить цифры по закупке удобрений для плантаций, заплатить очередные налоги, еще кое-что по мелочи. Около шести вечера Луис отправился в душ, пять минут спустя вышел оттуда и еще полчаса сидел на кровати, рассеянно глядя на вешалки с вещами, которые пестрели в приоткрытом шкафе.

Почему так не хочется никуда ехать? Прямо как тогда, в Мадриде...

Надо смириться с тем, что в ближайшие недели Уго будет *слишком много*. Он ведь только переехал и никого, кроме Луиса, не знает. Ему нужно время на адаптацию. Разумеется, майор не из тех, кого надо за руку водить по Никарагуа, рассказывая, где что и почему. Но все же неожиданных визитов и звонков у Луиса точно прибавится.

Ровно в 6:35 РМ Санчес начал переодеваться. Он выбрал светло-зеленую рубашку с коротким рукавом и легкие бежевые штаны. Идеально для любого времени года в Никарагуа.

В без пяти семь в дверь постучали: майор был сама пунктуальность. Луис окинул свое отражение в зеркале придирчивым взглядом и пошел открывать.

Уго был в том же наряде, что и днем. Служивые люди не особо следят за модой, потому что привыкли ходить в форме.

– Ну что, в путь, Луис? – с улыбкой спросил майор.

Санчес улыбнулся и кивнул.

Ровно в 7:00 подъехало заранее заказанное Луисом такси.

– Сигару? – предложил Санчес, едва они отъехали.

Майор удивленно воззрился на спутника.

– Это такси для курящих, – пояснил Луис, вытаскивая дорожный хьюмидор.

– Тогда сочту за честь! – воскликнул Уго.

Минуту спустя салон наполнился ароматным дымом. На КПП снова дежурил Хосе. Увидев его, Луис опустил стекло двери. Охранник тут же просиял и воскликнул:

– Добрый вечер, дон Санчес!

– Добрый, Хосе. Опять подменяешь приятеля?

Охранник закивал.

– Знакомься. – Луис указал на спутника. – Это дон Уго Наварро, мой старый знакомый из Мадрида.

– Да-да, Франко говорил мне о вашем приезде, сеньор!

Очень рад познакомиться с вами! Я – Хосе, охранник, можете обращаться ко мне по любым вопросам!

Майор рассеянно кивнул. Взгляд его надолго не задержался на Хосе – судя по всему, охранник был Уго совершенно неинтересен.

К счастью, шлагбаум уже был поднят, и Луис со спокойной совестью попрощался:

– До встречи, Хосе.

– Счастливого пути, почтенные сеньоры! – воскликнул Хосе прежде, чем продавец дыма закрыл окно.

Такси покатило дальше.

– Каков болтун, а? – заметил Уго с усмешкой. – Надеюсь, другой персонал не столь назойлив?

Луис покачал головой. Убеждать майора в том, что Хосе – славный малый, Санчес не стал. А зачем? Не все любят болтунов. А такие говоруны, как сам майор – вдвойне: наверное, чувствуют конкуренцию? Как знать...

По иронии судьбы, сам Уго молчать не собирался. Поначалу он расспрашивал Луиса буквально обо всем, что мелькало за окном такси – джунгли, вечернее солнце, вулкан вдалеке...

Когда же они проезжали мимо одного из полей Санчеса, посыпались вопросы о том, сложно ли выращивать табак и производить сигары и как много времени отнимает работа?

– Табак уже вырос, да? – прищурившись, осведомился Уго.

– Нет, до сбора урожая еще месяц, – покачав головой, ответил Луис. – Листьям еще нужно набрать сок земли и крепость солнца.

Майор посмотрел на друга с уважением и, затянувшись сигарой, на выдохе пробормотал:

– Сразу видно, что ты знаешь толк в табаке. Сигара просто волшебная. Вкус, аромат...

– Не сглазь урожай лишней похвалой, – с улыбкой сказал Санчес.

– Не буду, – пообещал Уго.

Когда они подъехали к ресторану, оставалась последняя треть сигары.

– Постоим, докурим? – спросил Уго, глядя на светящиеся окна, за которыми зеленели скатертями столики и мелькали пестрые платья суетящихся официанток.

– Зачем? – Луис пожал плечами. – Мы можем докурить в ресторане. Здесь любят дым.

Майор хмыкнул и следом за Луисом вошел в «Сосьедад». Шагая к столику и дымя сигарой, Луис подумал, что давно не чувствовал себя настолько морально опустошенным.

«Как будто... как будто побывал у майора на допросе».

Однако на деле это была лишь прелюдия, а сам допрос случился уже за ужином.

Началось все достаточно невинно: дождавшись аперитива, Уго с удовольствием отведал вина, затем похвалил Луиса – за выбор ресторана – и немного порассуждал о том, как тя-

жело в национальной полиции Испании честному офицеру дослужиться до пенсии.

И лишь когда им принесли по увесистому стейку, Уго наконец открыл карты.

– Я человек прямой, Луис, – откинувшись на стуле, сказал майор. – Ты это прекрасно знаешь. А тебя я вдобавок считаю другом. Поэтому скажу напрямик: я бы хотел обсудить с тобой, Луис, возможность экспорта твоих сигар в Испанию.

Слова Наварро удивили, но одновременно расслабили продавца дыма. Он не ждал, что Уго заговорит на подобную тему. Хотя, если вдуматься, все предыдущие вопросы, включая разговор в такси, вполне укладывались в нынешний интерес майора.

Учитывая, что сфера табачного бизнеса была Луису куда ближе, чем любая другая (включая воспоминания о делах давно минувших дней, которые обсуждать Санчесу совсем не хотелось), ужин обретал вполне комфортные черты.

– Я сейчас думаю, как обеспечить себе старость, – с улыбкой продолжил Уго. – Понятно, что это вопрос не завтра и не послезавтра. И какие-то определенные запасы у меня есть. Но надолго их не хватит. А люди, которые хотели бы закупать твои сигары под их брендом – опять же, буду с тобой откровенен – готовы платить мне хорошие комиссионные, пока ваша сделка – возможная! – будет в силе. Ну так что скажешь?

– Мне сложно ответить тебе что-то, – признался Луис. –

Потому что ты не озвучил никаких деталей.

Уго подался вперед и негромко произнес:

– Импортёры, с которыми я разговаривал, готовы выкупать у тебя миллион сигар в год, если цена будет не выше доллара.

Луис посмотрел на майора и едва удержался, чтобы не присвистнуть от удивления.

– Твои люди, Уго, или дураки, или контролируют продажи сигар в Испании на государственном уровне, – заметил Санчес. – Только Кубинской Обанос удастся держать в Испании такие объёмы. При этом никарагуанским компаниям отдают лишь жалкие крохи. И тут я оказываюсь перед дилеммой. С дураками дела иметь опасно и дорого, а с теми, кто контролирует табачный бизнес в Испании, как учит история, не заработать. Им нужны супердешевые сигары среднего качества, чтобы удерживать сигарную монополию в стране.

– Ты же слышал про бренд «Don de colón»? – Уго выдал название, как на духу – видимо, действительно хорошо подготовился к разговору. – Как говорят здесь, этот бренд крутят в никарагуанских тюрьмах, и их объёмы в Испании около 0,5 миллионов сигар в год. Видимо это максимум, что они могут производить.

– Конечно, я о них слышал. И?

– Люди, с которыми я общаюсь, из второй категории, но, похоже, они уже не горят желанием покупать супердешевые сигары. Дело в том, что полгода назад случилось... то, что, в

общем-то, всегда случается, когда невозможно контролировать качество.

Майор отхлебнул вина и продолжил:

– Партия 300 000 сигар которая приплыла в Испанию, оказалась бракованной. Зэки не только умудрились запорть скрутку, от чего тяга была такая, словно пытаешься курить бревно, так еще и табак был с таким количеством аммиака, что глаза начинали слезиться еще до того как огонь поджигал табак.

– Тяга – это проблемы спешки, скрутки в дождь и отсутствия выходного контроля, – прищурившись, заметил Луис, – а аммиак – первый признак плохой ферментации табака.

– Я не силен в этих премудростях. – Уго развел руками. – Но силен связями. И эти «связи» теперь пытаются вернуть свои деньги.

– Тюрьмы – это правительство, и я не думаю, что вернуть деньги им будет просто.

– Это их проблемы... и, думаю, они их решат. А вот найти для них нового поставщика сигар – это как раз проблема, справиться с которой они уполномочили меня. И за ее решение мои «импортеры» готовы щедро мне заплатить.

Майор расплылся в улыбке, больше похожей на акулий оскал.

– Ты считаешь что поставщиком сигар могу стать я?

– Ну, ты же у нас продавец дыма. – Улыбка Уго стала толь-

ко шире. – Кто, как ни ты?

– Без конкретики объемов, размеров сигар и цен, думаю, это пустой разговор. В год на никарагуанские сигарные фабрики приезжают сотни богатеев, решивших, что они смогут стать сигарными баронами, придумав название своей сигаре и липовую историю, почему их сигары лучшие в мире. И каждый год фабрики становятся богаче, производя для них сигары, которые они не в состоянии продать. Курильщикам не нужен новый бренд с фейковой историей. Эти богатеи остаются курить свои сигары в кругу друзей, и им на смену приезжают новые охотники за удачей. Сигарная лихорадка для богатых сибаритов. Чтобы заработать миллион долларов в этом бизнесе, нужно потратить пять на раскрутку бренда и примерно столько же лет работы. А работать и терпеть хотят единицы.

– Тебе лучше знать как обстоят дела в сигарном бизнесе, но из того, что я слышу важен рынок, где продать миллионы сигар, и я для тебя – как раз та самая дверь на этот самый чертов рынок!

Уго кашлянул в кулак и добавил, уже тише:

– Если ты в принципе не против и готов обсуждать цены и объемы, мы продолжим этот разговор через пару дней. Хочу проехаться по нескольким фабрикам, получить их предложения дать испанцам «альтернативные» варианты, чтобы плавно привести нас к результату.

Майор пристально посмотрел на Луиса исподлобья:

– Вопрос в том, готов ли ты в целом продолжить разговор?

Поколебавшись, Санчес ответил:

– В целом – готов. Но эти слова пока имеют не больше веса, чем... чем табачный дым.

– Само собой, – кивнул Уго. – Само собой, мой друг...

Он взял бокал с вином и поднял его в воздух со словами:

– Давай же выпьем за то, чтобы все получилось?

– За успех грядущего мероприятия стараюсь не пить, – с улыбкой ответил Луис.

– Ну, давай тогда хотя бы за мою безбедную старость... которая станет возможно по ряду причин... включая твое согласие!

Уго хохотнул и подмигнул Санчесу, и тот все же поднял свой бокал.

Одновременно с тем, как бокалы друзей звонко встретились в воздухе, ощущение допроса у Луиса окончательно улетучилось.

Весь оставшийся вечер они говорили о табаке.

Глава 6

Дым адмирала

1492 г.

Сумрак ночи быстро поглотил лагерь мореплавателей, словно напуганный вечерним солнцем гигантский осьминог

залил пространство чернилами.

Сидя у своего шатра на стволе поваленного дерева, Адмирал – так Христофора называли другие участники экспедиции – созерцал темное небо с яркими звездами, вслушивался в звуки джунглей, не смолкающие до рассвета, и неторопливо «пил» табачный дым из трубки, подаренной ему туземцами.

Этот ритуал постепенно становился для Колумба любимой привычкой на Новой Земле.

Дым расслаблял Адмирала и уводил его мысли в те лабиринты сознания, которые обычно скрываются от людей в повседневной суете, под лоскутным одеялом из забот и редких радостей.

Если бы еще в августе кто-то сказал Христофору, что теплым ноябрьским вечером он будет сидеть вот так, с блаженной улыбкой на лице и праздно предаваться воспоминаниям, мореплаватель ни за что бы не поверил такому человеку.

Сейчас, сквозь сизые облака дыма, плавно смешивающие реальность с прошлым и будущим, события последнего месяца казались Адмиралу зыбким сном.

Несколько недель тому назад – Боже, кажется, прошли уже годы!.. – флотилия Колумба из каракки «Санта Мария» и двух каравелл, «Пинта» и «Нинья», двигалась на юго-запад. Море в тот день баловало путников штилем, и вскоре моряки начали замечать в воде мелочи, так или иначе связанные с землей – зеленый камыш, обломки тростинок, гру-

бо обточенные остроги и обломки деревянных досок. Вид этих предметов воодушевил команду.

– Думаете, мы приближаемся к суше, Адмирал?– спросил капитан «Санта Марии», Хуан де ла Коса, известный в Севилье путешественник и картограф.

Христофор кивнул. Он искренне верил, что знаки моря неслучайны.

С той поры Колумб не покидал палубы, пока на стыке ночи и дня ему не почудился на горизонте свет. Возбужденный, Адмирал вызвал сначала Перо Гутьереса, королевского постельничего, а после – контроллера Родриго Санчеса де Сеговию.

– Вы тоже видите это, друзья? – дрожащим голосом спросил Колумб.

Сеньоры подтвердили, что на горизонте будто пляшет язычок пламени свечи, крохотный и неустойчивый.

В час вечерней молитвы, Адмирал пообещал, что подарит свой шелковый камзол тому, кто первым увидит землю. Это должно было стать осязаемым довеском к другой милости, уже обещанной королями – заманчивой годовой ренте в 10000 мараведи.

– Господь благоволит нам, – заверил Колумб. – Сегодня мы достигнем земли!

Команда, однако, не разделяла его восторгов. Когда матрос «Санта Марии» по имени Родриго де Триана около двух ночи радостно выкрикнул «Земля», никто поначалу даже не

среагировал на возглас: мечтающих о награде среди моряков хватало, и многие выдавали желаемое за действительное.

Но, не в этот раз.

Земля показалась примерно в двух лигах от флотилии Колумба, и вскоре команды уже сдержанно ликовали. Капитаны распорядились убрать паруса и легли в дрейф до утра: приближаться к незнакомому берегу ночью означало подвергать риску всю экспедицию, ведь во тьме легко сесть на мель или столкнуться с рифом.

С восходом солнца экипажи «Санта Мария», «Нинья» и «Пинта» наконец увидели остров, окутанный сизой дымкой. Казалось, будто загадочная земля не стояла, погруженная в воду, а буквально парила над ней, едва касаясь зеркальной глади.

– Смотрите, Адмирал! – сказал капитан Де Ла Коса. – Люди!

На берегу действительно прохаживались местные аборигены. Все молодые, как на подбор и, к удивлению путешественников, совершенно нагие и безоружные.

Когда прибрежные глубины уже не позволяли судам дальнейшее движение к новой земле, Колумб распорядился:

– Готовьте шлюпки.

Так и сделали: вооружившись мушкетами и мечами, Мартин Алонсо, Винсенте Яньес и сам Адмирал погрузились в лодки и отправились на берег. Кроме оружия, Колумб прихватил с собой королевский стяг, а братья Пинсоны, капита-

ны каравелл «Пинта» и «Нинья» – два знамени с зелеными крестами и инициалами Фердинанда и Изабеллы.

Плывя в лодке, Адмирал с интересом рассматривал остров. Казалось, это настоящий рай на земле – травянистый берег, говорящий о спокойствии здешнего моря, великое множество зеленых деревьев с сочными плодами, далекие высокие горы, невольно навевающие воспоминания о Сицилии... Даже нагие аборигены вполне укладывались в эту идеалистическую картину: ведь кто в раю стал бы обременять себя одеждой и оружием?..

Впрочем, даже у рая должен быть хозяин.

Сойдя на землю, Колумб установил королевский стяг и попросил капитанов трех судов экспедиции и прочих спутников, включая контролера Санчеса де Сеговию и эскривано всей флотилии Родриго д'Эсковедо, засвидетельствовать, что именно он, Адмирал, первым вступил во владение этим островом от имени благословенных государей Фердинанда и Изабеллы.

Остров Христофор решил назвать Сан-Сальвадор, «святой спаситель», ведь для изнуренной команды мореплавателей он стал настоящим спасением.

Покуда испанцы возились с бумагами, аборигены со смесью недоумения и восторга наблюдали за ними со стороны. Людей в доспехах и с блестящими на солнце клинками местные явно видели нечасто, однако никакой неприязни со стороны аборигенов Колумб не чувствовал. Напротив, они бы-

ли настроены крайне дружелюбно, поэтому Адмирал ничуть не удивился, когда туземцы расступились, пропуская к путешественнику сородича, чье тело покрывали причудливые рисунки, нанесенные красной краской.

Абориген с улыбкой подошел к Колумбу и вручил ему корзину с огромными блестящими ракушками. Христофор благодарно кивнул, хотя бестолковый дар туземца, признаться, немало его разочаровал. Смысл бартера высокоразвитого европейца и необразованного дикаря заключался в том, чтобы получить большее меньшей ценой.

«Неужели они настолько глупы?» – мелькнула в голове Адмирала шальная мысль.

Впрочем, со временем ему стало понятно, что жители острова отнюдь не безнадежны. Вдобавок они были преданы и исполнительны, легко повторяли и выучивали фразы на испанском и делились всем, что имеют. Казалось, со временем из них получатся вполне толковые слуги.

– Видели у них рубцы на коже, Адмирал? – как-то спросил Мартин Алонсо у Христофора. – Они говорят, что на них напали люди с других островов. Но раны, похоже, от стальных клинков...

– Думаешь, это были люди с материка? – хмуро уточнил Колумб.

Пинсон с задумчивым видом кивнул.

– Тогда почему они бездумно хватались за наши мечи и резали пальцы? – удивился Адмирал. – Если уже знают, что

такое сталь? Может, они воюют друг с другом, и это раны от деревянных стрел и копий?

Ответ на этот вопрос повис в воздухе и вскорости растворился, как утренняя дымка под палящим тропическим солнцем.

Глядя на улыбчивых туземцев, трудно было даже отдаленно представить, как они могли бы сражаться с вооруженными европейцами в тяжелых стальных доспехах. Да, островитяне находились в прекрасной физической форме и в кулачной драке явно могли за себя постоять, но какой прок от мышц, если им противостоит острая сталь?..

Учитывая боевые шрамы, на которые обратил внимание Мартин Алонсо, радушие аборигенов казалось еще более странным и удивительным. Они продолжали охотно делиться с европейцами секретами острова, который между собой называли «Гуанахани». Так, дикари рассказали Пинсону о некоем месте под названием Кубанакана, которое, по их заверениям, изобиловало золотом. Вместе судовладелец и Колумб изучили карту Тосканелли и оба решили, что речь идет о столице татарского хана Кублая.

– Что же, получается, мы находимся в Индии? – рассудил Христофор.

Открытие расстраивало и одновременно вдохновляло: Адмирал посчитал, что уже достиг цели, но, даже поняв ошибку, убедился, что не так уж далек от заветных королевств Манги и Китая. Колумб решил отправиться в Куба-

накану к тамошнему монарху с дарами и письмом от испанского короля, а уже оттуда достичь столицы Китая, к великому хану.

Но найти загадочную Кубанакану оказалось не так-то просто – сложнее, чем попытаться поймать табачный дым или спрятать фрагмент ночи в кармане камзола, чтобы украдкой любоваться им днем.

Ближе к концу октября испанцы высадились на острове, которому Адмирал незамедлительно дал имя Хуана. После долгих поисков чужестранцы наконец обнаружили небольшое поселение, куда Колумб сразу направил людей на разведку. Но жители деревушки разбежались, напуганные видом чужеземцев.

Тогда Адмирал, предположив, что их приняли за подданных китайского хана, отправил в деревню индейца-переводчика, чтобы уверил местных в добрых намерениях испанцев. Переводчик вплавь добрался до берега и успокоил собратьев, да настолько, что к кораблю Адмирала вскорости подплыло больше дюжины лодок.

Аборигены предлагали к обмену ракушки и прочие безделицы, однако Колумб запретил своей команде меняться на что-то, кроме золота. Его интересовало в первую очередь оно.

Вот только лучшего из металлов у здешних дикарей не оказалось. Лишь один из них носил в носу серебряное кольцо. От этого туземца Колумб узнал, что король индейцев жи-

вет внутри страны, и что к нему уже отправлены гонцы с вестью о появлении белых людей из-за моря. Всего через неделю, как заверял дикарь с серебряным кольцом в носу, в их деревню придут послы короля и купцы, чтобы торговать с чужаками.

Однако Адмирал не собирался ждать неделю. Сопоставив слова дикаря с картой Тосканелли, он предположил, что королем индейцы именуют как раз великого хана, и, не дожидаясь его послов, отправил к нему своих моряков, Родриго де Хереса и Луиса де Торреса, а также индейца-переводчика и того самого дикаря с серебряным кольцом.

В ожидании вестей из столицы Китая Колумб общался с местными, пытаясь выведать у них, где искать золото и жемчуг. И некоторые старики подтвердили, что есть страна, где люди носят подобные украшения. При этом часто звучало слово «богио», которое Адмирал считал обозначением некоего богатого края.

– Чем же так знаменит этот... «богио»? – вопрошал Колумб.

И старики отвечали, что на том острове живут странные существа, похожие на людей. У кого-то из них только один глаз, у кого-то – песья голова. Вся жизнь этих существ преисполнена долгих пиршеств, во время которых они якобы перерезали горло своим пленникам, а после пили их кровь из золотых кубков.

Благодаря стариков за то, что пытаются угодить ему ин-

тересным рассказом, Христофор, однако, с трудом скрывал разочарование.

«Что толку мечтать о земле богов на земле, когда заместники Бога на земле тобой недовольны?» – извергнув из себя очередную порцию дыма, подумал Колумб.

Ему нравился здешний климат, жить на островах было вольготно и приятно, но Фердинанд и Изабелла ждали, что Колумб вернется к ним с трюмами, полными золота, что сто-крат окупит любые траты на первую экспедицию и сделает возможным новые путешествия. Однако пока что дары аборигенов не поражали воображение. Островитяне были ще-дры, но горстка алмазов и хлопчатая бумага вряд ли могли убедить испанских монархов в успехе кампании.

Вся надежда была только на Великого Хана.

Поэтому, когда 6 ноября испанские посланники верну-лись в деревню, Колумб первым вышел их встречать.

Рассказ моряков вышел весьма занимательным. Пройдя около двенадцати лье, они оказались в большой деревне. Ис-панцев и их провожатых местные встретили, как спустив-шихся с небес богов – их трогали за одежды, целовали ноги и руки, выражая тем самым любовь и признание. После гостей отвели в лучший дом и после всех ритуалов вежливости и гостеприимства сели на полу вокруг гостей.

Луис де Торрес, урожденный еврей и знаток многих язы-ков, попытался говорить с индейцами по-еврейски, по-хал-дейский и даже по-арабски, но остался не понят. Тогда в де-

ло вмешался абориген-переводчик, который успел освоить несколько испанских слов.

– Вы узнали у них про золото? Драгоценности? – нетерпеливо осведомился Колумб. – Пряности?

К разочарованию Адмирала, ни первого, ни второго, ни третьего в деревне не нашлось. Судя по рассказам местных, всем перечисленным был богат край на юго-востоке острова – куда без сопровождения моряки отправиться не решились. Зато они подсмотрели у местных любопытный обычай: некоторые дикари с помощью горячей лучины зажигали пучок сухих листьев, скрученных в трубочку, с одного конца, а другой конец который был уже клали себе в рот, вдыхали дым и после выдыхали его.

– Они называют этот пучок «табак», – припомнил Родриго де Херес. – Говорят, очень расслабляет и мысли проясняет.

– Какой странный обычай, – удивленно заметил Колумб тогда.

Теперь, всматриваясь в ночное небо через завесу дыма, Христофор удивлялся, с какой легкостью он тогда отмахнулся от открытия Родриго и Луиса. Учитывая чудесные свойства табака, Адмирал мог избежать лишних и, как оказалось, совершенно бесполезных переживаний.

Но его личное знакомство с загадочным обычаем островитян состоялось лишь несколько недель спустя, проведенных в плену различных домыслов. Еще до отправки на остров Колумб обещал Изабелле, убежденной католичке, что встре-

ченные в новых землях дикари будут незамедлительно обращены в христианство. По прибытию Христофор убедился, что у индейцев нет никакой религии – он рассудил это по тому, настолько охотно туземцы повторяли за испанцами слова молитв и осеняли себя крестным знаменем. Кроме того, аборигены так же, как христиане, считали душу бессмертной – пусть по их мнению она после смерти тела отправлялась не в рай, а в горы и леса, где навсегда поселялась в пещерах.

А касательно драгоценных трофеев Адмирал не сомневался, что в недрах здешних земель хватает золота. Нужно лишь проявить немного терпения, чтобы его добыть, а там найдутся и пряности с жемчугами. Причем, как считал Колумб, сбывать их можно не только на материке, но и напрямую великому хану – Христофор по-прежнему не сомневался, что его резиденция, находится очень близко.

Чтобы встретиться с Ханом, в середине ноября Адмирал снялся с якоря и отправился к далекому острову, который он почитал Бабэком, однако из-за шторма вынужден был вернуться на Хуану. При этом «Пинта» под управлением Мартина Алонсо то ли не увидела сигнала с каракки Колумба, то ли проигнорировала его. Утром, когда стихия успокоилась, у берегов Хуаны на якоре стояли лишь «Нинья» и «Санта Мария».

«Пинта» вместе с капитаном и командой исчезла без следа, словно прежде существовала только в воображении Адмирала.

После этого Колумб окончательно утратил сон и покой. Они с Пинсоном в последнее время не ладили – каждый мнил себя умней компаньона, и потому ссоры вспыхивали по несколько раз на дню. Когда «Пинта» уплыла в неизвестном направлении, Колумб предположил, что капитан исчезнувшей каравеллы решил либо самостоятельно продолжить исследования от своего имени, либо, что скорей, вперед самого Христофора вернуться в Испанию и тем самым похитить славу Адмирала.

Беспокойства и тревоги множились с каждым днем отсутствия Пинсона, и местные, прознав об этом, пригласили Колумба в домик вождя на какой-то загадочный ритуал.

– Вождь расскажет, что случилось с твоим кораблем, – заверил его абориген-переводчик – тот самый, который сопровождал моряков Луиса и Родриго в их недавнем путешествии.

Обещание это заинтриговало Колумба, и он, решив отдалиться на волю судьбе, отправился следом за послами вождя в его хижину.

Оказавшись внутри, Христофор обнаружил там около полдюжины индейцев, которые, стоя по обеим сторонам от входа, взирали на хозяина, сидящего со скрещенными ногами на земле. В руках у него была странная продолговатая трубка, с одного конца которой валил дым. Глава племени приложился к другому концу и, выпустив дым из ноздрей и рта, сказал что-то переводчику.

– Вождь просит вас сесть напротив, – пояснил тот Адмиралу.

Христофор, зачарованно глядя на предводителя индейцев, медленно опустился на землю. Он пока не понимал, что происходит, но вид трубки заставил Адмирала вспомнить рассказ Луиса и Родриго – про странный обычай курения «табако».

Взгляд вождя скользнул по Колумбу. Благостное спокойствие было в глазах аборигена, вожделенное спокойствие, о котором Адмирал уже давно позабыл и которое так страстно хотел обрести.

Вождь протянул Колумбу трубку.

– Он приглашает вас разделить с ним дым, – с трудом выговорил переводчик.

Взгляды индейцев обратились к Колумбу.

Ведомый любопытством, он взял трубку из рук туземца, сделал вдох... и почти сразу закашлялся – до того едким оказался странный дым. Вернув трубку вождю, Колумб успел подумать, что ритуал «табако» совершенно глупый, как вдруг ощутил невероятную, ни с чем не сравнимую ослабленность во всех членах своего тела.

– Твой корабль вернется, – произнес вождь, с улыбкой глядя на гостя.

Трубка оказывалась у Христофора еще три раза, и с каждым новым глотком Колумб все больше осознавал, насколько бессмысленны волнения, связанные с Пинсоном и золо-

том. Даже если Мартин Алонсо отберет часть его славы, рассуждал мореплаватель, выпуская очередную порцию дыма в небо, у королевского контролера есть акты, подтверждающие, что именно Христофор формально является хозяином островов Сан-Сальвадор и Хуана.

А золото... золото будет.

«Как жаль, что дым не предьявишь королям в качестве драгоценного трофея».

Мысль эта впервые посетила Колумба в тот ноябрьский вечер, когда он испробовал табак, и с тех пор его не покидала. Христофор раздумывал, каким образом он может использовать чудесные свойства табака себе во благо. Адмирал почти не сомневался, что Фердинанд и Изабелла обязательно бы разделили его восторг, связанный с расслабляющим дымом, однако даже близко не представлял, как убедить монархов его отведать.

Увы, короли признают только те богатства, которые можно потрогать руками.

Дым для них слишком зыбок.

Глава 7

Просто друзья

2024 г.

– Привет-привет, пэню (друг-кит), – с ухмылкой сказал

Ксинг. – Ты сегодня позже, чем обычно.

Луис в ответ лишь вымученно улыбнулся. Поездка к китайцам и без того обычно день насмарку, а тут у продавца дыма на полпути к стройке еще и колесо спустило – пришлось менять на убитую временем запаску и ехать в три раза медленней, чем обычно.

Санчесу не хотелось объяснять, что подпорченное дорожной историей настроение вовсе не располагало к праздным беседам?

А вот Ксинг, напротив, сегодня явно был в настроении поболтать.

– Наши люди в Макао просили поблагодарить тебя за оперативность, – чуть ли не пропел китаец, с интересом рассматривая Санчеса.

Кажется, он сразу заметил пыль на брюках. Может, даже понял, что в дороге что-то случилось – неприятный и насмешливый, Ксинг отнюдь не был дураком.

Впрочем, Луис не собирался развивать эту тему. Он всего лишь пообщается о делах насущных, забежит пообедать к Джи и отправиться назад, а по пути заедет в шиномонтаж и реанимирует чертову шину.

– Я очень рад, что в Поднебесной довольны, – не снимая с лица фальшивую улыбку, произнес Луис.

– Они хотят, чтобы в следующий раз мы с тобой увеличили объем посылки, пэню. – Ксинг буквально сиял. – Это же нам удастся, без проблем?

Взгляды продавца дыма и китайского инженера встретились.

– Я не могу сходу ответить на этот вопрос, – заметил Луис.

Улыбка Ксинга сменилась гримасой засохшего мандарина.

– Пару дней на подумать хватит, надеюсь? – спросил он.

Быстрая мысль – «о, нет, через два дня возвращаться сюда!» – и медленный кивок.

– Наверное.

– Дело стоящее, пэню. Подумай хорошо. До встречи.

Ксинг отсалютовал Санчесу и устремился прочь. Луис какое-то время смотрел инженеру вслед, с трудом сдерживая разлившийся по душе гнев. Да кем себя возомнил этот нахальный барыга? Он – всего лишь посредник, промежуточное звено, не станет Ксинга, найдется другой.

Хотя, учитывая, что происходит с миром в последние годы, самодовольство азиатов уже не кажется таким удивительным. Если раньше они шли за «китайской мечтой» в основном внутри страны, то сейчас чем дальше, тем чаще Китай диктует правила всему остальному миру.

«Дивному, новому миру...»

20 лет назад в Китае говорили: «Спрячь свой свет и жди своего часа». Похоже, дождались.

Погруженный в эти невеселые размышления Санчес отправился в столовую к Джи. Будь здесь майор Уго, он бы наверняка ввернул бы что-нибудь про *estar amorcillado* – «одур-

маненное» состояние, потеря концентрации, вызванная из-за смертельной усталости.

Стоило вспомнить о новом соседе, как настроение окончательно испортилось. Луис и без того с тревогой размышлял о предложении, которое от лица испанских импортеров сигар сделал майор. Учитывая обещанные объемы, соблазн торговать был велик, но Санчес резонно опасался чертовски лакомых устных предложений, да еще и внезапно на него свалившихся. Мало, что Уго мог что-то не так понять – но, вдобавок, и те, кто попросил его обсудить экспорт никарагуанских сигар с Луисом, могли что-то упускать. Стать крайним в этой цепочке потенциально неверных интерпретаций успеха Санчес, конечно же, не хотел.

Тем более, что Луиса вполне устраивал нынешний порядок вещей. Кокон из табачного дыма, который он долго и кропотливо плел вокруг себя, казался Санчесу уютнейшим местом на земле. Впустить в свою новую жизнь Уго было достаточно... болезненно.

Так стоит ли ввязываться в авантюру, если тебе по душе твоё нынешнее положение?

Возможно, молодой Луис, еще не изведавший горького вкуса потери, с радостью откликнулся бы на предложение майора. Тот Луис хватался за все, до чего только может дотянуться, поскольку только-только ступал на эту непонятную территорию, именуемую табачным предпринимательством, на эту Terra Incognita для сметчика строительной компании.

Тогда в дымном неведении знакомы были только бухгалтерские цифры, которыми приходилось оперировать.

А еще была семья, ради которой Санчес готов был свернуть горы.

Нынешний Луис стал куда более мудрым и куда менее рискованным. Вдобавок он лишился семьи, а с ней утратил мотив к бесконечной гонке за богатством.

И ради чего нарушать эту хрупкую гармонию, думал Луис, шагая к столовой? Ради пары лишних миллионов? Смешно...

В столовой было привычно шумно, несмотря на то, что Санчес попал сюда к самому окончанию обеда: двое рабочих за одним столиком, уже доедают; еще трое расположились у окна – эти припоздали, наверное, бригадир вычитывал за что-то, а, может, принимали груз с материалами...

Только Джи почему-то нет на прежнем месте. Обычно она скучает за кассой с телефоном в руках, листает ленту или переписывается с родными, которые остались в Китае. Несмотря на разность во времени в 14 часов – когда в Никарагуа наступал обед, в Поднебесной была глубокая ночь – Джи и ее близкие находили способ чатиться практически в режиме нон-стоп.

Джи очень скучала по родным и всегда, когда выпадала свободная минута, с упоением рассказывала Луису, как поедет к ним, и как все будут радоваться долгожданной встрече...

Может, как раз уехала, мелькнула мысль в голове у Луиса, но он тут же ее отмел: будь это правдой, Ксинг обязательно сказал бы об этом.

Выходит, Джи где-то здесь... но где.

Луис взял поднос, неторопливо, будто давая Джи шанс вернуться, заполнил его тарелками с разной снедью и остановился у кассы.

Автоматическая оплата через вичат не прошла. Аккаунт Луиса по какой-то причине был заблокирован.

Что делать дальше, Санчес не знал.

«Наверное, со стороны я выгляжу глупо...»

Луис покосился на чавкающих рабочих. Те, кажется, не обращали на него никакого внимания.

Но, если Санчес простоит у кассы еще какое-то время, они заметят и наверняка удивятся, почему он до сих пор не оплатил еду через терминал с фэйсайди? А дальше анонимный звонок внутренней полиции, вопросы про QR-код... словом, ненужных разговоров объяснений минимум на час. Правоохранители не имеют привычки торопиться.

Санчес оглянулся. Работяги в причмокивающей сосредоточенности не обращали на него никакого внимания.

Впрочем, не все ли равно, что подумают эти работяги? Луис их впервые видит и, наверное, больше не увидит никогда.

Если только с Ксингом что-то случится, и один из этих парней станет посредником между Санчесом и китайцами.

Луис улыбнулся такой внезапной мысли. Он, конечно же,

понимал, что никто не доверит столь ответственное дело обычному рабочему.

«Да где же ты, Джи?!» – хотел воскликнуть Санчес, но сдержался. Лишь посмотрел на часы и тихо вздохнул. Потом посмотрел еще раз...

Оставить поднос и выйти, перекурить? Дым расслабит, дым утихомирит нетерпение и легкое раздражение от заблокированного кошелька, от общения с Ксингом, от истории с колесом, от долгой дороги... и чертового майора Уго, который решил переехать в Никарагуа. Как будто других мест, подходящих для коротания старости, мало!.. Почему именно сюда?!

Дверь кухни распахнулась, и оттуда вышла Джи – молодая, едва за тридцать, стройная, с темными волосами, спрятанными под белоснежную синтетическую шапочку. Луис хотел было ненавязчиво посудить про любимого клиента, который заждался любимого продавца, но, увидев выражение лица китайки, прикусил язык. Похоже, у Джи, этой вечно улыбчивой Джи случилась беда.

Санчесу стало не по себе. Столовая всегда была для Луиса спокойным безмятежным местом, где он встречался с другом, Джи, и беззаботно болтал с ней о том, о сем. Худшая проблема, которую они обсуждали – это разлука китайки с ее семьей, но это казалось лишь временными трудностями, обычная рабочая «вахта», коих Санчес, работая в строительном бизнесе, навидался с лихвой.

Но сейчас что-то изменилось, причем радикально.

Продавец дыма видел это в глазах Джи, хотя она тут же растянула губы в улыбке и приветливо воскликнула:

– Луис! Ты сегодня позднее обычного!

Что ж, может, ей так проще, рассудил Санчес. Надо просто принять ее правила игры, а там, если захочет, сама расскажет.

– Да, я сегодня везде опаздываю, – тактично ответил Луис.

Он не собирался упрекать Джи в том, что бросила свой пост, но она сама повинилась:

– Прости, я... должна была ответить. Срочный звонок...

– Все в порядке? – вырвалось у Санчеса.

Джи бросила взгляд на рабочих за столиком у окна и неопределенно повела плечом.

– Наверное. А у тебя? Неужели проблема с оплатой?

– Да, у китайского искусственного интеллекта ко мне, похоже, что-то личное: так не вовремя подвесил меня в расчетной немощи, – с ироничной гримасой ответил Луис. – Наверное, срок моего прививочного QR-кода обнулили. Придется опять колоть китайский бустер и проходить новую верификацию.

Расплатившись старым добрым кэшем, Санчес разместился за столиком неподалеку от «поста» китайки. Продавец дыма почему-то не сомневался, что они с Джи продолжат разговор, едва рабочие уйдут. Если даже она сама не захочет, он не удержится, не сможет уехать, так и не узнав, что

так расстроило его подругу.

Сначала освободился стол, за которым сидели двое рабочих. Следом за ними, дожевывая на ходу, отправились трое оставшихся – они смели обед, точно саранча. Дверь за ними закрылась, и воцарилась непривычная тишина, которую страшно было нарушать. Луис оглянулся через плечо на Джи: та смотрела в телефон.

Свайпы по экрану звука не создавали.

А надо ли мне вникать в ее проблемы, вдруг подумал Санчес. Мы ладим, но и только.

Или уже *не только*?

Луис поймал себя на мысли, что судьба Джи, в отличие от Ксинга, ему небезразлична. Если здесь будет другая женщина, он, наверное, предпочтет обедать в городе или в отеле. Не то, чтобы здешняя кухня плоха, но звезд с неба местные кулинары не хватают, это правда.

– И все же у тебя что-то случилось, да? – сглотнув подступивший к горлу ком, спросил Луис.

Джи посмотрела на него, покосилась на дверь, потом – снова на продавца дыма. Судя по взгляду, китаянка колебалась, стоит ли откровенничать с Санчесом или нет. Беззаботная болтовня ни к чему не обязывает. Травить анекдоты и байки можно и попутчику в самолете, никаких последствий, никаких откровений – просто треп, чтобы скоротать время.

Рассказать о реальных проблемах кому-то – гораздо сложнее. Это требует определенного доверия. Ты либо не впус-

каешь человека в свою жизнь, и все ограничивается пластмассово-формальной болтовней...

Либо впускаешь, и тогда ваши отношения уже никогда не будут прежними.

«Боже, что я себе уже напридумывал? Может, у ее сестры умерла любимая собака, которую Джи знала с детства. Да, это неприятно, но это не то «откровение», которое изменит наши отношения... навсегда».

– Мой отец... остался без работы, – с трудом выдавила Джи.

Луис украдкой выдохнул. Похоже, не все так плохо.

– Ему почти шестьдесят, никто не хочет его нанимать, – продолжила женщина. – У них с мамой очень много болезней. Я им и так помогала, теперь придется высылать еще больше денег... Им трудно, Луис. Очень трудно.

– Это... правда не просто. Но не стоит сгущать краски, Джи.

– Не стоит сгущать краски? – сухо повторила она. – Луис, мы, в отличие от тебя...

Она запнулась, тут же спешно добавила:

– Прости, я не хотела...

– Брось. Ты права: я так давно не испытывал потребности в деньгах, что позабыл, каково это – в них нуждаться, – с мягкой улыбкой сказал Санчес. – Может, я могу чем-то помочь?

– Нет, Луис, – уверенно ответила Джи. – Не нужно. Мы

что-нибудь придумаем. Я могу подрабатывать... Я найду способ. Не сомневайся.

Продавец дыма смерил ее взглядом. Женщины в беде всегда притягивают внимание мужчин, это заложено на уровне инстинктов. Но, по мнению Луиса, женщина, которая не пасует перед проблемой, а дает ей отпор, еще сексуальней.

«Сексуальней? Я что, действительно об этом подумал?...»

Кажется, впервые за много месяцев, с момента знакомства Санчес задумался об отношениях с Джи в таком контексте. Но, справедливости ради, и она прежде не выглядела так, как сейчас – раненая, но не сломленная, а гордая и решительная – несмотря на дурацкую шапочку.

– Что? – спросила Джи, неуверенно посмотрев на Луиса.

Он пожал плечами, а потом вдруг сказал:

– Может, я заеду за тобой, вечером? Кажется, тебе не помешает прогулка.

И она не нашла, что ответить, и тоже лишь повела плечом.

– Я буду здесь к семи, – тихо, но твердо сказал продавец дыма.

Выходя из столовой, он не знал, почему позвал Джи на прогулку.

Зато точно знал, куда они отправятся.

Глава 8

Дело табак

1493 г.

Ранним апрельским утром 1493-го года Марио Варгас стоял на носу каракки «Жемчужина» и любовался на Барселону, город, к которому усилиями капитана и его команды банкир с каждой секундой становился все ближе.

– Не спится, сеньор? – прислонив беспалую ладонь к изъеденному морским ветром и морщинами лбу на манер козырька, спросил старший матрос. – Скоро будем на месте!

– Вижу, вижу, – приветливо ответил ему Варгас.

Настроение у него было распрекрасное. Погоды стояли отличные, а скорая встреча со старым другом сулила дивные истории о далеких берегах.

Последний месяц вся просвещенная Европа только и говорила, что о чудесном путешествии Колумба и его флотилии. И Христофор, как уже был наслышан Варгас, не преминул устроить из своего возвращения настоящее представление. По слухам, в течение месяца от самого порта Палос-дела-Фронтера в Барселону двигалась по Кастилии пышная процессия. Ее возглавляли индейцы – аборигены, которых Колумб привез с другого конца света – облаченные в отлитые из трофейного золота наряды. Блестя в лучах солнца новообретенными «доспехами», они приветливо улыбались и махали любопытным жителям Кастилии и Арагона. Следом за индейцами шли матросы, которые демонстрировали почтенной публике диковинных птиц, прозванных попугаями, чу-

чела различных экзотических животных и пряности на плоских щитах. Замыкал шествие сам Адмирал, едущий в окружении рыцарей, чьи начищенные доспехи блестели ничуть не хуже, чем позолота аборигенов.

Стоит ли говорить, что жители селений и городов на пути процессии Колумба бросали все дела, только чтобы одним глазком взглянуть на диковинных людей, птиц и трофеи далеких заокеанских земель?

А вот Марио оказался лишен этого выдающегося зрелища. По злой иронии судьбы, весть о триумфальном возвращении Адмирала застала Варгаса в Нюрберге; там он как раз в это время навещал живописца Альбрехта Дюрера. Поначалу банкир даже сокрушался, что не смог лично встретить Христофора в Севилье, где Колумб изначально гостил в ожидании дальнейших распоряжений благочестивых Фердинанда и Изабеллы.

Однако, чуть поостыв, Варгас подумал, что, помимо иронии, есть в этой ситуации и бесспорный символизм.

– Не продай вы Христофору карту Тосканелли, возможно, он бы никогда не совершил своего путешествия, – заметил банкир, когда они с Альбрехтом ужинали накануне отбытия Марио в Испанию.

– Приятно хоть в чем-то чувствовать свою сопричастность такому великому открытию, – с дежурной улыбкой поблагодарил гостя живописец.

Однако в глазах его была вселенская печаль. В ту пору,

как заметил Марио, Альбрехт начал постепенно погружаться в легкую меланхолию, по слухам, неизбежную для большинства молодых творцов именно в этот тяжелый период – когда обучение уже закончено, путешествие по мастерским известных живописцев подошло к концу, и есть только ты, холст, отчаянное желание творить и полное непонимание того, чем именно ты хочешь поделиться с миром. Дюрер, как слышал Варгас, и без того был склонен к депрессиям, а здесь и вовсе, насмотревшись на работы уже признанных мастеров, всерьез начал сомневаться в уникальности собственного дарования. Он, безусловно, не бросал живопись, но, судя по излишней даже для Альбрехта печального образа бледности и сосредоточенному в себя взгляду, дела шли не самым лучшим образом.

Впрочем, в ту пору Варгас не предал особого значения расстройству юного художника. Талант его не вызывал у банкира сомнения, вдобавок все мысли его занимала скорая встреча с Колумбом. Таким образом, ступая на трап «Жемчужины» в Генуе, чтобы отбыть на ней в Барселону, Марио уже и думать забыл о немецком самородке.

Банкир не знал, чего именно ждать от встречи с Адмиралом. В коротком письме, которое с гонцом прислал Варгасу Колумб, было много экспрессии, но ничтожно мало конкретики. По сути, все сводилось к «скорей приезжай в Барселону, есть, что обсудить».

Но Марио доверял Христофору и знал, что тот не стал бы

торопить его без веской на то причины.

Порт Барселоны встречал «Жемчужину» привычным го-моном, руганью на десятках разных языков и сотнями дру-гих характерных шумов, от треска досок и скрипа веревок до пения на незнакомых Варгасу наречиях. Едва спустили трап, Марио распрощался с капитаном и, вручив ему тугой мешочек с монетами, устремился через разношерстную толпу на поиски экипажа, чтобы найти жилье. За Варгасом неотступно следовали двое слуг, которые везли его немногочислен-ный, но увесистый багаж.

Поскольку Колумб на правах почетного гостя располо-жился рядом с готической церкви Санта-Мария-дель-Мар, во Дворце Беренгера д'Агилара – одном из лучших дворцов Барселоны, мало чем уступающему Большому Королевско-му и Национальному. Найти жилье по кошельку Марио в том районе оказалось не так-то просто. Скрепя сердце, Варгас выложил немалую сумму прижимистому хозяину постояло-го двора за две комнаты, при этом та, что предназначалась самому банкиру, единственным окном была обращена как раз к временному пристанищу Христофора.

Утешая себя тем, что свидание с новоиспеченным геро-ем Испании стоит всех сокровищ мира, Марио сразу после заселения отправил во дворец гонца, чтобы договориться о встрече. Каково же было удивление, когда гонец вернулся с четким и ясным приглашением от Колумба немедленно пе-реехать к нему.

– Быстро вы, – усмехнулся хозяин постоянного двора, когда Варгас вместе со слугами, несущими багаж, спускался со второго этажа.

Возвращать деньги этот скряга, конечно, не собирался, да Марио и не настаивал – слишком натерпелся с поисками, чтобы сейчас вступать в долгую перепалку. Банкира грела мысль о том, что он будет жить в одном из лучших дворцов Барселоны – а именно туда благодарные Фердинанд и Изабелла поселили своего нового фаворита- землеоткрывателя.

У резных ворот в два человеческих роста Марио встретил слуга.

– Сеньор Варгас? – уточнил он и, получив утвердительный ответ, произнес:

– От лица сеньора Колумба позвольте приветствовать вас. Прошу, следуйте за мной, я отведу вас в ваши покои, чтобы вы могли подготовиться к ужину.

Апартаменты, которые выделил другу Христофор, оказались пятикратно просторней, чем комната в постоялом дворе. Отдохнув и сменив дорожное платье на более приличествующий встрече в роскошном замке наряд, Варгас в компании слуги отправился на встречу со старым другом.

Христофор встречал его в зале, возле стола, который был накрыт со скромной роскошью. При желании за ним преспокойно разместились бы все члены процессии, которая следовала за путешественником во время марша из Севильи в Барселону.

– Как я соскучился по тебе, старый друг! – воскликнул Колумб и заключил Марио в крепкие объятия.

Варгас с некоторой долей облегчения улыбнулся и ответил:

– Это совершенно взаимно, Христофор.

Признаться, банкир побаивался, что слава вскружит мореплавателю голову настолько, что путешественник возомнит себя настоящим богом на земле и забудет о былых привязанностях. Конечно, вполне вероятно, так оно и случилось, но, к счастью, с Марио Колумб вел себя, как раньше – и это не могло не радовать Варгаса.

– Садись скорей. – Христофор жестом пригласил банкира к столу. – Нам столько всего надо обсудить...

Быстро удовлетворив голод птицей, хлебом и сыром, друзья принялись говорить о путешествии Колумба. Марио с интересом слушал истории про далекие берега, окутанные для него, жителя Иберийского полуострова, серой дымкой загадочности. Христофор без умолку рассказывал обо всем, что считал интересным – и о бедности индейцев, и о доверчивости, о предательстве Пинсона и примирении с ним, о крушении каракки «Святая Мария» в середине зимы и возвращении на двух оставшихся кораблях в Испанию.

– И что дальше? – спросил Марио, когда путешественник взял паузу, чтобы промочить горло вином. – Будешь готовить вторую экспедицию?

– Она уже готова, – с улыбкой ответил Колумб. – Все то

время, что я провел в Севильи, я занимался подготовкой новой экспедиции. И, на сей раз, туда отправится целая флотилия.

– Даже не верится, что Фердинанд и Изабелла готовы так рискнуть, – заметил Марио.

– Рискнуть? – нахмурился Христофор. – Они не ведают ни о каком риске, мой друг. Перед их глазами есть лишь блеск золота. Они спят и видят, как новые подданные испанской короны, эти краснокожие христиане, добывают для них драгоценности. Вот что волнует умы почтенных Фердинанда и Изабеллы. И я обещал им, что когда наши корабли вернутся из Нового Света, трюмы их будут ломиться от золота.

– Ого, – только и сказал Марио. – И ты... ты не боишься, что... что-то пойдет не так? Насколько я понял, ты только предполагаешь, что те далеки земли полны сокровищ?

– Это так, – подтвердил Христофор.

Он поднял глаза на банкира и добавил:

– Но что еще я мог сказать, мой друг? Что напрасно совершил столь длительное и затратное для короны путешествие? Им нужно золото, Марио. Только золото может купить их доверие и даровать мне вольготную... да и любую жизнь.

– То есть ты...

– То есть я несколько... приукрасил виденное мной в новых землях. Испании требовалось чудо. Я дал ей чудо и теперь пожинаю плоды. Я плыл за мечтой на край света и привез ее оттуда, нас всех объединяет надежда. Но, к счастью

для тебя, мой друг, я привез не только ее. Есть у меня и еще кое-что, чем, я думаю, ты, безусловно, заинтересуешься.

С этими словами Христофор громко хлопнул в ладоши, и вошедший слуга поставил на стол перед почтенными сеньорами поднос, на котором покоилась странная деревянная трубка и огниво.

– Что это? – удивленно спросил Марио.

– Сейчас увидишь, – с ухмылкой ответил Колумб. – Прояви терпение, мой друг, и ты будешь вознагражден.

Он взял с подноса трубку и вставил один ее конец в рот. Затем высек искру огнивом, и нечто, спрятанное в другом конце трубки, мигом занялось пламенем и задымило. Варгас наблюдал за Христофором со смесью удивления и страха. Чувствуя это, путешественник сделал глубокий вдох, а после, запрокинув голову, выпустил в потолок столб плотного серого дыма.

– Попробуй, – сказал путешественник и протянул трубку Марио.

– Нет-нет, не стоит... – замотал головой тот.

– Прошу тебя, мой друг. Я бы не стал предлагать, если бы полагал, что ты не оценишь.

Колумб вложил трубку в руки сомневающегося Варгаса, и тот нехотя поднес ее край к губам.

– Попробуй испить дым, – напутствовал Христофор, и Марио сделал это.

Горло продрало терпкой гарью, глаза начали слезиться от

дыма.

– Забери... ее, – сквозь кашель попросил Варгас.

– Потерпи, – забирая трубку у друга, посоветовал Колумб. – Сейчас поймешь, в чем смысл.

Марио поморщился, однако несколько мгновений спустя ощутил странную приятную расслабленность, будто он только что выпил бокал хорошего вина.

– Чувствуешь? – спросил Христофор. – Попробуй еще...

Марио еще раз приложился к трубке. Дым, даром, что терпкий, расслаблял банкира все больше.

– Что это? Это из тех земель? – уточнил банкир, вернув трубку путешественнику.

– Да, оттуда. Местные сушат эту священную траву, потом скручивают в трубочку, которую называют сигаро, и курят. Второй способ курения – такие вот трубки, которые зовутся «табако».

– Интересно... Очень интересно...

– Этот дымный ритуал отлично успокаивает нервы и избавляет от беспокойства. А туземцы с его помощью разговаривают с духами и лечат хвори. Я привез с собой два мешка этого удивительного растения, но, думаю, это лишь начало. На островах я пристрастился к табако и сейчас не мыслю себя без нее.

– И как же ты хочешь поступить со своими запасами? – осведомился Марио.

– Я думаю, ты и сам понимаешь, чего я хочу, – ответил

Колумб.

– А Фердинанд и Изабелла? Они в курсе?

– Увы, я боюсь, они не оценят. Как, думаю, и церковь, – развел руками Христофор. – Слишком уж странный обычай. Но в высшем свете, полагаю, табак будет иметь фурор...

– Если научиться его предлагать, – задумчиво произнес Марио.

– Да. Именно поэтому я обратился к тебе, мой друг.

Колумб расплылся в улыбке и, подавшись вперед, проникновенно спросил:

– Станешь ли ты моим продавцом дыма, Марио?

Варгас усмехнулся и, исподлобья посмотрев на друга, сказал:

– Прежде чем я отвечу, не мог бы ты передать мне трубку?

Улыбка Христофора стала шире.

Похоже, он не ошибся в старом друге.

Глава 9

Игра в лаву

2024 г.

– А это точно безопасно? – первое, что спросила Джи, когда Луис предложил китайке съездить в деревеньку народа чоротега у вулкана Масая.

– Ты про байк или про вулкан? – с трудом сдерживая

улыбку, уточнил Санчес.

Она зарделась и неловко выговорила:

– Мы еще и на байке поедем?

– Конечно. На машине совсем не то. Поверь, я пробовал.

Так что, прокатимся?

Джи растерянно посмотрела на него и неуверенно сказала:

– Ну... ладно. Только когда?

– Сегодня вечером. Встретим закат. Если у тебя, конечно, нет других планов.

Джи грустно улыбнулась и мотнула головой – видимо, планов у китайки действительно не было.

– А ты, выходит, ни разу не бывала в тех краях? – прищурился Луис.

– Да когда бы? – чуть виновато ответила Джи. – Работа, а когда не работа, залипаю дома. Не хочется никуда, ни сил, ни настроения...

Луис сразу вспомнил Мадрид и строительную контору, на которой он вкалывал с утра до вечера. Санчес был из тех трудоголиков, которые приходят раньше других, а уходят последними. Конец рабочего дня нередко сопровождался мигренью. Хронический недосып и упадок сил вечно тенью следовали за Луисом в те годы.

И это у него была еще не самая трудная работа на свете!.. Уж точно проще, чем у тех, кто строил по его проектам дома и торговые центры.

Ответ Джи выдавал в ней опытного бегуна в колесе по-

вседневного выживания, который нагоняет завтрашний день лишь для того, чтобы он стал днем прошлым – каким был Луис когда-то. Правда, в отличие от Санчеса, она, похоже, работала без какой-то глобальной цели – если, конечно, не считать таковой строительство китайцами канала между двумя океанами и неминуемое (сразу по завершению очередной «стройки века»), возвращение «добровольцев» назад, в Поднебесную.

Джи не смотрела в будущее – у нее просто не было на это времени. Луис видел это и раньше, определенно, но до конца не осознавал. Прежде разговоры с Джи были для Луиса частью рутины. Сейчас же, после того, как приезд Уго выбил его из привычной колеи, продавец дыма взглянул на китайянку несколько иначе. Теперь ему стало казаться, что в глазах Джи сквозь паутину формальной вежливости просматриваются искорки живого интереса – то, чего так не хватало ее взгляду в остальное время. Да, наверное, разговоры с родней ее радуют больше, но Санчесу приятно было думать, что из всех гостей столовой он, вероятно, лучший ее собеседник.

То, что Джи ответила согласием на прогулку к вулкану Масая подтверждало фантазию Луиса. Ему вдруг очень захотелось оказаться правым в своей догадке.

Вернувшись домой, Санчес не стал тратить время на ремонт покрывки. Понимая, что дорога туда и обратно отнимет пару часов, он быстро переоделся и прыгнул на байк.

В пути его настигло сообщение от Джи:

«Столовая закрыта я буду ждать тебя дома. Пришли номер мотоцикла, я закажу пропуск на КПП».

В конце был адрес ее дома. Отправив номер байка ответным сообщением, Луис в предвкушении чего-то нового, приятного, но неведомого, отправился в поселок китайских строителей.

Спустя час Санчес оказался на месте. Проезжая между обсаг, составленных из морских контейнеров в 4 этажа, Луис подумал, что поселок очень напоминает ему терминал порта «Кортес» на Атлантическом побережье Гондураса, откуда его сигары отправлялись в США – так же бедно, тускло... безжизненно.

Координаты из сообщения Джи привели его к нужному «подъезду». Заслышав рев мотора, любопытные китайцы тут же прильнули к окнам своих «контейнеров-бараков»: для подобного поселка байкер на красивом мотоцикле вместо китайского мопеда – целое событие. Луис запоздало подумал, что после его визита Джи точно завалят вопросами, но надолго зафиксироваться на этой мысли не успел – его спутница появилась раньше, чем Санчес успел отправить ей сообщение: «Я жду у двери».

– Я готова, – сказала она, с восторгом глядя не на него, а на байк. – Поехали?

Луис на секунду завис, точно дым в помещении, лишен-

ном вентиляции. Джи было не узнать. Совершенно другой человек подошел к Санчесу, не тот, которого он привык видеть в столовой. Там у Джи была мешковатая форма, дурацкая шапочка и маска.

Тут – обтягивающие джинсы, блузка с примечательным вырезом и крохотная сумочкой через плечо. На косметику Джи тоже не поскупилась: тушь очень выразительно подчеркивала чудесные глаза, а губы из-за алой помады напоминали крылья яркой тропической бабочки.

Нет, она явно не пыталась пустить ему пыль в глаза. Да и как еепустишь сигарному магнату, если работаешь на стройке в столовой и живешь в железной коробке с кучей сородицей? Хотел бы Луис экзотическую модель, наверняка нашел бы способ ее заполучить в Манагуа – столицы во все времена притягивали женственность возможностью зацепиться за мужественность.

А Джи всего лишь стала собой обычной. Без милой дурацкой шапочки. Без формы.

И это, черт возьми, подкупало.

– Ты чего замер? – видя его оторопь, спросила Джи без обиняков.

– А? – переспросил Луис, но тут же, справившись с удивлением, отмахнулся. – Да так... задумался просто. Запрыгивай. И держись крепко, а то ветром сдует.

Джи улыбнулась.

– Я не шучу, – добавил Санчес.

Улыбка тут же исчезла. Джи села на заднее сиденье, обхватила его руками и прижалась бедрами. Он невольно напрягся – до того отвык ездить на мотоцикле с кем-то.

– Ничего не забыла? – уточнил Санчес на всякий случай. – Обратного не поеду, сразу говорю, путь неблизкий, а нам нужно успеть до заката.

– Еще не успели отъехать, а ты уже ворчишь, – приветливо фыркнув, ответила Джи. – Поехали, Луис. Все, что мне нужно, со мной.

И крепче сжала бедра.

Санчес сглотнул подступивший к горлу ком. Она совершенно не пыталась ему угодить, говорила, что думает, не подбирая слова... да и с чего ей это делать? Она работает в столовой, он – продавец дыма. Это два параллельных мира, которые встретились случайно, когда, в очередной раз пообщавшись с Ксингом, ведомый голодом Луис забежал перекусить чего-нибудь перед обратной дорогой. Сначала понравилась еда, а потом уже – общение с Джи.

Любовь с первого взгляда – для командировочных.

«Да и вообще – любовь...»

Санчес снял мотоцикл с подножки и, осторожно отпустив сцепление, стал плавно прибавлять газ. Байк резво покотился в направлении поселка, нашедшего приют у подножья вулкана Масая.

По обеим сторонам от дороги тянулись зеленые горы и поля сахарного тростника. Природа в Никарагуа благоухала,

каждый фрагмент пейзажа радовал глаз, даже если ты видел все это уже не раз.

Некоторые говорят, что к хорошему быстро привыкаешь, но Санчес научил себя не относиться к чему-либо, как к должному, Он изведal горечь потери и знал, насколько быстро все может измениться.

Для него тропическое дружелюбное пространство и голубое безоблачное небо ежедневно становились настоящим подарком судьбы.

Из-за шума встречного ветра они не могли говорить. Все, что у них осталось – это объятия Джи. И по их темпераменту Санчес мог судить о том, как менялось настроение его спутницы от испуга до восторга и обратно. Если Луис чувствовал, что ей страшно, он левой рукой обхватывая ее руки. Или опускал ладонь на ее колено, когда от прилива восторга Джи сильно сжимала бедра; в такие моменты Санчесу казалось, что они слились, стали ненадолго одним целым.

Казалось, они могут наслаждаться дорожными объятиями бесконечно.

Луис мысленно похвалил себя за то, что решил ехать на мотоцикле. Машина принуждает к отстраненности, разве что вы специально не остановились где-то в укромном месте для объятий, а байк дарит объятия с первым витком колеса.

Автомобиль – комфорт, мотоцикл – доверие.

– Как тебе? – заглушив мотоцикл, чтобы заплатить за билеты для въезда в вулканический парк, спросил Санчес. – Не

устала?

– Нормально, – ответила Джи.

И, прислонив руку ко лбу на манер козырька, посмотрела на спутника:

– А ты? Днем на канал, потом домой, в Мукуль, потом на байке за мной и потом еще сюда... полдня в дороге. Сам не пожалел еще, что позвал меня на прогулку?

Ее забота – как показалось, искренняя, неподдельная – тронула Луиса. Кто в последний раз интересовался у него, как он себя чувствует? Охранники на въезде в отель? Партнеры по бизнесу? Все эти бездушные фразы, за которыми в лучшем случае скрывалась дежурная вежливость или корысть, а в худшем – страх, не заковидил ли он, или равнодушные: просто реплики, на автомате, плюс-минус одинаковые для всех клиентов.

Среди вежливого безразличия его попутчица вдруг показала Луису единственной, кому было на него не плевать.

– Луис? – отвлекая Санчеса от мыслей, обеспокоенно звала китаянка. – Что с тобой?

– Все в порядке. – Он выдавил из себя улыбку. – Сейчас, возьму билеты и вернусь...

– А это вот... – Джи указала на плакат перед КПП, где крупными буквами было написано: «Вы въезжаете на территорию коренного народа Никарагуа Науа. Въезд платный». – Это типа... правда? Я просто думала, что коренной народ Никарагуа это... никарагуанцы.

– Если бы! – грустно усмехнулся Санчес. – Еще до Колумба тут, в Никарагуа, население состояло из многих коренных народов. На западе, например, жили науа, которые еще называли пипил-никараос. С ними соседствовали, например, чоротега, а вот на побережье Карибского моря жили родственники чимба...

– Это все дико интересно. – Джи виновато улыбнулась. – Но я вряд ли это запомню, Луис.

Санчес усмехнулся и, бросив: «Я сейчас», отправился к будке с билетами.

Пять минут спустя продавец дыма уже снова был в седле. Колеса байка лизали раскаленную скалистую землю, вздымая пыль, а Луис и его спутница смотрели на приближающийся вулкан через затемненные стекла шлемов. Местные жители приветливо махали путникам, и Джи даже пару раз махала в ответ – второй рукой обнимая Санчеса.

Наконец они остановились на парковке неподалеку от кратера Масая.

– Ну вот теперь точно прибыли, – сняв шлем, сказал Санчес.

Джи спрыгнула с мотоцикла и застонала:

– Ох... И как ты на нем едешь так долго? У меня уже спина отваливается, и ноги ноют!

– Дело привычки, – пожал плечами Луис, тоже спешиваясь. – Думаю, я бы сейчас тоже не смог просидеть за прилавком столовой столько же, сколько ты.

– Еще издеваешься, – шутливо изобразила гнев Джи.

Он улыбнулся ей, она – ему. Потом оба повернулись к вулкану.

– А он спящий же, как я прочитала? – уточнила Джи.

– Считается действующим, но вроде бы поумерил активность последние лет... шестнадцать, – припомнил Луис. – Говорят, давным-давно местные думали, что в кратере живет злой бог, и приносили ему жертвы, чтобы его задобрить.

– И жертвами были, конечно же, молодые красивые девушки? – саркастически спросила Джи.

– Конечно. Злым духам не по нраву феминизм.

Джи рассмеялась – звонко, громко, искренне – но тут же спохватилась:

– Прости. Я...

– Брось, все отлично. Люблю, когда смеются над моими шутками.

Джи снова улыбнулась:

– Надеюсь, ты не будешь приносить меня в жертву?

– Вот еще. Он же все равно спит, чего зря бросать в кратер молодую и красивую девушку?

Джи усмехнулась:

– С каких пор никарагуанцы стали мастерами комплиментов? Или это испанская традиция?

– Наверное местная – пожал плечами Луис. – Теплый климат располагает к любезностям.

За веселым непринужденным разговором они и не заме-

тили, как дошли до края кальдеры. Возле ограждения стояли немногочисленные туристы – парень с девушкой и одна семейная пара за тридцать с сыном-десятилеткой. На миг Санчесу показалось, что они похожи на его прекрасное семейство, но, сморгнув, он понял, что это лишь очередные причудливые игры разума.

– А это что? – отвлекая Луиса от туристов, спросила Джи.

Она указала на крест, который возвышался на горе в полумиле от кратера.

– Это наследие испанцев, – ответил Луис. – Когда они приплыли в Никарагуа и нашли Масая, они прозвали его «Адская Глотка». Удивительно, но они тоже решили, что там живет нечистая сила. Крест поставили, чтобы эта сила никогда не вылезала наружу.

– Но это, конечно же, не помогло?

– Конечно. Хотя, может, нечисти только в 2008-ом объяснили, в чем смысл креста – тогда вулкан в последний раз бушевал... но это не точно.

– Все шутишь, – улыбнулась Джи.

Она повернулась к кратеру и сморщилась:

– Ну и запашок тут...

– Дух Преисподней, – пожал плечами Луис. – Лишнее подтверждение, что вулкан жив и в любую минуту может проснуться. Подолгу тут стоять нельзя, может поплохеть.

Какое-то время Санчес и Джи молча любовались никарагуанскими ландшафтами и Тихим океаном в лучах скатыва-

ющегося к закату солнца, после чего отправились наверх к кресту. Там запахи уже не донимали путешественников, и они спокойно наслаждались завораживающим видом, присев на камень, прилетевший сюда, очевидно, во время одного из былых извержений. Глядя на алое закатное солнце, Луис неторопливо достал сигару и закурил.

– Тоже дымишь, как вулкан? – спросила Джи.

– Да, – кивнул Санчес. – Дымлю помаленьку. Тоже жив и могу проснуться.

– Проснуться? А сейчас ты спишь? – удивилась китаянка.

Взгляд продавца дыма скользнул вниз, по склону – к семье туристов, которая, устав созерцать кратер, медленно шла к оставленному на парковке автомобилю.

– Не знаю. Думаю, что да. Но что бы я понимал?

– Просто если ты спишь, то что тогда делаю я? – усмехнулась Джи. – Я, наверное, уже умерла...

– Брось, – поморщился Санчес. – Я, наверное, давно не встречал таких живых людей, как ты.

– Это потому, что ты видишь меня редко и только в обеденной суете столовой. Я там вечно бегаю, как заведенная.

– Да нет, дело не только в этом. Понимаешь, я... я люблю свою жизнь здесь, в Никарагуа, но это из-за природы, из-за какой-то атмосферы, ощущения гармонии... а не из-за людей. Люди, они скучные, все одинаковые, словно аватары в социальных сетях: изображения разные, но все плоские и обрезано-круглые как мишень. Будто... будто их на ксероксе

размножили, что ли... Но ты... ты какая-то... другая. Мне нравится видеть, как ты смотришь вокруг, нравится отвечать на твои вопросы, рассказывать что-то. Ты не интересуешься местными красотами, тебе не до этого – работа, работа, работа... но когда мы приехали сюда, пространство тебя захватило, и ты словно проснулась... Это здорово. Правда.

Она окинула его растерянным взглядом, затем подошла вплотную и тихо сказала:

– Так, может, будем чаще куда-то выбираться?

Он улыбнулся и кивнул.

И вправду – почему нет?

Глядя на то, как развеваются на ветру ее волосы, Луис мысленно удивился, как можно было назвать такое чудесное место Адской Глоткой.

Впрочем, чтобы судить об этом, им с Джи стоило приехать сюда во время извержения.

Глава 10

Меланхолия

1498 г.

Дорога в Германию отняла у Марио Варгаса немало времени и сил. Последний переход из Бадена в Нюрнберг севильский банкир буквально изнывал от невозможности выкурить любимую трубку. Он, безусловно, мог рискнуть и сде-

лать это, не дожидаясь окончания путешествия, но Варгас не желал зря испытывать судьбу. Табак пока что оставался тайным увлечением севильской знати, причем далеко не каждый решался вдыхать дым этого чудесного растения. Многие все еще сомневались, что церковь одобрит столь причудливое времяпровождение.

Марио улыбнулся, представив, как священник, отвечая на вопрос о ритуале курения, тактично скажет: «Лучше потратьте это время на покаяние и молитву».

А потом к человеку, задавшему вопрос, явятся дознаватели инквизиции – как уже вышло с моряком Колумба, Торресом. Вернувшись на родину, бедняга в открытую выращивал дома табако, курил его назло ворчливой жене, а та на исповеди пожаловалась на «богомерзкую привычку» мужа местному священнику.

Тайна исповеди – бесценный источник знаний для инквизиции. Благодаря этому нехитрому правилу Торрес довольно скоро оказался в тюрьме за «дьявольское дымопускание», и с тех пор его судьба покрылась пеплом неизвестности.

Варгас повернулся к окну экипажа и тяжело вздохнул.

Людам свойственно цепляться за прошлое и страшиться будущего, ведь будущее неопределенно, а прошлое понятно и доступно. Все новое сиюминутно встречается в штыки. Марио не сомневался, что лет через десять курить табако будет если не вся Кастилия, то, как минимум, вся Севиля. Да, пока люди боятся. Но Варгас знал: уж если кто-то решался

попробовать чудесное растение, то в секретном списке банкира появлялась новая запись примерно следующего содержания:

«А. Мартинез – 40 унций т., вт.».

Проблема была только в недостатке табако.

После второй экспедиции Христофор до самого потолка заполнил два чулана Варгаса мешками с ароматными листьями, но оба, и путешественник, и банкир, понимали, что запасы чудесного растения небезграничны. Колумб обещал, что в следующий раз привезет еще больше – но достаточно ли, чтобы удовлетворить интересы всех инициированных дымной привычкой курильщиков?

Вдобавок Марио не покидало ощущение, что нынешняя экспедиция станет последней – учитывая, как бесславно закончилась вторая.

Увы и ах, но доверия со стороны короны к Христофору быстро сошло на нет после первого иллюзорного успеха. Тот, первый триумф уже не будоражил воображение правителей пошлым блеском дешевых туземских побрякушек. Теперь им нужны были аргументы весомей, чем толпа ряженных рабов.

И с этим у Колумба в прошлый раз возникли проблемы, которые едва не поставили крест на колонизации индейцев, множественных регалиях и титулах..

Единственное, что спасло кампанию Христофора – это его неожиданное и, что уж лукавить, опасное предложение превратить открытые им земли в каторгу: отправлять туда осужденных воров, грабителей и душегубов, сокращая им срок заключения вдвое. Эта идея так понравилась Фредерику и Изабелле, что они решили дать Колумбу еще один шанс. Дополнив, однако, предложение Колумба своим: также ссылать в новые земли иудеев, сопротивлявшихся переходу в лоно святой церкви.

Зная об этом нюансе, Варгас чувствовал себя неуютно и искренне переживал за друга, который, с трюмами, переполненными изгоями короны, снова отправился на край света.

Возможно, поэтому Марио с радостью откликнулся на приглашение Альбрехта Дюрера посетить его мастерскую в Нюрнберге. Впрочем, справедливости ради, тон у письма был настолько странный, что Варгас в любом случае сподобился бы на эту поездку. Читая пляшущие строки послания от немецкого мастера, Марио невольно представлял себе бледного Дюрера, сидящего в полумраке мастерской за простым грубым столом. Перед художником стоит канделябр, свечи которого истекают воском, пока Альбрехт отчаянно собирает из разрозненных слов короткие предложения.

Марио знал, что Дюрер трудится истово, увлеченно, может весь день провести за работой, не говоря ни с кем, не завтракая и не обедая, упасть и уснуть прямо на полу. Искусство питало его и одновременно убивало.

Судя по пляшущему почерку и общему тону письма, сейчас Альбрехт быть ближе к смерти, чем когда-либо еще.

Что же случилось, думал Марио, глядя в окно на приближающийся Нюрнберг. Что выбило его из колеи? Возможно, испытал первый настоящий творческий кризис и теперь мнит себя бездарностью, которая не должна больше создавать гравюр?

Место, где Марио должен был получить ответ, уже показалось на горизонте. Глядя на зыбкие контуры домов, Варгас с нетерпением предвкушал, как будет смотреть на изможденное лицо юного гения через табачный дым.

Марио остановился в гостинице в квартале от мастерской Альбрехта. Художник истово упрашивал Варгаса останавливаться у него, но банкир всегда игнорировал эти предложения – он не хотел смущать самого Дюрера и, в особенности, его супругу, Агнес, которая не жаловала гостей мужа, ведь они отвлекали его от работы. В отличие от Альбрехта, его дражайшая супруга несколько не сомневалась в таланте мужа. Возможно, не осознавала, насколько он хорош, поскольку не слишком разбиралась в искусстве... Но, вероятно, Агнес это и не требовалось.

Главным ее достоинством было умение продавать гравюры мужа и считать денежки. Куда как хуже, если бы Агнес такого таланта не имела, и им с Альбрехтом пришлось бы питаться красками или за ломанный грош сбывать работы художника на растопку печей у более успешных соседей.

Выкурив трубку и хорошенько пообедав, Марио лег пораньше, чтобы выспаться с дальней дороги. В ту ночь ему приснился тревожный сон: как он входит в окутанную дымом мастерскую художника и обнаруживает Альбрехта на сваленных в кучу одеждах окутанным языками алого пламени. Причем в сновидении Варгаса Дюрер горел не так, как, вероятно, это выглядело бы в жизни реальной: он не кричал, не пытался сбить огонь – лишь с равнодушным видом смотрел в потолок, медленно превращаясь в пепел, словно сигара, упавшая в костер.

От огненных видений Марио проснулся в холодном поту посреди ночи и лишь ближе к рассвету вновь забылся сном.

Утром, в смятенном ночными видениями расположении духа, Варгас отправился в мастерскую Дюрера и, подойдя к двери, нерешительно в нее постучал.

Некоторое время ничего не происходило. Когда же дверь приоткрылась, и наружу робко выглянул Дюрер, Варгас с нескрываемым облегчением выдохнул.

Губы Альбрехта растянулись в неуверенной улыбке.

– Марио... Марио! Это же ты!

– Неужто я прибыл скорей, чем добралось мое письмо? – на всякий случай удивился Варгас.

– Нет-нет, я получил... но я не ждал тебя именно сегодня! Не ждал так скоро... Но входи же, входи скорей!

Альбрехт отступил, и Варгас переступил через порог.

Одновременно с этим мрак, царивший внутри, поглотил

Марио, окружил его скорлупой полутьмы, отрезав его от солнечного света, который сопровождал банкира по дороге в мастерскую. Свежесть сменилась затхлостью; ароматы красок, жженного дерева и несвежих простыней разжигали смятение.

Если бы случайный вор забрался в мастерскую Альбрехта, он бы, вероятно, крайне быстро ее покинул. Мало того, что уже прихожая казалась совершенно бедной, неухоженной и темной. Куда страшней было то, что таилось в самой мастерской.

– Что это? – только и спросил Варгас.

Он стоял в дверном проеме, не в силах заставить себя пройти дальше. Вдоль стен, словно окна в неведомое и страшное *ничто*, выстроились гравюры, которые заставили Марио оцепенеть.

– «Откровения Иоанна Богослова», – смущенно буркнул Альбрех, подходя к первому окну-гравюре. – Всего пятнадцать работ. Я попытался отобразить на них самое значимое из Нового Завета, посвященное Иоанну. Здесь Мадонна на лунном серпе является к Иоанну. Это экспозиция, а дальше начинается... апокалипсис.

– Апокалипсис? – переспросил Марио, чтобы сказать хоть что-то.

Наверное, более емко охарактеризовать увиденное на работах Дюрера не представлялось возможным. С гравюр на гостя из далекой Севильи недружелюбно взирали вестники и

вершители конца света – четыре всадника апокалипсиса, ангелы смерти, семиглавый дракон... Альбрехт настолько кропотливо проработал каждую деталь, что у Марио невольно возникла мысль – а что, если эти образы в следующую минуту оживут и начнут Великий Суд?..

– Так что скажешь, мой друг? – спросил Дюрер. – Как тебе мой взгляд на апокалипсис?

Он говорил так глухо и тихо, будто находился на другом конце комнаты, хотя на самом деле стоял в шаге от друга.

– Это... потрясающе, Альбрехт, – с трудом ответил Марио. – Но что побудило тебя сделать эти гравюры? В каждой из них сквозит боль и тревожное смирение. Боюсь представить, что происходило внутри тебя, когда ты их писал!

– А я сначала боялся вспоминать. – Альбрехт, говоря, смотрел куда-то в сторону, будто в углу мастерской находились невидимые зрители, внимающие каждому его слову. – Но теперь безумно сожалею, что не смогу заново пережить и толики тех чувств, которые вели мою руку с резцом, штрих за штрихом... штрих за штрихом...

Он начал беспорядочно жестикулировать, и Марио обратил внимание на пальцы Альбрехта, покрытые мелкими шрамами – видимо, полученными во время работы. Каждая гравюра Дюрера была следом – отметиной таланта мастера в податливой текстуре дерева – но и каждый шедевр оставил свой след на творце, обратным напряжением скрупулезного труда врезавшись ножом в его плоть.

– Такое чувство, что я проваливался в некое безвремье, междумирье, и там обитал, среди моих героев, и они все шептали, шептали вразнобой, какими себя видят. – Альбрехт положил руку на гравюру, отражавшую римскую пытку Иоанна Богослова. – А я выдерживал из этих клубков слов те звуки, которые отзывались во мне, и переносил их на доски. Штрих за штрихом... А потом я закончил, и все будто прояснилось, закрылась какая-то странная дверь, за которой находилось мое междумирье с моими героями, они остались там, а я – тут, один, совсем один... И я вдруг понял, что их апокалипсис совпал с моим, их больше нет, но и меня тоже...

– Что ты такое говоришь, Альбрехт? – поразился Марио. – Ты же вот он, стоишь передо мной?

Губы Дюрера тронула улыбка.

– Я здесь и одновременно меня нет. Мой личный маленький апокалипсис, Марио. Я больше не могу работать. Если Агнес узнает, мне несдобровать.

Варгас стоял и удивленно смотрел на художника. Он не был в отчаянии, нет. Возможно, вначале оно накрывало его с головой и на несколько дней просто отрезало от реальности, но после ушло, оставив лишь дымку меланхолии с горьким привкусом сожаления, в которой Альбрехт пребывал и поныне. Минутная вспышка эмоций, из-за яркости воспоминаний, а потом – холодная констатация факта: художник в нем мертв.

– Давай присядем? – предложил Варгас.

– Как хочешь, – повел плечом Дюрер.

Они расположились за старым дубовым столом, покрытым царапинами, как и руки его хозяина.

– Альбрехт, я понимаю, тебе кажется, что ты больше никогда не нарисуешь ничего лучше, чем это, – сказал Марио. – Потому что это грандиозный труд, это... дьявол, у меня просто нет слов, чтобы описать мои чувства при виде этих графюр!

– Среди них есть страх? – вдруг спросил Дюрер.

– Да, безусловно, – осторожно ответил Варгас. – Но я сейчас даже не об этом. Мне кажется, мой друг – чем выше ты взлетел, тем дольше будешь приземляться и готовиться к новому прыжку. Тут ты покорил небывалую высоту, поэтому сейчас испытываешь... творческое похмелье. И твоя нынешняя уверенность, что ты больше не сможешь писать – она непременно пройдет. А чтобы это случилось быстрее, я хотел бы предложить тебе одно проверенное мной средство.

С этими словами Марио достал из-за пазухи бархатный кисет. Открыв его, он вытряхнул на стол огниво, трут, кремль, кресало, трубку и несколько ароматных листьев. Почувяв их запах, Дюрер невольно поморщился.

– Вот, наконец я вижу еще какую-то эмоцию на твоем лице, – обрадовался Марио. – А ведь мы даже еще не начали...

Он неспешно принялся забивать трубку. Альбрехт следил за ним с равнодушным видом, не понимая, что делает старый друг, но и не особенно переживая из-за этого неведения. Ка-

залось, мысли его находятся далеко от мастерской и вообще от Нюрнберга с его суетой.

Наконец Варгас раскурил трубку и, выдыхая облако дыма, протянул ее Дюреру:

– Вдохни.

– Это зачем еще? – морщась, Альбрехт выставил руку.

– Попробуй – поймешь. Поверь мне, это поможет. И не волнуйся, я сам же только что вдохнул, вот, смотри еще. – Марио снова затянулся и выпустил дым в потолок. – Видишь? Это совершенно безопасно.

Дюрер нехотя взял трубку в руки, поднес к губам... Марио невольно зажмурился, понимая, что первая затяжка непременно закончится кашлем.

Так же, как было с самим Варгасом три года назад во время встречи с Колумбом в Барселоне.

И точно так же, как Христофор тогда, Варгас сказал красному от кашля Альбрехту, пытающемуся вернуть трубку:

– Попробуй еще два вдоха и прислушайся к себе.

Успокоив кашель, Дюрер внял его советам, и буквально через минут его настроение едва заметно, но все же улучшилось: по крайней мере, Альбрехт больше не казался таким напряженным и опустошенным – скорей, он стал расслабленным.

– Ну? – с довольным видом осведомился Варгас. – Почувствовал?

– Что-то есть, – нехотя признался Дюрер. – Мне каза-

лось, я... я словно лежу посреди мастерской, окутанный туманом... и ничего не вижу вокруг.

Марио вздрогнул, вспомнив сон прошлой ночи, и спросил:

– А сейчас?

– А сейчас туман немного рассеялся, – ответил Альбрехт. – Как будто есть еще какая-то надежда... Не знаю, Марио, не знаю, я так боюсь, что это поможет лишь на время... а потом станет еще хуже. И я все равно не смогу больше ничего сделать.

– Тебе просто надо расслабиться, Альбрехт, – мягко сказал банкир. – Зная тебя, предположу, что ты работал без передышки и спал прямо здесь. Надеюсь, ты хоть есть не забывал?

– Ну, Агнес следила, чтобы я не отошел в мир иной, не закончив заказ, – с улыбкой ответил художник.

Кажется, впервые с момента начала их разговора он позволил себе пошутить. Глядя на него, Марио тихо усмехнулся про себя: похоже, чудесная табако проняла даже странного и нелюдимого Дюрера.

Если так пойдет и дальше, возможно, его персональный апокалипсис все же удастся отсрочить.

Глава 11

Дымное свидание

2024 г.

Она придет.

Луис нервно усмехнулся про себя.

Она. Приедет. К нему, в отель, в его «временный» дом, ставшим за эти годы постоянным убежищем.

Луис задумался – а как часто сюда приходила женщина, о которой он знал что-то, кроме ее имени и пары совершенно неважных фактов, сказанных по дороге из ресторана или ночного клуба?

Ответ оказался прост и прозаичен – ни разу. Наученный горьким опытом Мадрида, Луис не спешил снова обраться привязанностью. Хватит и той боли, что уже поселилась в его душе.

Первые серьезные отношения в Никарагуа? И куда они его заведут? Сомнения душили ростки эйфории визита Джи, порождая тревогу. Угмонить рой вопросов Луис смог, лишь погрузившись в лэптопное чтение новостей табачной индустрии и скроллингом постов фэйсбучных друзей.

Старомодный гостиничный телефон и наушник в ухе ожили практически одновременно. Видимо, Джи прибыла в отель и звонила Луису с КПП параллельно с охранником, который там сегодня дежурил.

– Принять вызов, – сказал Санчез.

Наушник отозвался тихим не раздражающим слух сигналом, и из миниатюрного динамика послышался голос Джи.

– Луис, привет. Это я. Тебе сейчас позвонят с КПП.

– Привет. Уже звонят. Так я им отвечу?

– Что? А, да, конечно! Охранник боится, что я чем-то торгую.

– О, тогда я точно отвечу. Отбой.

Наушник отключился, и Луис, сняв трубку с гостиничного телефона, сквозь зубы раздраженно процедил:

– Это ко мне. Я же предупреждал о визитере. Нет, она ничем не торгует.

Франко – а на том конце провода был, конечно же, именно он – быстро переварил услышанное, а потом неуверенно сказал:

– Понял, дон Санчес.

Прежде чем в трубке послышались короткие гудки, Луис успел расслышать звуковой сигнал, с которым обычно открывалась калитка.

Луис повернулся к входной двери. Скоро в нее постучат, он откроет, и на пороге будет она.

Джи.

Прошло три недели после путешествия к вулкану, перевернувшего их отношения. Редкой болтовни в столовой им уже было мало – теперь они созванивались ежедневно.

И вот, через несколько мгновений их отношениям суждено взять новую высоту.

Санчес снова накрыла волна неуверенности, схожая с той, из детства, когда он, оставшись наедине со школьной краса-

вицей, пытался найти правильную дорогу из слов и жестов к первому поцелую.

Луи вдруг ощутил, что это чувство ему нравится своей старинной свежестью – давно забытое, будто из прошлой жизни, и в то же время почти незнакомое? Ему нравилось, когда что-то щекочет нервы, нравился этот странный азарт – ведь плотью любых отношений является эта бесконечная ходьба по натянутому над пропастью канату. Один неверный шаг – и отношения умрут, разбившись о серую твердь реальности...

Луис легкой пощечиной попытался сбросить прилив робости.

Стук в дверь, и в горле мигом пересыхает, и взгляд испуганной колибри носится по комнате, проверяя, все ли лежит на своих местах. Ты можешь ездить на самом дорогом байке на свете и круче всех выглядеть с сигарой в зубах, но забытый посреди комнаты носок разрушит твой образ мачо в один момент.

Луис откашлялся и, подойдя к двери, резко ее открыл. Лицо его выражало сдержанную радость от встречи – по крайней мере, Санчез на это очень надеялся.

– Привет, – с искренней, пусть и немного нервной улыбкой сказал Луис, глядя на гостью.

Джи была одета неброско, но элегантно – легкое зелено-желтая майка, джинсы, балетки, в руке – сумочка бледно-бежевого цвета. Макияж очень сдержанный, подумал Лу-

ис, с трудом оторвав взгляд от алых губ.

– Привет, – сказали яркие губы.

– Проходи. – Санчес спохватившись, отступил в сторону и указал рукой на веранду. – Хочешь, осмотрись здесь, хочешь, пошли сразу наружу.

– Сразу наружу? – неуверенно переспросила Джи.

– К морю, – с улыбкой ответил Луис. – Но я бы не советовал спешить: в гостиной у меня есть для тебя маленький сюрприз.

– Ладно, – просто ответила Джи и вошла в дом.

Если бы Санчес сказал, что сюрприз ждет её в спальне, он подверг бы первое домашнее свидание риску. Китайка, вероятно, тут же развернулась и уехала (что точно не входило в планы Луиса), либо согласилась и невольно лишила его удивительного эхом доносящегося из прошлого вальса-прелюдии, кружась в котором, пара знает, чем все закончится, но не спешит прервать танец. А гостиная – совсем другое дело.

Гостиная – пространство для прелюдий. Гостиная – прихожая спальни.

Луис закрыл дверь и повернулся к Джи, которая, остановившись посреди комнаты, с интересом рассматривала интерьер.

Санчес вдруг испугался мысли о том, что контраст между контейнерным бараком и виллой смутит гостью, и замер, ожидая ее реакции.

– Дом... красивый, – сказала Джи. – Очень красивый. У нас не такой.

Луис растерянно посмотрел на гостью.

– Я, конечно, про Китай, – поймав его взгляд, добавила Джи. – Здесь – это вообще не дом. Запихали нас всех, как анчоусов в банку...

Она вдруг стихла и виновато посмотрела на Луиса исподлобья.

– Прости... Наверное, не стоит сейчас об этом говорить?

– Почему же? Говори, о чем хочется. У меня тут нет запрещенных тем.

– Совсем нет? – улыбнулась Джи. – А то у нас одного парня, который болтал про ковид, недавно отправили обратно в Китай. По крайней мере, *так говорят*.

– И что же он болтал?

Джи шумно выдохнула и попросила:

– Давай не будем об этом, ладно?

– Боишься, что отправлю тебя обратно в Китай? – ухмыльнувшись, спросил Луис.

– А ты можешь? Хотя ты, наверное, можешь...

Джи огляделась по сторонам и, ловко повесив сумочку на свободный крючок вешалки, спросила:

– Итак, что же такого интересного там, в гостиной?

Луис улыбнулся и мотнул головой в сторону дверного проема:

– Сейчас сама все увидишь.

Едва переступив порог, Джи заозиралась по сторонам в поисках сюрприза и в итоге остановила свой взгляд на «Меланхолии» Дюрера, которая висела на стене слева от рабочего стола Луиса.

– Какая... необычная, – заметила Джи. – Это и есть твой...

– Что? О, нет. Но, обещаю, что об этой картине я как-нибудь тоже тебе расскажу. А пока посмотри на стол.

Она повернулась и увидела голубой лакированный ящик на столе. На крышке была инкрустация в виде кубинского флага и портрета Че Гевары.

– Это? – с удивлением осведомилась она. – Похоже на большую шкатулку для дорогих часов.

– Скорее, саркофаг для ценных удовольствий.

– Смешно, но... часы, Луис? – Джи выглядела растерянной. – Если там правда они, то я вынуждена буду отказаться. Мое руководство строго следит за нашими покупками и требует отчитываться за каждый...

– Успокойся, прошу, – с мягкой улыбкой сказал Луис. – Это не часы, это хьюмидор – ящик для хранения сигар. Сегодня я научу тебя курить сигару.

Глаза Джи округлились.

– О. Такого я точно не ожидала. Хотя и знаю, что ты у нас... сигарный барон.

– Я предпочитаю куда менее пафосный титул – продавец дыма, – с притворной скромностью произнес Санчез. – И я

хочу быть твоим первым проводником в мир табака... если ты готова, конечно.

– Готова, – улыбнулась Джи.

– Тогда присаживайся. – Луи указал на кресла. – И начнем.

Джи охотно приняла его приглашение. Видя, как она расслабленно улыбается, Луис в очередной раз порадовался, что купил эти кресла у антикварщика в Гранаде. Неизвестный мастер то ли знал какой-то мудреный секрет столярной анатомии, то ли обладал магическим даром, о котором сам не подозревал. Как бы то ни было, более комфортных кресел Санчез прежде не встречал.

Луис открыл хьюмидор, в котором аккуратными рядами табачных мумий лежали сигары, и осторожно взял одну из них. Китайка внимательно следила за его манипуляциями.

– Смотри. Это сигара – яркий пример того, как табак продолжает изобретать себя заново. Одна ее сторона называется парехо, – начал рассказ Луис. – Она закрыта шапочкой табачного листа.

– Это ее нужно срезать?

– Верно, причем срезать с очень небольшим зазором. Если даже чуть промахнешься, обрезки табака будут лезть в рот. А если сильнохватишь лишку, верхний лист, который мы называем покровным, может начать разворачиваться.

Луис нежно провел пальцем по телу сигары.

– А чем их обрезают? – с интересом спросила Джи.

– Самый известный каттер, он же самый удобный – это ручная гильотинка. Но на деле каттеров великое множество. Есть, например, «ласточкин хвост» – он выгрызает в головке сигары вырез треугольного сечения. Такие каттеры очень популярны в США, но я считаю, что пользоваться «ласточкиным хвостом» нельзя.

– Почему?

– «Благодаря» такому срезу в его углу образовывается конденсат, сигара начинает горчить, курение становится жестче, и докурить такую сигару до конца почти невозможно.

– А это что? – Джи взяла в руки стальной цилиндр. – Мундштук?

– О, нет, это пробойник. Он делает небольшое круглое отверстие в «шапочке» сигары. Тоже каттер, и у него масса поклонников, но я его ярый противник. Площадь среза пробойником намного меньше, чем гильотиной. В результате меняется тяга, напрямую в рот дым поступает только с центральной части сигары, а там находятся самые крепкие листья. Остальной же дым вынужден пробиваться через табак, из-за чего те летучие вещества=эферы, которые афисонадо должен был вдохнуть, до рта не доходят – просто отфильтровываются по дороге. Пробойник искажает вкус сигары, причем довольно сильно. В итоге сложится впечатление о плохом вкусе сигары, а на деле она просто неправильно была обрезана.

– А для чего она тебе, если ты считаешь ее плохой? – удивилась Джи.

– У меня бывают разные афисионадо, и некоторые предпочитают этот способ. Вежливость к гостям, ничего более.

Говоря это, Луис неторопливо взял в руки гильотину и аккуратно обрезав сигару, протянул ее Джи. Затем проделал ту же манипуляцию с сигарой для себя.

За окном громко крикнула чайка. Шум крыльев – и она унеслась прочь, к линии горизонта, быстро слившись с барашками волн, которые поднимал теплый морской ветер.

– Все, можно уже прикуривать? – спросила она.

– Раскуривать. – Луис улыбнулся. – Прикуривать – это вставить один конец сигары в рот, поднести огонь к другому и затянуться... но делать так вульгарно!

– Надо же. А как правильно?

– Пламя необходимо располагать под углом около 45° к сигаре и круговыми движениями, чуть касаясь пламенем площади среза, равномерно разжигать сигару. На кончик сигары можно подуть, чтобы она разгоралась равномерней. Но не стоит махать сигарой. Так и тяжелее ее разжечь, и сигару можно выронить... да и ты станешь похожа на официанта.

– Как все сложно, – протянула Джи, разглядывая сигару в своей руке.

– При розжиге еще важно, чтобы пламя случайно не лизнуло покровный лист. Нельзя также покров закоптить, для этого сигару нужно располагать вертикально, срезом вверх. –

Луис продемонстрировал правильное положение сигары. – Когда научишься без проблем разжигать, тогда можешь держать ее так, как тебе удобно.

– А чем грозят проблемы при розжиге? – удивилась Джи.

– Если срез разгорелся неравномерно, то сигара и гореть будет так же. Можно, конечно, горение поправить, но начало ритуала окажется скомканным. Плюс – или, точнее, минус – если закоптить покров, можно подпортить вкус сигары на какое-то время.

Джи поднесла сигару к глазам, повертела так и этак, мысленно, вероятно, представляя, как будет ее поджигать и курить... потом недоуменно спросила:

– А зачем разжигать сигару под углом?

– Потому что если разжигать ее в лоб, продукты горения будут буквально вколачиваться в тело сигары. А так как температура пламени намного выше температуры горячей части, то ароматические вещества вместо приятного вкуса дают неприятный угарный привкус.

Сейчас Луис был на своем поле, в своей стихии. Он был ментором, учителем, а Джи была его ученицей, которая с интересом ловила каждое слово наставника.

– Кстати, то же самое, но в куда более опасной форме, происходит с сигарой, если ее прикуривать от сильного пламени. Так ты опять будешь втягивать в сигару всю гарь. Особенно смешно выглядит, когда человек аккуратно разжигает сигару, а под конец берет ее в рот и за пару затяжек от огня

превращает сигару в пылающий факел.

– А как надо? – невинно поинтересовалась Джи. – Какие должны быть затяжки, Луис?

– Не слишком частые, чтобы не перегреть сигару, и не слишком редкие, чтобы она не остыла. Даже если сигара еще не погасла, а только остыла – оттого, что ты ее надолго оставила без внимания – вкус ее может уже немного подпортиться. Иногда – на какое-то время, изредка – до самого конца. Риск повышается, если сигара успела погаснуть. Ну а если с момента угасания прошло минут 40 – курить *это* уже нельзя: твоя бывшая сигара застыла и провоняла, как пепельница.

На горизонте за окном показался крохотный лайнер, чадящий трубами и похожий на старую крохотную пепельницу, утыканную окурками, словно еж. Джи наморщила нос и протянула:

– И снова – так все сложна-а-а...

– Научишься, – пообещал Санчес. – Давай пробовать.

Он демонстративно разжег свою сигару, затем начал помогать Джи. Сразу же, конечно, не вышло, но это ничуть не раздражало – напротив, они хохотали до слез. Наконец совладав с сигарой подружки, Луис скользнул взглядом по ее ногам – левая закинута на правую – и сквозь первые робкие облачка дыма продолжил лекцию:

– Смотри, главное – не пытайся затянуться, иначе можно попасть в объятия обморока. Сигара не для этого предназначена. Никотина в сигарном листе очень много, а он, как ты

знаешь, может убить лошадь.

– Слушай, как опасно, – пробормотала Джи. – Хорошо, что я не лошадь!

Она коротко «глотнула» дыма, тут же отодвинула сигару и поменяла ноги местами – видимо, справляясь с ученической нервозностью, страхом что-то сделать неправильно.

– Это всего лишь присказка, как ты понимаешь. В сигарной культуре вообще много шуток, но если упрямо наполнять легкие сигарным дымом, станет не до них. Поэтому не нужно делать очень большие затяжки. Сделала глоток дыма, покатала его во рту, как...

Луис запнулся. Он хотел сказать «как дорогой коньяк», но, кажется, для Джи подобное сравнение было не совсем уместно.

– В общем, как бы дым должен «впитаться» в слизистую. В идеале изо рта не выходит дыма – он весь впитывается.

– Да ладно? – не поверила Джи.

– Ну да, а чего дым на воздух переводить? И так вон сколько уходит в никуда. – Луис помахал в воздухе своей сигарой. – Главное, не спешить. Сигара не сигарета. Если курить слишком быстро, дым начнет лезть в нос и в глаза, сигара будет перегреваться и горчить. Да и сгорит раньше времени...

Джи осторожно приложила к кончику сигары, сделала «глоток», задержала его во рту, потом снова разжала губы, выпустив робкие излишки дыма наружу.

– Ну как? – спросил Луис.

Джи кашлянула, глаза ее заблестели от слез.

– Крепкая какая... – пробормотала она.

– Не спеши, – сказал Луис. – Может, хочешь пойти к морю? На краю обрыва есть лестница, можем спуститься, постоять у воды.

Джи охотно закивала, и они, с дымящимися сигарами, отправились вниз по ступенькам.

Стоя на самой границе суши и Тихого Океана, позволяя соленым волнам омыwać ступни, Луис и его гостья смотрели на линию горизонта и курили.

Он проследил взглядом за безмолвным облаком дыма, покинувшим губы джи – подхваченное ветром, оно исчезло в небе, за считанные секунды став прошлым.

Красота облаков заключается в том, что в их очертаниях нет повторяющихся линий. Неопределённость облака – это и есть красота в ее подлинном, первоначальном значении.

Сиюминутное совершенство бесформенности всегда восхищает.

– Видишь, облака? – Санчез указал на небо. – Ацтеки считали, что это – сигарный дым курящего бога.

– Надо же. А их боги курили?

– Один из них – точно. Ксочипилли – первый бог табака, цветов и удовольствий. Индейцы изображали его в окружении священных растений, среди которых были психоактивные грибы и табак.

– Интересно, – хмыкнув, сказала Джи.

Они помолчали. Призрачные силуэты далеких кораблей на горизонте навевали мысли о загробном мире и вечном море...

Луис вздрогнул.

«Только не сейчас!..»

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросила Джи. – Ты побледнел.

От ее голоса мимолетное наваждение отступило, мысли моментально прояснились, и Санчез уставился на китайянку.

– А? – Он мотнул головой. – О, не обращай внимание. Я просто задумался. А бледный... Это так. Ерунда.

Луис улыбнулся Джи, снова повернулся к океану, но она не сводила с него взгляд.

– Что? – неуверенно спросил Санчез, снова повернувшись к гостье.

Она приблизилась к нему, осторожно, словно гладила дикого зверя, провела рукой по его щеке, и тихо сказала:

– Не пугай меня так, ладно, Луис?

Он смотрел на нее сквозь лучи яркого солнца... а потом наклонился и поцеловал ее алые губы.

Они не имели горького привкуса.

Кажется, Луис правильно научил ее разжигать сигару.

Глава 12

Выгодный обмен

1500 г.

Весть о том, что Колумб возвращается в Кастилию в кандалах, как преступник, потрясла Марио до глубины души. Он не мог поверить, что судьба подобным образом поступила с его старым товарищем, долгие годы терпевшим тяготы освоения Вест-Индии вдали от цивилизации.

Под «судьбой» Варгас, разумеется, подразумевал почтенных Изабеллу и Фердинанда, которые вконец отчаялись получить серьезную выгоду от заокеанских земель, стоивших им немалых средств и нервов, ведь Эспальон стал причиной конфликта с Португалией о принадлежности открытых территорий в соответствии с буллой папы Александра VI «*Inter caetera*». Долгие споры в итоге закончились подписанием Тордесильясского договора о разделе сфер влияния в мире в 1494-ом. В нем стороны определили условную линию в Атлантическом океане, пролегающую с севера на юг. Согласно договору, все земли к востоку от этой линии отходили к королевству Португалия, а к западу – к Кастилии и Арагону.

И вот теперь, по мнению престолодержцев, это соглашение теряло смысл – ввиду полной бесполезности колонии Эспаньол. По слухам, которые дошли до Марио, в те земли уже отправился сам королевский комиссар, чтобы собственноручно арестовать Христофора за превышение полномочий и расточительство и вернуть его в Европу для королевско-

го суда. Вместо него на острове теперь господствовал конкистадор Франсиско де Бобадиля, которого монархи наделили неограниченными полномочиями, сделав из него, фактически, нового правителя туземцев взамен опального Колумба.

От одной мысли, что старый друг может закончить жизнь в кастильской тюрьме, Марио становилось дурно. Сохранять самообладание и здравый рассудок ему в ту пору позволял только табак, которого, к слову, становилось все меньше с каждым днем.

Беда заключалась в том, что за последние несколько лет Марио более-менее наладил торговлю табаком, а теперь из-за ареста Колумба все прошлые старания Варгаса могли пойти прахом. Следовало искать иной способ раздобыть табак, но Марио пока плохо представлял, кто, кроме Христофора, может обеспечить его чудесным заморским растением.

Покуда банкир гадал, как сложится судьба их рискованного дела, из Германии доставили письмо от Дюрера. В нем Альбрехт с восторгом рассказывал Марио о том, что творческий кризис его благополучно миновал, и художник снова вдохновенно работает – к счастью, заказов после создания «Апокалипсиса» у немца было хоть отбавляй.

Также в письме Дюрера не обошлось без упоминания чудесного растения, которое помогло молодому гению справиться с меланхолией:

«Сообщаю также, что чудесное растение, именуемое то-

бой табако, сопровождает меня и в радости, и в печали, усиливая первое и скрашивая второе. Кажется, что оно создано для меня одного, меня одного подпитывает, и сам я переполнен священным дымом родом с далеких берегов. Прошу изыскать возможность продать мне 3 арробы табако, которого, как я надеюсь, хватит мне на ближайший год, чтобы я мог и далее творить, не беспокоясь о его отсутствии!»

Улыбаясь, Марио перечитал этот абзац и продолжил чтение. Но улыбка стремительно покинула его лицо, поскольку следом Дюрер с вежливой прямолинейностью уведомял банкира о появлении конкурента.

«В противном же случае, если ты по какой-то причине не способен удовлетворить мой интерес, прошу тебя сразу мне об том сообщить, дабы я обратился к другому торговцу дымом, которого мне рекомендовали в Севилье...»

Эта новость сперва задела самолюбие банкира, а после разожгла в нем бессильную ярость, словно тлеющий табак, попавший на лацкан камзола и породивший пламя, которое медленно пожирает добротное сукно.

С каких пор в Севилье кто-то, кроме самого Марио, стал промышлять табако? И кто является этим неизвестным торговцем? Дюрер на эти вопросы не отвечал – возможно, по той самой причине, что не хотел сталкивать конкурентов

лбами. Или, что скорее, по научению своей супруги Агнет, искушенной в вопросах торговли.

Варгас дочитал письмо и, поколебавшись, отправил его в верхний ящик стола, чтобы вернуться к нему позже, уже по возвращению Колумба. Пока Марио даже близко не представлял, сколько табако сможет доставить в Старый Свет его друг, а потому не знал, что ответить Дюреру. Может статься, Колумб приедет назад совершенно опустошенный, в прямом и переносном смысле, и единственным украшением, которое Христофор привезет, станут надетые на него кандалы. Впрочем, думать об этом банкир желал не особо. Он предпочитал действовать – подключал знакомых финансистов из числа приближенных к королевскому двору, надеясь, что их влияния и признания Колумба среди простого народа Кастилии хватит, чтобы убедить монархов освободить путешественника из-под стражи.

Но, Боже мой, какого же труда стоила Варгасу эта вера в спасение его друга!..

Хуже всего, что чем ближе было прибытие Христофора и его конвоиров, тем сильнее Марио укреплялся в мысли, что в Севилье действительно появился еще один продавец табако. Варгас вспоминал письмо Дюрера всякий раз, когда очередной его «постоянный клиент» исчезал. И пусть число «предателей» пока было не слишком велико, Варгас всерьез обеспокоился, что их с Христофором предприятие вскорости придется закрыть. Притом не только из-за конкуренции,

сколько из-за проблем с поставками и инквизиции, которая, похоже, начала все чаще интересоваться ритуалами курения.

Наконец судьбоносный день настал: Колумб вернулся в Испанию. По счастью, к тому моменту Марио и финансистам, приближенным к Фердинанду и Изабелле, удалось смягчить монархов. Они «за былые заслуги» простили Христофору грехи третьей экспедиции, и вскорости Марио смог крепко обнять старого друга – болезного, бледного, исхудавшего, но с глазами, все еще сохраняющими былой огонь.

Правда, теперь он уже не казался игриво-беззаботным. Скорей, он стал злым, готовым сжечь любого, кто встанет между Христофором и его заслугами открывателя новых земель.

– Поверить не могу, что тебя везли сюда, как преступника, – сказал Марио, когда они устроились у него на террасе и курили ароматный табак.

Колумб затянулся, выпустил в воздух струйку дыма и на выдохе пробормотал:

– А я не могу поверить, что оказался на свободе.

– Но ты же герой Испании, первооткрыватель! Великий герой всего народа...

– Все так. Но это уже прошлое. И разочарование Фердинанда и Изабеллы мне понятно. Они ждали золота... не дождалась. Терпение иссякло. А конкистадоры были тут как тут. Священное воинство, всегда готовое постоять за честь короны, хоть здесь, хоть в многих сотнях лиг отсюда...

Колумб фыркнул и крепко затянулся – пожалуй, даже крепче, чем стоило, поскольку лицо его сделалось красным, а сам он закашлялся.

– С тобой все в порядке? – обеспокоенно спросил Марио. Христофор кивнул и, уняв кашель, добавил:

– Не обращай... кхм... внимания. В общем, я хотел лишь сказать, что ждал подобного исхода.

– И все же отправлять тебя за решетку – это уже чересчур. Ты не виновен в том, что те земли оказались бедней, чем ты о них думал.

– Пожалуй. Но... ты не думаешь, что дело может быть не только в богатствах Эспаньола и других земель? – ухмыльнувшись, хитро осведомился Христофор.

– Ты сейчас говоришь про табако?

– Конечно, про него. Сразу по прибытию в город мне рассказали, что случилось в Севилье незадолго до моего возвращения. Ты же наверняка уже в курсе, что приключилось с Родриго де Хересом, моряком, который служил на одном из моих кораблей в первую экспедицию?

– Нет, я знаю только про одного моряка – Торреса, которого несколько лет назад инквизиция арестовала за то, что он выращивал и курил табак у себя дома, не обращая внимание на ворчания недовольной супруги... за что и поплатился.

– Так вот с Родриго де Хересом случилась такая же история. Только тюрьмой тут, возможно, не обойдется.

– И что же с ним приключилось? – удивился Марио.

– Говорят, Родриго, изрядно захмелев, нагло закурил прямо в трактире, и сидевшие за соседним столиком люди, увидев, как он выпускает дым изо рта, решили, что беднягой овладел дьявол, и тут же донесли, куда следует. Матроса забрали в застенки и теперь, говорят, пытаются.

Липкое и обжигающее холодом чувство страха вспыхнуло в душе Варгаса. Он, безусловно, подозревал, что инквизиция рано или поздно вмешается в контрабанду табако, но не думал, что кара за курение будет настолько жестока. Интересно, если люди однажды научатся летать, как птицы, их тоже спустят с небес и отправят в подземелья на randevу к дознавателям?

– Может, и меня эта история как-то коснулась? Как знать... – пробормотал Колумб.

– Постой. Ты что же, думаешь, что инквизиция могла убедить Изабеллу арестовать тебя, чтобы прекратить поставки табако на континент?

– А почему бы и нет? Если кто-то донес, что ты подпольно торгуешь этим чудесным растением, которым тебя снабжаю я, последствия могли быть любыми. В том числе – фатальными. – Колумб сделал еще «глоток» дыма. – Родриго де Херес, надеюсь, не был твоим покупателем?

– Думаешь, он сдал бы меня, если бы я с ним торговал?

– Как знать, – повторил Колумб. – Говорят, клещи инквизиторских дознавателей могут разговорить кого угодно...

Той ночью после разговора с мореплавателем Варгас пло-

хо спал – ворочался, долго не мог уснуть, а когда наконец провалился в сон, угодил прямиком в мрачный каземат инквизиции. Тусклый свет от горящих углей в очаге едва надрывал пелену тьмы, царившей в этом зловещем помещении. Марио с ужасом понял, что руки и ноги его зафиксированы кандалами на какой-то конструкции, напоминающей крест. Бритоголовый верзила-послушник, мурлыча молитву себе под нос, грел над красными от жара углями кочергу. Раскаленный конец металла придавал кочерге сходство с тлеющим листом табако, и Марио подумал, что с удовольствием бы закурил.

– Не ты один, – слышался справа до боли знакомый голос.

Варгас с замиранием сердца повернул голову и увидел, что рядом на такой же крестообразной конструкции распят его друг, Христофор Колумб. Путешественник был одет в исподнее, а голову его украшал нелепый ночной колпак, который он, насколько Марио знал, никогда не носил.

– Колпак и вправду нелепый, – согласился с мыслью банкира Колумб.

– Где мы и что тут делаем? – выговорил Варгас с трудом.

– Сначала мы жгли табако, теперь будут жечь нас, – меланхолично ответил Христофор.

Ком подкатил к горлу Марио, и он с трудом выговорил:

– Значит ли это, что мы должны перестать им торговать?

Колумб внимательно посмотрел на друга и, прервав заты-

нувшееся раздумье, строго сказал:

– Делай что должен и будь что будет.

В этот момент инквизитор резко повернулся и вонзил ко-чергу в грудь Марио. Банкир распахнул рот в беззвучном вопле...

И проснулся.

Некоторое время он просто лежал, отчаянно хватая ртом воздух, не в силах продышаться – боль сна не спешила отступать.

Что значило это сновидение? И о чем его предупреждал образ Колумба? Что надо быть осторожнее? Или, напротив, не стоит переживать насчет инквизиции? Марио терялся в догадках весь следующий день, пока снова не встретился с Колумбом.

– Как думаешь, мой друг, рискованно ли отправить груз табако нашему общему знакомцу, Альбрехту Дюреру, прямиком в Германию? – спросил Марио, когда они ужинали за бокалом вина в одном из трактиров. – Как я понял, в этот раз ты привез не слишком много?

– Не слишком. Но Дюрер... Его лишать табако кажется жестоким. Вот только...

– Вот только что? – не понял Варгас.

– Вот только золото не выглядит достойной платой. Опять же, золото мы можем раздобыть и здесь, да и везти его из самого Нюрнберга сложно и хлопотно... А вот урвать немного дара гения – это мне кажется заметно интересней!

– Я не пойму, куда ты клонишь, – сказал Марио, – хотя как будто выпил не слишком много.

– Что, если нам в оплату табако попросить у Дюрера его гравюры? – наклонившись к столу и понизив голос, сказал Христофор. – Они могут пригодиться переселенцам в новый свет. Поверь, большинство тех, кто отправляется на острова, заплатит уйму денег за что-то европейское, за часть нашей культуры, которую сможет забрать в Эспаньол вместе с собой.

– То есть мы не просто продадим высушенный табако, но еще и приумножим капитал? – задумчиво пробормотал Марио. – Что ж, давай напишем так и посмотрим, что ответит Альбрехт.

Следующим же утром Варгас сел за ответное письмо, в котором доходчиво изложил Дюеру их с Колумбом мысли по поводу варианта обмена. По настоянию Христофора банкир приравнял цену набитого табаком кистеня к одной гравюре Дюрера.

Запечатывая письмо сургучом, Марио невольно ломал голову – продешевил ли он или, напротив, оскорбил ранимую натуру Альбрехта недостойным предложением?

Ответить на этот вопрос могло лишь время.

Глава 13

Ужин на троих

2024 г.

– Милый, поставь чайник, – пропел ее голос из коридора.

Луис вздрогнул. От моментального флэшбэка перед глазами полыхнуло красным. Мадрид, смятые консервные банки вагонов, и где-то там, среди этого месива, похоронено его прошлое – перепачканная кровью беззаботность и способность улыбаться, навсегда, как казалось, умершая.

– Милый? – Джи заглянула в кухню, и наваждение отступило.

– Да-да, сейчас поставлю, – сказал Луис, неуверенно улыбнувшись китаянке.

Щелчок кнопки – и конфорка под чайником зажглась. Крохотные бирюзово-желтые язычки пламени заплясали под стальным дном.

Сегодня он делает новый шаг. Еще недавно он впускал Джи в свой мир, а теперь выходит с ней в мир внешний.

Луис и Уго уже посещали ресторан «Сосьедад», когда отставной майор только-только прибыл в Никарагуа. Тогда они с офицером обсуждали потенциал сделки по экспорту сигар в Испанию. Сегодня, как понял Санчес, Уго подготовил для него нечто более конкретное – возможно, первое официальное предложение.

Впрочем, кого это волнует, подумал продавец дыма, перемещаясь из кухни в спальню.

Для первого совместного выхода в никарагуанский гламур

Луис купил Джи шикарное вечернее платье, и ему не терпелось посмотреть на нее в нем. А еще больше продавцу дыма хотелось посмотреть на спутницу, в этом шикарном платье входящую в ресторан «Сосьедад», на глаза распределителя Габриэлы, на лица местных официантов и гостей, сидящих в зале. Гости наверняка заметят их, оторвутся от своих омаров и стейков (или чего там будет у них заказано?..) и с интересом посмотрят, кого это на сей раз привел с собой вечный холостяк Луис?

И Санчес очень хотел, чтобы все вокруг поняли: Джи – не его очередное сиюминутное увлечение. Она не растворится, словно сотканная из дыма, в предрассветной неге.

Пусть знают, что завтра утром Луис откроет глаза и увидит изгиб спины спящей Джи, и его губ коснется робкая улыбка.

Смотри, мироздание, я не один!..

Это была своеобразная терапия, и Санчес не знал, чего тут больше – истинного чувства или желания его испытывать. Ему казалось, что он любит Джи, но так ли это было на самом деле.

Кажется, я просто схожу с ума, подумал Луис, стоя у зеркала и повязывая галстук.

– Ты чего тут притих? – спросила Джи. – Что скажешь?

Санчес повернулся к ней и невольно замер от увиденного. Его спутница была прекрасна – черное платье с тонкими бретельками превратило буфетчицу из китайской столо-

вой в настоящую леди. Луис мысленно поблагодарил хозяйку фэшн-бутика в Гранаде за рекомендацию именно этого платья. Другим «дарам» Санчеса тоже нашлось применение: уши китаянки украшали миниатюрные табачные листья – золотые, тончайшей работы – а на шее на невесомой цепочке висел кулон, сделанный на заказ лучшим ювелиром Манагуа.

Джи стояла босая – будто намекая, что неплохо было бы уже достать из коробки черные туфли, купленные Санчесом специально для первого их совместного выхода в свет.

– Ты прекрасна, Джи, – произнес Санчес. – Тебе очень идет это платье.

– Мне тоже так кажется, – улыбнувшись, сказала китаянка.

– Скажи, а мне идет этот галстук? – Луис рефлекторно затянул узел немного потуже. – Я... я не потеряюсь на твоём фоне?

Китаянка смерила его игривым взглядом, ухмыльнулась чему-то и кивнула.

– Я бы сказала, что ты выглядишь отлично. И что я тебя точно не потеряю.

– Это звучит обнадеживающе... но только что это был за смешок?

– Что? Какой смешок?

– Не изображай невинность! – с театральной суровостью, с трудом сдерживая улыбку, потребовал Луис. – Я спросил тебя про галстук, ты усмехнулась. Почему?

Джи приблизилась к нему вплотную и негромко сказала:

– Просто представила, как сорву с тебя его, потом рубашку... и все остальное... а потом поймала себя на этой мысли, и мне стало смешно.

Луис улыбнулся и, поцеловав ее в губы, повернулся к комоду, на котором завибрировал безмятежно спавший мобильник.

– Что там? – спросила Джи.

– А? Да так, надо meta-dot-ы заново прислать, – скользя пальцем по экрану смартфона, тихо ответил Луис. – Габриэла пишет, что у них база легла и все слетело, надо заново проверить, привиты ли мы от всех штаммов ковида.

– Говорят, скоро начнется новая волна, – заметила китаянка. – Страшно...

– Сколько волн уже было и сколько еще будет, – фыркнув, пробормотал Санчес. – А скольких не будет, но нам о них расскажут... Ладно. Сегодня обойдемся без конспирологии.

– Ура, – шутливо порадовалась Джи. – А я уж было решила, что твой компаньон решил отменить ужин!

– Ну, начнем с того, что Уго Наварро мне не компаньон...

– Но ты говорил, у вас с ним планируется какая-то... сделка?

– Планируется. Но мы же еще ничего не согласовали и не подписали. Поэтому пока мы просто старые ... друзья.

Называть Уго другом отчего-то оказалось непросто. Слово будто застряло в горле, и Санчес лишь после паузы заста-

вил себя его озвучить для Джи.

Впрочем, она если и заметила что-то странное, то виду не подала.

– Я слышала, в «Соседаде» по токен-ид заранее составляют твой гастрономический портрет, это так?

– Да, это уже довольно давно, – подтвердил Луис, неотрывно глядя на экран телефона. – Столик в центре зала, ты не против?

– Нет, почему я должна быть против? – поправив бретельку платья, ответила Джи.

– Ну, может, ты любишь ужинать за столиком у окна?

– Я люблю ужинать дома. – Китайка посмотрела на него снизу вверх. – Но сегодня же у нас цель не просто приятно провести время, правда?

– Не только, – признал Луис. – Но... черт, неужели тебе правда несколько не интересно поужинать в «Соседаде»?

– Интересно. Было бы совсем неинтересно, не спрашивала бы про гастрономический паспорт. Или предложила бы дома тебя дожидаться.

Джи подошла, обняла его за шею, преданно посмотрела в глаза.

– Я с тобой, куда ты, туда я, – сказала она. – Но если ты бы сказал, что хочешь поговорить с глазу на глаз, я бы поняла. Ты же у нас... бизнесмен.

Она одернула ворот его пиджака и отступила к зеркалу, чтобы оправить платье. Оно ей явно понравилось, и это гре-

ло Санчесу душу.

– Я, разумеется, уточнил у Наварро, не против ли он, что я буду с тобой, – честно сказал Луис.

– И что он ответил? – любопытствовала Джи.

Санчес лукаво улыбнулся.

– Догадайся – если мы все-таки идем вместе.

Стук в дверь прервал их милый словесный пинг-понг.

– А вот и виновник торжества, – сказал Луис и отправился к двери.

Майор Уго постепенно привыкал к беззаботной жизни в Никарагуа – Луис уже не чувствовал в его образе былой напряженности, с которой он переступал через порог, впервые появившись в отеле. По крайней мере, Санчес уже не пытался дорисовать поверх гавайской рубахи Наварро полицейский мундир.

Взгляд Луиса зацепился за коричневый кожаный портфель, который майор держал в левой руке. Что там? Документы по сделке?

Хоть Санчес не грезил о работе с испанцами, ему было искренне интересно, что они могут предложить.

Однако Наварро явно не горел желанием сразу переходить к делу.

– Продавец дыма! – Белозубо улыбаясь, Уго крепко пожал Луису руку. – Рад видеть. А это, вероятно, и есть твоя чудесная...

– Моя чудесная Джи. Да, это она.

Китайяна подошла, и Наварро учтиво поцеловал ей руку.

– Мое почтение, сеньерита. Признаться, вы еще красивей, чем Луис вас описывал!

В подобных жестах было нечто пошлое, отдающее доко-видной стариной, но Санчес решил не заострять на этом внимания. В конце концов, он и считал Уго динозавром из прошлого, который плохо понимал, как стать аутентичным времени нынешнему.

Впрочем, Джи грубоватую галантность майора оценила – зарделась, украдкой похихикала, сдержанно произнесла:

– Вы мне льстите, сеньор Наварро, но спасибо. Всегда приятно, когда столь видный мужчина подмечает твою красоту!

Уго криво улыбнулся китайянке, потом с явной неохотой перевел взгляд на Луиса, спросил:

– Ты уже вызвал такси?

– Еще днем, майор. Расслабься, мы не на службе.

– Не бывает бывших службистов, ты же знаешь. – Наварро украдкой улыбнулся Джи. – А такси, как обычно, для курящих?..

...Они снова курили, любясь полями через тонированное окно автомобиля. Уго с интересом наблюдал за тем, как Джи управляется с сигарой.

– Узнаю твою школу, – хохотнул Наварро, искоса посмотрев на Санчеса. – Уже успел прочесть ей пару лекций?

– А то, – с улыбкой ответил Луис. – Ты, я смотрю, тоже в

профессора заделался?

– Ты про портфель? Ну да, можно и так сказать. Там лежит кое-что любопытное, тут ты не ошибся, это точно. Но всему свое время. Давайте пока наслаждаться сигарами, да?

Уго хлопнул Санчеса по плечу и подмигнул Джи, после чего крепко затянулся сигарой.

– А Луис говорил, что сильно затягиваться не стоит, иначе можно в реанимацию угодить, – заметила китаянка.

– К счастью, не Луису решать, как сильно я могу затягиваться, – ответил на это Наварро и рассмеялся, явно довольный собственной шуткой.

– И все же ты бы поберег себя, – заметил Санчес.

– Разберусь, мой друг, не волнуйся, – буркнул Уго и тут же крепко затянулся вновь.

По прибытию в ресторан их усадили за центральный столик, и майор тут же остроумно прокомментировал это:

– Я смотрю, с вашим появлением, Джи, Луис наконец выбрался из тени?

– Что вы имеете в виду? – удивилась китаянка.

– Прежде он брал столик у окна или в углу. – Уго посмотрел на Санчеса. – Но теперь он не прочь оказаться в центре внимания. Да, мой друг?

– Давайте уже закажем что-нибудь, – выдавив улыбку, предложил Луис. – Я жутко голоден.

– О, надеюсь, я смогу удовлетворить твой непомерный аппетит!

Майор похлопал по кожаному портфелю и первым опустился на стул. Луис галантно отодвинул стул для Джи, и та, тихо поблагодарив кавалера, опустилась на мягкую обивку. Усевшись рядом, продавец дыма погрузился в изучение меню. Странно, но строчки в нем плясали перед глазами. Луис снова нервничал. Но почему? Что именно его смущало?

Уго. Наверное, дело было в нем. Майор вел себя слишком уж раскованно. Луис почему-то думал, что присутствие Джи немного повлияет на Наварро, но это оказалось не так. Желая хоть немного снизить градус ожидания, Санчес после заказа основных блюд предложил:

– Может, пока мы ждем, наконец поделишься новостями?

– Нетерпеливый Луис. – Уго ослабил и, положив портфель на колени, щелкнул его блестящей застежкой. – Все куда-то спешишь...

Он достал стопочку исписанных машинным текстом листов и через Джи передал Санчесу.

– Взгляни. Надеюсь, тебе это будет интересно.

Луис положил документы на стол и углубился в чтение. Чем больше он, однако, читал, тем сложнее было скрыть удивление. В конце концов Уго без обиняков спросил:

– Что это у тебя с лицом, продавец дыма? Может, есть какие-то вопросы, которые ты хотел бы мне задать?

– Д... да, вопросы точно есть, – признался Санчес. – И главный из них, наверное... ты что, предлагаешь мне передать управление моим бизнесом твоим испанским толстосу-

мам?

Джи удивленно воззрилась на майора, ожидая, видимо, что он поправит Луиса, но тот лишь усмехнулся и сказал:

– Я предлагаю тебе заняться собой и не переживать о судьбе твоего дела. Нежиться на пляже, греть пузо под лучами никарагуанского солнца. Курить свои любимые сигары, которые у тебя никто никогда не отберет.

– Нет, идея праздного ничегонеделания мне нравится, но...

– Но – что? – нетерпеливо спросил Уго. – Пойми, мой друг, я выжал из них все, что мог. Глянь на расценки. Глянь на объемы. Лучшего предложения мы не получим.

– Но табак – это вся моя жизнь, – неуверенно выговорил Санчес.

И тут же смолк и скопил глаза на Джи – как отреагирует? Но она если и обиделась на его слова, то не подала виду.

– Табак и останется твоей жизнью, Луис, – терпеливо объяснил майор. – Никто его не заберет, повторяю... Но, в конце концов, сигары это лишь сигары. Это не конец света.

– Лишь сигары? – переспросил Санчес, не поверив своим ушам. – *Лишь сигары?* Да ты хоть представляешь, *насколько* сложно производство сигар?

– Луис, пожалуйста...

– Сигары по сей день остаются единственным представителем премиальных творений с таким содержанием ручного труда, – перебил майора Луис. – Требуется около 2000 дней

и 200 пар рук, прежде чем сигара завершит свою Одиссею, пройдя путь от семечка до заботливых рук афисионадо.

– Это что... больше пяти лет? – ошарашено переспросила Джи.

– Да! Ну ты сама подумай. – Луис повернулся к очаровательной спутнице. – Сигарная семечка крошечная, меньше, чем маковое зерно. Для облегчения работы с сигарными семечками их приходится гранулировать, покрывая слоем глины, которая растворяется при поливе. Табаководы специально оставляют только сильные растения табака давай сформироваться семенам из цветов на верхушке растения, у остальных растений плантации бутоны табачных цветков удаляют, чтобы все силы растения шли на рост табачных листьев.

– Зато благодаря микроскопическому размеру семян их легко провозить контрабандой, – ухмыльнулся Уго.

– Именно так кубинские семена совершили свою эмиграцию с Острова Свободы в Никарагуа и Доминиканскую Республику, – согласился Луис. – Чтобы обезопасить свой бизнес, табаководы держат семена в сейфах и для продажи на сторону выращивают стерильные растения. Это гарантирует, что конкуренты не смогут украсть результат их многолетней селекции.

Официант принес вино и бокалы. Уго взялся наполнить бокалы себе и спутникам.

– С ума сойти, неужели все настолько сложно? – глядя на то, как вино льется из темного стеклянного горлышка, спро-

сила Джи.

– И даже еще сложнее, чем может показаться. Важен не только тип семян, важна почва и микроклимат, именно они формируют настоящий аромат табака. Это называется терруаром, то есть факторами окружающей среды, влияющими на характеристики урожая. В зависимости от содержания минералов в почве выбирается сорт семян, которые лучше всего высаживать на конкретном терруаре. Азот, например, определяет крепость сигары: чем выше его содержание, тем выше содержание никотина в листьях. Соотношение кальция и магния в почве определяет кислотность табака. Низкая кислотность приводит к более продолжительному послевкусию табака при курении. В Никарагуанских табачных районах Эстели, Халапа, Гранادا можно встретить около четырнадцати различных микроклиматов. Удивительно, но одни и те же семена, выращенные в разных микроклиматах, могут давать совершенно разные вкусы.

– Мне кажется, ты несколько... преувеличиваешь, – заметил Уго, правда, без особой уверенности.

– Нисколько. С понимания вида семян будущего растения в определенном терруаре начинается процесс выращивания табака. Потом семена высаживают на специальных грядках для создания рассады. Их аккуратно рассыпают по поверхности обильно пролитой водой почвы, не присыпая их сверху землей, так как для прорастания им нужен свет. Спустя пару недель, когда у ростка сформировались первые листья,

грядки прореживают, чтобы дать возможность самым сильным растениям продолжить рост.

Луису показалось, что сидящая за соседним столиком компания стала коситься в их сторону, но продавца дыма уже было не остановить.

– При формировании четырех листьев на четвертой неделе происходит процесс подрезки листьев, – продолжал Санчес. – Это нужно, чтобы сформировалась сильная корневая система. Лишь спустя два месяца рассада готова для высадки на табачные поля. Притом пересадка – это крайне травматичный для табака процесс, во время которого может погибнуть большое количество саженцев.

– Рисково, – сказал Уго.

– Еще как! Поэтому пересадкой занимаются лучшие и самые опытные работники. Следующие два месяца происходит взросление и созревание табачных листьев. Время не является константным и зависит от погодных условий, терруара и сорта табака. В течении этого времени грядки рыхлят, добавляют удобрения, следят за уровнем влажности почвы и анализируют созревание табака и определяют начала сбора урожая. На втором месяце жизни растение растет полным ходом. Жаркие летние ночи могут быть адом для спящих, но они рай для табака.

– Значит ли это, что табак – изобретение дьявола? – спросил Уго и, покосившись на Джи, довольно хохотнул.

Она неуверенно улыбнулась, а Луис и вовсе проигнори-

ровал шутку майора и продолжил рассказ:

– Примерно через четыре месяца приходит время пожинать первые плоды – собирать табачные листья. Сборщики вручную ощипывают их, из-за чего сбор урожая растягивается на несколько дней. После этого зеленые листья вручную собирают в связки по 15-20 штук и развешивают на многоярусных ряях в сушильных сараях, где они сушатся более месяца...

– И меняют цвет из зеленого в насыщенный коричневый, – вставил майор. – После чего можно курить. Верно, мой друг?

– Неверно, – покачал головой Луис. – Высушенный табак выглядит привлекательно, но он полон аммиака и других примесей, от которых даже у самых заядлых курильщиков кружится голова, режет глаза и аммиачное послевкусие во рту будет напоминать кошачьи экскременты, если они будут курить такой лист.

Улыбка на лице Уго застыла. Он явно не ожидал, что Санчес так его осадит.

– И что же нужно, чтобы убрать эти примеси? – едко осведомился майор.

– Ферментация. Именно здесь начинается развилка фейковых «сигар» на Кубе с их фабричными собратьями.

– В смысле? – нахмурилась Джи.

– Дело в том, что на Кубе крестьяне обязаны сдавать табак государству, где на специальных фабриках его ферментируют. Но табаководы удерживают часть урожая производя си-

гары для продажи. Они дешевые, но для курильщиков опасные. Поэтому грубо можно сказать, что ферментация – это такое... волшебство превращения «сельского табака» в настоящий сигарный. Хотя, конечно, по факту это, скорей, сочетание искусства и науки.

– И как проходит ферментация? – осведомился Уго.

– Рабочие берут связки табачных листьев и кладут их на платформу, сооружая стога высотой по пояс, известные как пилоны, которые могут вмещать тысячи листьев. В листьях после сушки, благодаря климату, еще много влаги, поэтому под давлением тяжеленного – до 5000 фунтов – пилонна создается тепло, которое изменяет химические свойства листа, формируя вкусовую палитру и выпаривая аммиак.

– Там, наверное, очень жарко, – пробормотала Джи.

– Не столько жарко, сколько зловонно. Если войти в помещение, где ферментируется табак, может стать дурно, а в глазах появится жжение.

– Из-за аммиака, – вставил Уго.

Луис кивнул и сказал:

– Ферментация тоже бывает разная по длительности. Все зависит от типа обрабатываемого листа. Тонкие, мягкие листья проходят через этот процесс в течение 40-50 дней. Толстые и грубые требуют более длительной ферментации.

– А табак не может... загореться сам? – спросила Джи.

– Может. Поэтому за температурой постоянно и бдительно следят. Увы, регулировать ее можно лишь ручным пере-

кладыванием пилонов, когда внутренние связки перемещают наружу... и наоборот. Вообще секретов ферментации великое множество, и каждый из них тоже влияет на вкус конечного продукта...

К столу подошел официант и поставил перед гостями тарелки с закусками.

– Черт возьми, а я думал, здесь кормят только историями! – хохотнул Уго и набросился на угощение.

Джи вопросительно посмотрела на Луиса, но он лишь пожал плечами. Старый вояка и манеры – не то, чтобы вещи несовместимые, но все же достаточно далекие друг от друга.

Мимоходом Санчес отметил, что компания за соседним столиком уже откровенно глазееет в их сторону. Кажется, им не терпелось узнать продолжение истории табачной семечки.

– А после ферментации что происходит? – прикончив с полдюжины канапе, напомнил о себе майор. – Можно уже курить?

– Еще нет. Может статься, одного этапа ферментации вообще окажется недостаточно, и тогда для достижения идеального качества этот процесс повторяют, дав табаку «отдохнуть» несколько месяцев. Например, премиальные табачки практически всегда используют два цикла.

– А бывают те, что проходят через три или четыре?

– Да, но, хоть табак после такой выдержки получается безупречным, немногие осмеливаются применять такой подход – это все слишком долго и дорого. После ферментации необ-

ходим еще как минимум один этап взросления табака – выдержка или старение. Этот процесс происходит при гораздо более низком уровне влажности и в упаковках меньшего размера, что сводит к минимуму тепло, создаваемое сочетанием влаги и давления.

Уго коснулся локтя Джи и, мотнув головой в сторону Луиса, сказал:

– Давно говорю ему – становись преподавателем и вещай для благодарной публике! У него же талант!

Луис с трудом сдержал улыбку и продолжил:

– После ферментации – или между её циклами – табак упаковывают в тюки из картона, дерева или пальмового листа весом около 200 фунтов каждый. Тюки маркируются с указанием вида табака, года урожая и наименованием терруара. Табак в этот момент довольно сухой, что останавливает процесс ферментации. Внутри тюка табак будет стареть, медленно созревая, чтобы еще больше округлить ароматы.

С этого момента время работает на вкус и стоимость.

– И какой же минимальный срок выдержки? – прищурился Уго.

– Три года, однако производители великих сигар предпочитают выдержку не менее пяти лет. Лично мне доводилось делать сигарные бленды с табаками 10, 12 и 14 лет выдержки. И поверьте, такой табак заслуживает того, чтобы курить его соло, не смешивая с другими собратьями. Но, к сожалению, в силу конструктивных особенностей сигарной витолы

это невозможно.

– То есть у тебя дважды великие сигары. Ладно, мы выдержали их 10... черт с ним – 14 лет. Все, табак готов?

– Табак готов... но это еще не сигара. – Луис виновато улыбнулся. – Процесс создания сигары сложнее и требует большего труда, чем процесс создания сигарного табака.

– Куда еще сложнее? – удивилась Джи.

– Сейчас все узнаешь, – с кривой ухмылкой заверил майор. – Он же теперь уже не успокоится! Но прежде давайте выпьем. У нашего лектора, думаю, тоже в горле пересохло!

Луис смерил Уго обеспокоенным взглядом. Кажется, хмель и неосмотрительные затяжки сигарного дыма сыграли с майором злую шутку. Он все еще продолжал изображать непринужденную веселость, но по слегка заторможенной мимике, бледности и испарине, проступившей на высоком лбу, Санчес понял, что Уго накрывает никотиновый шторм.

Лучший антидот для таких состояний – стакан сладкой газировки или кусочек тростникового сахара.

Майор поднял бокал:

– Что же, за встречу?

Все выпили вина. Сладко причмокнув, Уго лихо затянулся сигарой и выпустил в потолок плотную струю дыма, после чего откинулся на спинку стула и расплылся в улыбке. Видя это, Луис подозвал официанта.

– Будьте добры, бутылочку «колы» и... Уго, старина, ре-

комендую. Мне кажется, тебе не повредит.

– Я в порядке, – упрямо проскрипел Уго. – Лучше продолжай про табак.

Луис вздохнул украдкой и, отпустив официанта, сказал:

– Все начинается с блендинга – то есть создания букета из разных табачных листьев для рождения уникального вкусового профиля. Этим занимается бленд-мастер. Конструкция витолы, как правило содержит от четырех до восьми разных по свойствам и вкусу табачных листов. Центральный лист – лихеро – горит медленно и отвечает за крепость, затем идут листы секо и воладо, отвечающие за вкусовую палитру. Эта начинка обматывается одним или двумя связующими листьями, а в финале, словно дорогим камзолом, украшается покровным листом.

– Пока звучит не супер-сложно, – заметил майор.

– Да, но этот этап является самым творческим и магическим. Сигарный бленд в моем понимании – это... симфонический оркестр. Но собрать виртуозных музыкантов вместе не означает, что они смогут доставить слушателю удовольствие. Нужна партитура, распределяющая участие музыкантов в произведении. Нужен дирижер, определяющий канву звучания. С блендом ситуация похожая. Необходимо учитывать пропорции (доли) каждого листа, их совместимость по вкусовой палитре, интенсивность горения.

Судя по обрывкам фраз, которые доносились до ушей Санчеса от соседнего столика, там уже вовсю обсуждали его

«лекцию».

– При этом в отличии от виртуозов музыкантов, – продолжал Луис, – где их умение извлекать звуки по нотам задано в процессе набора оркестра, сигарный табак является сельскохозяйственным продуктом и зависит от капризов природы. В результате различных погодных условий два растения одного и того же типа семян, посаженные на одном и том же участке земли и обработанные одинаково, могут заметно различаться по вкусу из года в год. Более сильный дождь может сделать табак тоньше, в то время как более сильный ветер может подвергнуть растение стрессу и сделать его сильнее. Ферментация и выдержка табака также вносит постоянные изменения в способность листьев формировать нужный баланс вкусовой палитры. Все это должен учитывать бленд-мастер, составляя бленд.

– А это подбирается для каждой партии сигар, или как? – озадачилась Джи.

– Есть разовый релиз лимитированной серии. Но обычно речь идет о табачном букете, который планируется производить несколько лет. Поэтому продавец дыма должен быть уверен, что у вас есть достаточное количество нужного табака на это время.

– Что дальше, продавец дыма? – нетерпеливо, но вяло спросил Уго.

– Прежде чем я продолжу, прошу тебя – выпей газировки, – с долей раздражения в голосе сказал Луис. – Поверь,

иначе никотиновый шторм не остановить, а я не хочу потерять... внимательного слушателя и собеседника.

Уго нахмурился. Слова Луиса его явно задели, но ответить что-то майор не успел – его опередила Джи:

– А что такое никотиновый шторм?

– Это то, что делает афисионадо похожим на ковидного больного, – продолжая сверлить Уго взглядом, сухо ответил Санчес. – Симптомы те же.

– Я в порядке, – упрямо повторил майор. – Но если тебе станет легче, я выпью проклятой газировки.

Он дрожащей рукой взял бутылку и, налив себе прямо в бокал из-под вина на три пальца «колы», залпом ее выпил.

– Спасибо, старина, – с долей облегчения сказал Луис. – Теперь мне спокойней. На чем там я остановился?

– На подборе бленда, – подсказала Джи.

– Ах да. Так вот, после того, как смесь выбрана, начинается работа маркетологов по созданию имени и легенды для сигары, определение форматов витол, разработка и изготовление сигарного банта и коробки так как без этого сигару будет невозможно продать дорого. Это еще творчество, но уже производство. Когда у сигары появился образ, начинается процесс скрутки сигар. Крутильщик сигар, он же – роллер, наматывает лист связующего вокруг группы листов начинки, затем помещает эмбрион витолы в специальную форму, «мольдес», где он находится под прессом в течение нескольких часов. Затем роллер периодически снимает

витолы с пресса и переворачивает их, чтобы избежать шва вдоль сторон формы. После того, как витола затвердеет, а её форма закрепится, витола вновь отправляется на стол роллеру, где он наматывает покровный лист вокруг сигары.

– И сколько сигар в смену производит роллер? – спросил Уго.

– Около 150-200 сигар стандартного формата. Соответственно, если формат уникальный, то это количество может быть существенно меньшим.

– Ну теперь-то все, можно курить? – нетерпеливо спросил один из гостей за соседним столиком.

Его спутники поддержали его улыбками и смехом. Луис ответил тем же и добавил:

– Почти. И тут важно помнить, что за пределами вашего наблюдения остались такие важные этапы скрутки сигары, как подготовка табачного сырья для роллеров, контроль качества скрутки по конструкции, тяге и весу, селекция по цвету покровного листа, на которых занято большое количество работников фабрики и без которых получить безупречную сигару невозможно. Да и свежескрученная сигара еще не является сигарой в той вкусовой кондиции, которая была заложена в её рецептуру бленд-мастером.

– А почему еще нельзя курить? – спросил Уго.

– Потому что для скручивания табака в сигару его необходимо сильно увлажнить, чтобы придать листьям эластичность и избежать ломки и растрескивания. Когда сигара уже

скручена и спрессована, из-за избыточной влаги и давления запускается процесс ферментации. Свежескрученная сигара терпка и горька, потому после скрутки сигара должна отлежаться и этот процесс занимает от 30 дней до нескольких лет.

– С ума сойти, – послышалось из-за соседнего столика.

– Ты озвучил мои мысли, сынок! – хохотнул Уго.

Принесли горячее. Официант растерянно посмотрел на нетронутые тарелки с закуской перед Джи и Луисом. На фоне блюда, которое «обчистил» майор, они выглядели особенно необычно.

– Ставьте рядом! – видя замешательство официанта, гаркнул майор. – Луис, тебе нужно поесть, если ты хочешь дожить до конца своей лекции! Тем более даже самая интересная история не стоит того, чтобы отказываться от вкусной еды! Впрочем, как знаешь, это лишь дружеский совет...

Вооружившись ножом и вилкой, Уго набросился на увесистый стейк. Луис ограничился одним-единственным канапе, который съел, скорей, из вежливости, чем из аппетита.

– Так что дальше? – нетерпеливо спросили из-за соседнего столика.

Санчес поднял вверх указательный палец – мол, минуту! – и, запив канапе вином, продолжил:

– Когда сигара будет полностью готова, начинается процесс упаковки. Каждая сигара облачается в бант, а сигарная семья из 5-25 сигар и более поселяется в коробки. Процесс создания сигарных бантов и коробок тоже весьма сложен и

требует времени. Помимо работы дизайнеров, создающих уникальный визуальный образ, способный выделить сигару из сотен собратьев, изготовление сигарной одежды по силам не многим фабрикам в мире.

– Ладно. Допустим, прошли годы, – сказал Уго. – Сигары готовы и упакованы. Что еще нужно сделать, чтобы они попали в руки афесионадо?!

– Теперь их нужно доставить в страну, где они будут продаваться, а для этого – оформить все необходимые документы, определенные санитарными и финансовыми регуляторами. Но даже если сигара в итоге все-таки попала на полку магазина, нет никаких гарантий, что ее купят. И тут проблема заключается в рекламе, которая практически во всем мире ограничена законодателями...

– С ума сойти! – повторили за соседним столиком.

– Но если у производителя хватило терпения, знания, навыков, смекалки и средств, сигара завершит свое многолетнее путешествие, превращаясь в ароматный дым в объятьях афисионадо. Надеюсь, после этого рассказа вам стало понятней, что сигара – это намного больше, чем большинство людей подозревает, так что сделайте паузу на мгновение, прежде чем превратить сигару в пепел. Потому что от семечка до ваших рук сигара проделала многолетний путь, впитав труд сотен людей. Не торопитесь. Наслаждайтесь ее дымом.

Луис замолчал. Некоторое время царила гробовая тишина, а потом соседний столик разразился овацией. Уго, поко-

лебавшись мгновение, к ним присоединился.

– Я сопровождаю табак от семечки и до облачка табачного дыма, которое растворяется в воздухе, слетев с губ афисионадо... – сказал Санчес, глядя на майора. – Сопровождаю долгие годы. А ты хочешь, чтобы я занял место в конце этой... пищевой цепочки. Просто потреблял дым. Как думаешь, легко ли мне принять решение?

– Луис, я вовсе не... Точней, я отлично понимаю, насколько важен для тебя табак! И раньше понимал, а теперь – еще лучше. И потому вот, смотри, я... – Уго вытащил из портфеля дорогой хьюмидор, положил его перед Санчесом. – Открой, прошу. Загляни внутрь.

– Прямо сейчас?

– Да. Почему нет? Я настаиваю!

Луис нахмурился, но все же принял хьюмидор, открыл его... и уставился на пожелтевшую от времени тетрадь.

– Что это? – спросил Санчес, покосившись на довольного майора.

– Дневник Марио Варгаса, севильского банкира. И, что еще важней, первого в Европе официального торговца дымом. Я думал, тебе будет интересно на них взглянуть.

Теперь Луис посмотрел на пожелтевшую тетрадь уже совсем иначе. Имя Марио Варгас он определенно слышал прежде, возможно, даже от кого-то из местных. Но в каком контексте его упоминали?..

Туман, только туман вместо воспоминаний...

– Я хочу, чтобы ты знал, мой друг, – продолжил Уго. – Я не хочу торопить тебя с выбором. Испанцы нетерпеливы, но даже они готовы потерпеть пару-тройку недель. Они понимают, как это для тебя неожиданно.

– Спасибо за подарки, я подумаю. Честно, подумаю, – сказал Луис и, закрыв хьюмидор, отодвинул его в сторону.

Весь оставшийся вечер был словно окутан сизой табачной дымкой – Санчес вроде присутствовал в зале ресторана и в то же время находился чертовски далеко от «Сосьедада», от Джи и Уго, который после лечебной дозы «колы» окончательно пришел в себя – помимо неизменного солдафонского задора, его жесты вновь обрели уверенность, а лицо покраснелось.

Луис худо-бедно поддерживал беседу, даже временами шутил и смеялся шуткам майора. Потом они вместе курили сигары в такси на обратной дороге... но никаких подробностей, никаких конкретных реплик Санчес не помнил.

Лишь когда они с Джи, попрощавшись с майором, вошли в дом Луиса, он сразу спросил у своей очаровательной спутницы:

– Что скажешь? Тоже думаешь, что мне пора отойти от дел?

– Мне кажется, предложение хорошее, – медленно произнесла китаянка. – И безмятежно отдыхать, с сигарой, глядя на океан – это ли не мечта? Но...

– Но – что? – не дав ей договорить, раздраженно спросил

Санчес.

– Но решать должен ты сам. – Джи говорила с ним мягко, как с разозлившимся ребенком. – Это ведь правда дело всей твоей жизни. И никто, кроме тебя, не примет это решение.

Луис смерил ее взглядом, потом отвернулся, спросил:

– Я поставлю чайник?

– Нет, я... Я сегодня домой поеду, – неуверенно выдавила китаянка.

– Джи, я...

– Все в порядке, Луис. Просто вызови мне такси, пожалуйста.

Он, помедлив, кивнул и полез за телефоном.

Наверное, это мудро и правильно с ее стороны – уехать, чтобы не попасть под горячую руку.

Но, черт возьми, как же не хочется оставаться наедине со своими мыслями и засыпать в холодной пустой постели!..

Глава 14

Семя раздора

1501 г.

Письмо ушло к Дюреру уже довольно давно, но ответа все не было, и Марио невольно начал переживать. Он считал Альбрехта весьма талантливым, если не гениальным, художником, и потому само предложение обменивать гравюры на

табако могло, на взгляд банкира, показаться Дюреру унижительным.

Об этих своих опасениях Варгас не преминул рассказать во время ужина с Колумбом, которые, как с грустью заметил банкир, в последнее время случались все реже.

– Я думаю, промедление с ответом связано именно с этим, – сказал Марио, глядя на старого друга.

Христофор не ответил. Мерно похлопывая правой ладонью по левой руке, лежащей на столе, он отстраненно смотрел в стену напротив – словно в мыслях заново переживал путешествие через Атлантику и все невзгоды, сопутствующие этим путешествиям. Когда Варгас уже отчаялся дождаться ответа, Колумб очнулся, резко потянулся к бокалу и, отпив вина, хрипло сказал:

– Может, с этим. Может, с чем-то другим. Мы этого не знаем. Ты же сам говорил, что Альбрехта бросает из крайности в крайность – то он считает себя гением, то распоследней бездарностью... А вообще, если помнишь, всеми делами управляет его жена, куда более самоуверенная и предприимчивая.

– Все так. И, уверен, что Агнесс тоже приложила к этому руку. Может быть... может быть, она оскорбилась даже больше самого Альбрехта.

– И черт бы с ней, – равнодушно бросил Колумб.

Марио окинул друга растерянным взглядом. С той самой поры, как Христофор вернулся из третьей экспедиции,

он все время пребывал в очень странном состоянии, которое Варгас мог бы характеризовать, как «хмельное». Колумб смотрел рассеянно, не особенно о чем-либо переживал и вообще вел себя так, будто в жизни его ничего особенно не интересовало. Кроме того, он стал куда чаще налегать на вино, что тоже добавляло определенных ассоциаций.

Похоже, последняя экспедиция со всеми ее невзгодами – от необходимости ехать в новый свет вместе с кучкой осужденных уголовников до возвращения в кандалах в страну, где тебя считают героем – все-таки что-то надломил в Колумбе. Раньше он казался Марио романтиком, грезящем о неизведанных берегах, о богатстве не как самоцели, а как к элементу общего тщеславия и признания заслуг.

Но теперь перед Варгасом сидел человек, как будто лишившийся всех былых амбиций, и эта метаморфоза смущала банкира.

– Но что мы будем делать, если Дюрер откажется от нашего предложения? – спросил Марио.

– Ничего. – Колумб отхлебнул из бокала и повторил:

– Ничего.

Он заглянул в кувшин и поманил рукой кучерявого щуплого слугу.

– Я тебя не понимаю, мой друг, – признался Марио.

Колумб вручил кувшин подошедшему мальчику:

– Еще вина.

Слуга энергично кивнул и убежал, а Христофор наконец

с неохотой посмотрел на Варгаса.

– Чего ты говоришь?

– Я говорю, что не понимаю тебя, – терпеливо повторил Марио. – Тебе не нужны эти гравюры?

– Да, признаться, не особо, – пожал плечами Колумб. – А должны?

– Но зачем тогда мы предложили обмен?

– Послушай, Марио. – Христофор подался вперед и, кажется, впервые с начала разговора проявил хоть какие-то эмоции, в частности – легкое раздражение. – Ты, верно, забываешь, что на самом деле Альбрехт Дюрер – это всего лишь еще один компрадор. Да, он необычен, и он может платить не только золотом, а чем-то, возможно, куда более ценным. Но на деле он просто покупатель, и наше дело не зависит от него одного. Станет Дюрер покупать табако, не станет – разница для нас невелика. Просто признай это.

– Это так. Но...

– Но дело в дружбе, так? – криво улыбнулся Колумб, не дав Варгасу договорить. – Дело в проклятой дружбе, которая только мешает делам.

– Почему ты так говоришь? Наше дело, если ты вдруг позабыл, выросло как раз из нашей дружбы.

– Наше дело выросло из индейского ритуала, – пристально глядя на банкира исподлобья, напомнил Христофор, – о которой ты бы никогда ничего не узнал, если бы я не отправился в новый свет и не встретил тамошних дикарей. И Дюрер к

этому мореплаванию имеет отношение лишь в том смысле, что у него по воле случая оказалась карта Тосканелли. Но карту мог купить кто угодно. И, в любом случае, вся эта история уже далеко позади. Не Дюрер возит тебе мешки с табако. Их вожу я, рискуя репутацией, рискуя свободой и даже жизнью!

Колумб выкрикнул последнее слово так громко, что слуга, который как раз вернулся с новым кувшином, содрогнулся и едва не расплескал вино. Христофор, увидев это, тут же вскочил и схватился за глиняную ручку.

– Аккуратней, – строго произнес мореплаватель, обращаясь к худому кучерявому мальчишке.

Тот шумно сглотнул и, кивнув, пробормотал:

– Простите, сеньор.

– Проваливай, – бросил Колумб и, усевшись обратно за стол, налил себе вина.

– Никто не отрицает и не оспаривает того, что вся идея с продажей табако в Европе принадлежит тебе, – терпеливо сказал Марио, наблюдая за тем, как хмельной напиток наполняет бокал. – И не обязательно об этом постоянно напоминать.

– Да? А мне почему-то кажется, что обязательно, – саркастически заметил Колумб.

Он потянулся кувшином к бокалу друга, но тот выставил перед собой руку и покачал головой. Христофор поджал губу и, отставив вино в сторону, сказал:

– Ты даже близко не представляешь себе, что это такое – жить в чужом краю, Марио. Когда мы с тобой ехали за картой Тосканелли, ты изнывал от жестких коек на постоянных дворах и от жесткой пищи придорожных трактиров. А как тебе нары трюма старой карраки, Марио? Смог бы ты несколько месяцев спать на деревянной полке? А если при этом твоя нога прикована к крюку, торчащему из пола? Матросы смотрят на тебя, обсуждают тебя, поплевывают в тебя, когда ты пытаешься уснуть, а они думают, что уже спишь и ничего не чувствуешь... Это для тебя достаточно *мягко*?

Колумб схватил бокал и залпом влил его в себя. Марио молча наблюдал за тем, как он утирается тыльной стороной ладони и наливает себе еще.

– И после этого ты хочешь, чтобы я спокойно реагировал, когда ты переживаешь из-за какого-то там... художника? – продолжил Христофор. – Но не мы зависим от него, Марио. Это он зависит от нас. Это он жаждет получить табако. Жаждет настолько, что недавно написал мне.

До Варгаса не сразу дошел смысл услышанного.

– Он... что? – Банкир заерзал на скамье. – Альбрехт... я не пойму, Альбрехт написал тебе? Но... зачем?

Колумб снова криво улыбнулся – он был уже довольно пьян, судя по этой гримасе – и, вытащив из-за пазухи свернутый в трубочку лист, бросил его на стол.

– Читай. У меня секретов от компаньона нет.

Марио дрожащей рукой взял со стола письмо и медленно

его развернул. Он сразу узнал почерк Дюрера – и по размашистым буквам догадался, в каком состоянии немец писал это послание Колумбу.

Строчки предательски заплясали перед глазами Варгаса, когда он углубился в чтение.

«...не знаю, кому из вас принадлежит идея обмена табако на гравюры, но она кажется мне поистине унижительной. Неужто вы мните, что я буду работать на удовлетворение своих желаний?.. Уверен, вы нарочно, нарочно, нарочно одурманили меня вашим табако, чтобы я жизни без него уже не знал и согласился на любые ваши условия! Но я взываю к вашему благоразумию, Христофор. Зачем нам нужны посредники? Продайте мне табако напрямую, но не просите гравюр. Я не могу рисовать по нужде. Я заплачу золотом!!! Но иначе мне придется обратиться к вашему конкуренту, чего мне бы не хотелось – учитывая нашу давнюю дружбу».

Читая это, Марио невольно поймал себя на мысли – а не сон ли все это? Этот трактир, этот хмурый хмельной Колумб, это письмо от Альбрехта, адресованное не ему. И как немец теперь именуется его, старого знакомца, в переписке с Христофором? «Посредник»? Все, что он заслужил годами дружбы и поддержки?

Нет, это точно сон, уверенно подумал Марио. Только вот почему он все не заканчивается?..

– Когда ты получил это письмо? – спросил Варгас, посмотрев на Колумба.

Тот задумался ненадолго.

– Неделю назад.

– Неделю!.. И сказал мне только сегодня?

– Как только возник повод, – пожал плечами Колумб.

– И что же теперь ему ответить? – пробормотал Марио.

Он посмотрел на письмо Дюрера в своей руке и отбросил его в сторону, словно оно вдруг стало нестерпимо горячим.

– Ничего. Я уже ответил ему.

– Ответил? – эхом повторил банкир. – И что же ты ответил?

Ощущение сна только усиливалось с каждой секундой. Видимо, дело близилось к рассвету, и скоро он снова проснется.

Колумб оперся на стол и мягко сказал:

– Что я не буду торговать с ним у тебя за спиной. И что если его не устраивает названная тобой цена, то он может идти куда угодно. Так поступают с зарвавшимися людьми, которые слишком много о себе мнят, Марио. Которые считают себя незаменимыми. Поверь, я знаю – ведь так поступили со мной. И так мы поступим с Альбрехтом. Либо он согласится на наше предложение, либо пусть покупает у другого. Да хоть у нашего конкурента, кем бы он ни был.

Варгас кашлянул в кулак и, поколебавшись, допил отстатки вина из бокала. Увы, капли влаги не могли смягчить пе-

ресохшее от волнения горло. Хотелось курить, но повторять ошибку Родриго де Хереса банкир не собирался: попасть в чертоги инквизиции не входило в его планы.

– А ты не боишься, – глядя в черноту пустого бокала, сказал Марио, – что со временем этот «наш конкурент» следом за Дюрером уведет у нас и всех остальных клиентов?

– А вот эту проблему нам уже нужно решать, тут я с тобой совершенно согласен.

– И как мы это сделаем?

– Да очень просто. Как только мы выясним, кто это. – Христовфор посмотрел на друга исподлобья. – Мы сдадим его инквизиции.

Марио не поверил своим ушам.

– Ты... ты не перестаешь меня удивлять, мой друг, – проворчал банкир, глядя на улыбающегося и явно довольного собой Колумба. – Неужели ты действительно считаешь, что единственный способ нам сохранить наше дело и наших клиентов – это донос?

– Да, безусловно, так и есть, Марио. Мы ведь с тобой занимаемся, по сути, контрабандой, мы торгуем растением, курение которого церковь считает богомерзким, дьявольским ритуалом. Так что тут все очень просто – если не донесем мы, донесут на нас. Уверен, что хочешь стать тем, на кого донесут?

– Нет, конечно, нет. – Марио нервно затопал каблуком под столом. – Но... я не могу сдать человека. Его же будут... пы-

тать. А если до пыток не дойдет, то точно запрут в тюрьме. Это же, по сути, значит уничтожить человека, которого я и в глаза-то не видел.

– И как в тебе это сочетается? – усмехнулся Колумб. – Ты переживаешь из-за какого-то молодого художника из Нюрнберга. Считаешь его ценнейшим клиентом только потому, что он твой друг... который предал тебя, тайно отправив мне письмо! И при этом боишься бороться за своего клиента... за всех своих клиентов. Странно видеть, что банкир, многие лета отдавший службе известному дому Дельгадо, настолько *мягкотельный*.

Лицо Марио ожесточилось. На миг ему захотелось выплеснуть содержимое кувшина Колумбу в лицо. Но, сдержав себя и чуть поостыв, Варгас сказал:

– Ты путаешь мягкотелость с благородством, Христофор.

– Скорей, это ты пытаешься прикрыть слабость красивым словом, – покачал головой Колумб. – Когда я предлагал тебе торговать табако, я надеялся, что говорю с человеком опытным и хватким. Способным быть жестким при необходимости. И сейчас эта необходимость точно есть. У нас есть конкурент, и нам надо от него избавиться.

Марио опустил голову и тихо сказал:

– Я уверен, мы обойдемся и без доноса. Я просто... не смогу потом жить с той мыслью, что из-за меня человек лишился жизни. Это не то же самое, что борьба на финансовом рынке.

– А, по мне, это она и есть, – сказал Колумб. – И, по-видимому, ты ее уже проиграл.

Варгас не нашел, что на это ответить.

Глава 15

Дневник памяти

2024 г.

Океан ворчал штормовыми раскатами волн. Бушующий ветер рвал листья прибрежных пальм и под протестующие вскрики чаек гнал к скалам один водяной вал за другим, смешивая бирюзу морских волн с черным вулканическим песком побережья. Слушая бурчание стихии, Луис сидел на террасе, надежно защищенной от ветра полукругом каменной оградой, и постепенно расслаблялся после рабочего дня.

Это был один из его любимых способов дхьяна – созерцать океан, неспешно потягивая ром «Флор Де Канья».

Почему именно «Флор Де Канья»?

Первая причина крылась в прошлом Луиса. После теракта, в котором погибла его семья, он просто не мог оставаться в Мадриде. Он хотел сбежать, неважно куда, лишь бы подальше от города, где упокоилось его прошлое и связанное с ним будущее. Именно тогда на глаза Санчесу попалась реклама этого рома в сигарном журнале – тихоокеанский берег, пальмы, безмятежное синее небо и умиротворенный че-

ловек, сидящий на песке со стаканом...

С той поры «Цветок тростника» стал фактически синонимом безмятежности... и одиночества, которым Луис буквально грезил, готовя побег из Испании.

Вторая причина выбора «Флор Де Канья» была куда менее лирична – как выяснилось по прибытию на Никарагуа, иного рома здесь в принципе не водилось. Владелец бренда, ушлый магнат, искусно наладил дружбу с властями и постепенно добился того, что в стране у него просто не осталось конкурентов. С первых дней после переезда Луис усвоил важную вещь: здесь можно без проблем открыть сигарную фабрику, но любую попытку сделать новый бренд рома мигом приравняют к государственной измене и вышлют дерзкого «предателя» из страны без права возвращения обратно.

Санчес терпеть не мог подобные закулисные игры – он верил в теорию честной конкуренции и старался не иметь общих дел с людьми, которые во главу угла ставят не развитие своего бизнеса, а потопление чужого. А поскольку таковых, увы и ах, хватало и на этой благодатной земле, Луис быстро прослыл в среде местечкового истеблишмента мизантропом.

Впрочем, первые симптомы нелюдимости зародились еще в Мадриде – городе, отнявшем у него старую жизнь, выжавшим из него все соки однообразной работой и сводящий с ума кучей бесполезных знакомств. Люди, которых Луис встречал на извилистом жизненном пути, зачастую были добры и обязательны, но, увы, не слишком интересны

продавцу дыма. Поэтому он редко заводил друзей – слишком ценил свое время, чтобы тратить его на бессмысленный нетворкинг.

За последние несколько лет продавец дыма по-настоящему позволил войти в свое пространство жизни только одному человеку – Джи. Майор Уго настойчиво колотил в дверь его сигарного мира армейскими ботинками, но Луис опасался его впускать.

«Уж лучше довольствоваться одиночеством, чем остаться ни с чем» – такое правило выработал для себя Луис много лет назад.

Хотя, конечно, тут еще вопрос, насколько одинок человек, курящий сигары. Дым так же зыбок, как прошлое, возможно, прожитое кем-то до тебя, а ты в сегодня видишь лишь его сизоватый призрак.

Человек – тоже дым «большого взрыва», лишь на время ставший материальным.

Луис ухмыльнулся и покосился на стол. Взгляд его тут же зацепился за дневник Марио Варгаса, который лежал среди сигарных принадлежностей. Единственный по-настоящему ценный подарок, который преподнес ему майор Уго – а, возможно, и вовсе единственный (не считать же таковым предложение передать весь бизнес безликим испанским воротилам).

Дневники торговца дымом стали для Луиса новым способом медитации. Погружаясь ненадолго в далеко прошлое,

которое он физически не мог застать, Санчес будто бы вместе с Варгасом заново изобретал табачный бизнес. Луису казалось, что между ним и Марио, несмотря на существенный пласт времени, разделяющий их, во время чтения возникает метафизическая связь.

Марио Варгас был первым торговцем табака в Европе, но, увы, официальная история стерла его имя.

Наверное, потому, что официальные летописцы, во все времена мало общего хотели иметь дело с дьявольским дымом, а неофициальных в то время просто не существовало. Возможно, к исчезновению имени Марио приложили руку писари Колумба или Инквизиции, но узнать истинные причины сегодня уже не удастся.

В дверь дома постучали, и знакомый голос охранника Хосе позвал:

– Дон Санчес?

– Входи, Хосе, я здесь, на веранде, – весело отозвался продавец дыма.

Послышались шаги, и смущенный охранник, выйдя на террасу, остановился перед Луисом.

– Как дела? Как семья? – спросил Санчес, жестом приглашая гостя присесть.

– Все... все хорошо, сеньор.

– А как здоровье?

– Не жалуюсь. Франко сказал, что вы просили меня зайти. Что-то случилось?

Хосе неопределенно повел плечами и опустил в кресло. Он выглядел растерянным. Луис решил не мучить добродушного гостя понапрасну и, взяв со стола коробку сигар протянул ее со словами:

– Случился твой день рождения, старина. С чем я тебя и поздравляю.

– О, дон Санчес, – оторопело глядя на подарок, пролепетал Хосе. – Не знаю, как вас... как вас и благодарить! Спасибо, спасибо огромное! Это же ваши?

Он тут же взял коробку сигар в руки и принялся с интересом разглядывать ее, словно ребенок, наконец дождавшийся Рождества.

– Мои. Особый бленд, с табаком со склона вулкана Омитепе.

Охранник кивнул. Местные хорошо знали это место посреди озера Никарагуа, а туристы, посещавшие Гранаду, часто делали дежурное селфи на его фоне, прогуливаясь по набережной.

– Вы позволите вас угостить? – с надеждой спросил Хосе.

Луис замахал рукой и подвинул свой хьюмидор:

– Ни в коем случае. Сегодня угощаю я.

Хосе шумно сглотнул и, дрожащей рукой положив дар Санчеса на стол, взял сигару из хьюмидора.

Пару минут спустя они уже дымили, вместе любуясь штормом – не столь сильным, чтобы прятаться от него в доме, но достаточным, чтобы насладиться завораживающей

безудержностью океанской стихии.

– Может, странно прозвучит, но в такую погоду за вкусной сигарой я чувствую себя... свободным, – признался охранник.

– Возможно, дело в том, что в Никарагуа практически нет запретов на курение, – ухмыльнувшись, сказал Луис. – С того момента, как Колумб привез табак в Европу, весь мир пытается его запретить. А ведь в конце 19-ого века, когда была запатентована первая машина, способная производить 120 тысяч сигарет в день, казалось, мир все-таки взял курс «на табак». Но нет, запреты скоро вернулись. Странно, что сегодня курильщиков не сгоняются в резервации.

– О, думаю, это не за горами. – Хосе наморщил лоб. – И это еще будет не худший исход.

Пальмовые листья, сорванные и брошенные ветром на лужайку неподалеку от дома, вдруг зашевелились. Луис нахмурился и даже на миг задумался, не переборщил ли он с ромом, когда из тени показалась крупная игуана. Практически сливаясь с газоном, она повернулась, строго посмотрела на Санчеса маленькими черными глазами и растворилась в зеленеющем кустарнике. Почему-то от взгляда рептилии Луису сделалось неуютно – будто игуана своим взглядом строго осудила продавца дыма за выбранную для разговора тему.

– Вы же помните ту историю, про Османскую Империю? – спросил охранник, снова отвлекая внимание Луиса на себя.

– Хосе, мы оба знаем, что мои познания в истории таба-

ка весьма скромны по сравнению с твоими. – Санчес мягко улыбнулся гостю. – Поэтому просто расскажи, что за история произошла в Османской Империи?

– В XVII-ом веке там правил Мурад IV, – пустился в рассказ Хосе. – Страна находилась в упадке, и Мурад в 30-ых годах нашел, как ему казалось, спасти Империю – он запретил употребление табака, алкоголя и кофе. И если папа Урбан VII в конце XVI века за курение отлучал от церкви, то Мурад IV карал курильщиков, алкоголиков и кофеманов смертью.

Луис тихо присвистнул.

– Притом, когда я говорю, что Мурад IV «карал», это не фигура речи, – добавил Хосе. – Масса источников утверждает, что он самолично отправлял на тот свет нарушителей – просто разгуливал по Стамбулу в штатских нарядах и казнил булавой любого, кого поймал за курением.

– Интересно, сколько человек в день умирало?

– Около 18. В среднем. И так продолжалось до тех пор, пока преемник Мурада, Ибрагим Безумный, не отменил дурацкий запрет.

– Иронично, что даже император с прозвищем Безумный считал безумным запрет на курение, – заметил Луис.

– О, да. По мне, так борьба с курением немногим лучше охоты на ведьм. Впрочем, глядя на тех, кто запрещает табак, невольно начинаешь думать, что мы, курильщики, находимся на стороне добра, – с улыбкой заметил Хосе.

– Ты про австрийца по имени Адольф? – криво улыбнув-

шись, уточнил Санчес.

Сложно представить, но в 1941-ом году, пока всю шла Вторая Мировая, по приказу Гитлера был создан Институт исследования опасности табака Карла Астеля. С этого момента и вплоть до падения режима в 1945-ом нацисты проводили одну антитабачную кампанию за другой – курить запрещалось в университетах, почтовых отделениях, офисах партии и военных госпиталях.

Воистину, заявляя о возможности предвидеть будущее, «провидцы» не замечают случайности собственных необоснованных поступков.

– И про него тоже, разумеется. Думаю, не будь у него потребности в живой силе, он бы тоже разгуливал по улицам и лично расстреливал курильщиков. И почему власть имущие не понимают, что громко объявленный запрет только увеличивает привлекательность? – задумчиво произнес Хосе.

– И открывает возможности для близких к «запретителям» дельцам. История табачной компании Давыдофф, начавшая с поставок табака вермахту – наглядное тому подтверждение.

– Признаться, я о таком и не слышал, – пробормотал Хосе.

– Потому что эта тема тщательно стерта историками. Так что, поверь, все всё прекрасно понимают. И осознанно своими запретами создают ажиотаж. Особенно прозрачно это выглядело в начале двадцатого века, когда 15 штатов Америки запретили торговлю табаком, а в остальных он прода-

вался, как и прежде, без всяких ограничений. Кто озолотился на табачном бутлегерстве, как ни люди, его запретившие?

– И то правда, – согласился Хосе.

– Сейчас любая информация, которую официально запрещают власти, легко находит множество обходных путей. И умные люди пользуются этим. Вещать через официальные СМИ пошло и бессмысленно, народ уже не верит пропаганде. Куда лучше подать нужную информацию через селебрити, забаненных за публикацию неугодного контента. Тогда ты можешь быть уверен, что народ поверит этим материалам.

– Хитро, – ухмыльнулся Хосе. – Но не до конца понимаю, как это работает с табаком?

– Смотри, утрирую, но лишь немного: официальное СМИ заявляет, что табак вызывает рак. А премьер-министр Испании заявляет – что власти врут, и табак на самом деле лечит рак и отлично защищает от ковида. ВОЗ и политики тут же открыто «хейтят» это заявление, пресса его дезавуирует, соцсети банят все упоминания об этом... А табак попадает в топ-продаж. Вот так просто это работает.

– То есть человека, получается, можно убедить, в чем угодно?

– Получается, да. Истины не существует, есть только мнения. Человека может убедить, что у него прекрасная жизнь, образцовая семья или лучшая девушка на свете, а потом так же легко убедить, что все ужасно и жизнь лишена смысла –

если умело использовать нужные инструменты воздействия. То, что делает реклама, давно и успешно называя это культурой. Вообще есть в этом доля иронии. – Луис прищурился. – Если долговечность считать приметой высокой культуры, то доколумбовые аборигены Америки можно считать победителями.

– Почему? – не понял Хосе.

– Потому что они верили дыму и никогда не доверяли свои мысли камню и бумаге. Их культура дыма обладает колоссальной генетической памятью.

Санчес потянулся за стаканом, но тут же спохватился и предложил:

– Выпьешь рома?

– О, нет, – виновато улыбнулся Хосе. – Я все еще на работе. На посту пить нельзя. Но спасибо за предложение!

– Это правильный подход, – уважительно сказал Луис.

Он плеснул в свой стакан из бутылки и поднес его к губам, чтобы сделать глоток, когда Хосе сказал:

– Кстати, видел сегодня вашу сеньориту. Она такая... светлая, воздушная... в таком легком светло-зеленом платье... – Хосе усмехнулся. – И вся буквально светится. Красивая женщина, как дым хорошей сигары, окутывает блаженством, постепенно растворяясь в воспоминаниях...

Почувствовав недоуменный взгляд Луиса, Хосе запнулся, испугавшись, что сказал бестактность. Но Санчеса волновало вовсе не красноречие гостя.

– А где ты видел ее сегодня? – медленно спросил он.

– Так... здесь. Приезжала часа четыре назад.

– Джи? Была здесь днем? – окончательно растерялся Луис. – Но... зачем?

– Не знаю. Она была... вместе с доном Наварро. Я... я думал, вы в курсе.

Терраса под ногами Санчеса пошатнулась. Он вспомнил разговор с Джи. Она говорила, что сегодня весь день занята и даже ночевать останется в своем строительном городке.

– Ты уверен, Хосе?

Седовласый охранник кивнул. Луис мотнул головой в сторону.

– Так она еще здесь?

– О, нет, она заезжала ненадолго. Может, часа полтора пробыла, потом уехала.

– Ладно, – тихо сказал Луис.

Это «ладно», произнесенное вслух, никак не отражало бури эмоций, которая царила в душе Санчеса. Он не мог понять, что Джи могла делать в отеле вместе с майором. И к чему была эта ложь про то, что она сегодня занята? Не хотелось дважды за день ехать в «Мукуль»?

– Я что-то устал, – незряче всматриваясь в горизонт, глухо произнес Санчес.

Хосе тут же засуетился:

– Да, да, мне тоже уже пора... Нужно возвращаться на КПП... Думаю, Франко меня уже заждался!..

Он пожал Луису руку и скрылся с глаз, прихватив подарок. Несколько мгновений спустя в прихожей хлопнула дверь, но продавец дыма даже не встрепенулся.

Нет, это не может быть правдой, думал Луис, продолжая растерянно пялиться в океан. Нет, они просто... они наверняка просто готовили ему какой-то сюрприз, размышлял Санчес, наблюдая, как белоснежная чайка замерла на миг над обрывом, а потом рванулась вниз, преодолевая упрямое сопротивление ветра...

Да, точно, они хотят сделать сюрприз по случаю его ухода на пенсию, перебирал версии Луис, стоя под струями душа. Сто процентов! Какие еще дела могут быть у Джи с Уго, которого она считает «тупым солдафоном»? Разумеется, они хотят Луису только лучшего, думал продавец дыма, закуривая сигару в гостиную. Шезлонг, пляж, коктейль «нисперо» из сока одноименного экзотического фрукта и – безмятежность...

Вот только они не подумали, что сам Луис этого может не хотеть.

Пространство комнаты постепенно заполнил сигарный дым. Санчес, сидя в кресле, неотрывно смотрел на «Меланхолию» Дюрера, украшавшую стену. Он не уставал удивляться, сколь много образов таила в себе эта работа немецкого гения. Справа, в глубине, возвышалось каменное здание, возможно, недостроенное – к нему неизвестный мастер прислонил деревянную лестницу. На стенах здания висели песоч-

ные часы, весы, колокол, был начертан магический квадрат. В небе, в лучах кометы, распростерла крылья огромная летучая мышь. Присмотревшись, можно было разглядеть на этих крыльях надпись «Меланхолия I»...

По сути, работа Дюрера представляла собой набор графических намеков, которые потомки не смогли разгадать по сей день. Почему Меланхолия изображена крылатой и что значит цифра I рядом с ее именем? В чем заключается ее праздность? Что за мальчик изображен позади? В чем значение магического квадрата на стене и для чего вокруг разбросаны инструменты?

Трактовок было много, но подлинный замысел канул вместе с творцом. И, наверное, это даже правильно.

Созерцание «Меланхолии» всегда успокаивало Луиса – за размышлениями над загадками прошлого, сокрытыми в полотне, продавец дыма, сам того не замечая, находил ответы на вопросы, которые ставила повседневность.

И прямо сейчас, любуясь картиной, Луис, словно пазл, подбирал аргументы для отказа на предложение Уго. Мыслей было много, но все они укладывались в голове рядом с главной.

«Бывших продавцов дыма не бывает, мой друг майор».

А пепел счастливого и несчастливов неотличим. Он наполняет песочные часы жизни, ссыпаясь сквозь узкое горлышко до последней крошки и растворяясь в вечности, как дым сигары.

Глава 16

Ссора

1501 г.

Весточка о том, что Дюрер прибыл в Севилью, застала Марио врасплох. Никаких писем от художника он не получал с того самого дня, как узнал про тайное послание немца к Колумбу. С того момента, как банкир обсуждал с Христофором ситуацию Дюрера, прошло не более месяца, и оттого вывод напрашивался сам собой: поскольку табак все-таки не приехал к Альбрехту, Альбрехт сам приехал за табаком.

Что же с тем таинственным поставщиком табака, севильским «конкурентом», размышлял Марио, пока дожидался отправленного к немцу мальчика с запиской. Его запасы табака иссякли быстрее, чем «склад» Варгаса и Колумба? Или же до него добралась инквизиция? От одного этого слова у Марио внутри похолодело: судьба несчастных моряков Колумба, имевших глупость в открытую курить чудесное растение, до сих пор была банкиру неизвестна.

– Герр Дюрер принял ваше приглашение, сеньор, – звонким голосом сообщил вернувшийся мальчик.

– Прекрасно, – сказал Марио без тени радости на лице.

После этого он отправил мальчишку к Колумбу, чтобы он тоже прибыл на вечернюю встречу с Альбрехтом. Учитывая

обстоятельства, Варгас не сомневался, что у Христофора не найдется особых дел в семь вечера – разве что он планирует снова напиваться в гордом одиночестве. Впрочем, Марио не сомневался, что возможность встретиться с Дюрером даже нынешнего Колумба заставит отставить в сторону кувшин с вином.

Тем более в гостях у Варгаса все равно можно будет напиться да еще и с куда большим интересом, чем просто сидеть в трактире и «с презрением взирать на суету черни во-круг», как этот процесс недавно описал сам Христофор.

Так и оказалось.

В тот день погода оставляла желать лучшего: с утра до обеда лил дождь, злорадствовал лихой ветер, но это не помешало Колумбу прибыть на четверть часа раньше Дюрера. Передав слуге плащ, путешественник зябко поежился и поднялся наверх, в кабинет Варгаса. Там они с хозяином заняли два мягких кресла подле столика, на который слуга поставил вазу с фруктами и кувшин с вином. Выглядел путешественник неважно: бледный, с мешками под глазами, он казался лишь бледной тенью того Христофора, которого Марио знал и любил. Пристрастие к выпивке и общее разочарование от жизни сыграло свою роль; даже сейчас от Колумба пахло так, будто он провел сегодняшний день в трактире, причем нарочно требовал с хозяина самое дурное пойло.

– Как твое самочувствие, мой друг? – осторожно поинтересовался Варгас, наблюдая за тем, как Христофор допивает

бокал вина и тут же снова наполняет его из кувшина. – Мне кажется, ты не совсем здоров...

– Тебе кажется, старина, – проскрипел Колумб.

– Но у тебя нездоровый вид...

– Если ты боишься, что меня сразил какой-то недуг, то это не так, – отмахнулся Христофор. – Я просто немного... неумерен с вином.

– То, что ты это понимаешь, прекрасно, – заметил Марио. – Но почему же ты не остановишься?

– А чем еще мне заняться? – усмехнувшись, спросил Колумб. – Если бы вот у тебя отобрали дело всей твоей жизни, чем бы ты занялся, старина? Чем?

– Ты же знаешь, многие люди заинтересованы в том, чтобы ты снова отправился в Новый Свет...

– Да, да, я слышан... но нашим правителям наплевать на мнение других. – Колумб криво усмехнулся. – Из чего я делаю вывод, что новых экспедиций не будет. А, значит, нет повода не выпить.

Христофор подмигнул Марио и пригубил вина. Банкир нахмурился, но не успел ничего сказать – зашедший слуга сообщил о прибытии Дюрера, и полминуты спустя художник вошел в открытую дверь кабинета Варгаса. От него едва уловимо пахло табачным дымом, и Марио слегка напрягся, сочтя это за недобрый знак.

Колумб, впрочем, этих тревог не разделял.

– Доброго вечера, Альбрехт, – сказал путешественник со

странной улыбкой на устах. – Как вам Севилья? Бывали тут прежде?

Немец окинул его хмурым взглядом, потом посмотрел на Марио и выговорил:

– Доброго вечера, друзья. Прежде я здесь не бывал и, думаю, вряд ли приеду еще без особой надобности – слишком уж тут шумно.

– Художники грезят о тишине? – прищурившись, спросил Колумб. – Но жизнь – она шумна...

Дюрер обжег его взглядом, но Христофор лишь невозмутимо отхлебнул из бокала. Желая разрядить обстановку, Варгас сказал:

– Присаживайся, Альбрехт. Выпьешь вина?

Дюрер попытался что-то ответить, но Колумб, расплывшись в улыбке, бесцеремонно его перебил:

– Да нет, он, наверное, хочет табако. Вы же за ним приехали, Альбрехт?

– За ним, – нехотя признал художник.

– А где же гравюры? – насмешливо осведомился Колумб. – Или вы забыли о нашем предложении?

– Христофор, – вмешался Марио.

Их с путешественником взгляды встретились.

– Позволь мне продолжить, – тихо, но твердо сказал Варгас. – Альбрехт, прости моего компаньона, он не хотел тебя обидеть. Присаживайся.

Христофор усмехнулся, но промолчал. Альбрехт, одарив

его недовольным взглядом, опустил в кресло напротив Варгаса и Колумба.

– Скажи, как ты добрался, где остановился? – спросил Марио.

Альбрехт вкратце поведал о тяготах дороги, о переменчивых погодах в этой части Испании, к которым чертовски сложно привыкнуть (но которые отлично подходят для хранения табака – отметил банкир про себя). Кроме того, Дюрер похвалил гостиницу, в которой остановился – она находилась в десяти минутах ходьбы от дома Варгаса, так что художнику даже не пришлось нанимать экипаж, чтобы сюда добраться.

– Не желаешь отужинать? – спросил Марио.

– Нет-нет, я не голоден, – покачал головой Альбрехт.

– Тогда, может, все-таки вина?

– Нет, пожалуй, не стоит.

– Тогда позволь угостить тебя табако, – предложил Варгас.

Он чувствовал себя немного виноватым.

– Не откажусь, – выдавил Альбрехт.

Минуту спустя они втроем уже пыхтели трубками.

– Так а с чего вы все-таки приехали в Севилью сами, а не направили письмо? – глядя на художника, без обиняков осведомился Колумб. – Или вы решили посетить всех торговцев дымом в этом городе, чтобы сравнить цены? В таком случае – как прошли ваши встречи?

Дюрер хмуро покосился на приторно-приветливого Хри-

стофора и медленно ответил.

– Увы, все оказалось несколько не так, как я планировал. После письма, которое я вам направил...

– Тайно направили, замечу, – вставил Колумб и многозначительно посмотрел на Варгаса.

– Тайно. Но, думаю, вы уже давно все рассказали Марио.

– Конечно. У меня от друзей секретов нет.

– Тогда, возможно, вы расскажете, почему после письма, которое я вам направил... Почему после него ваш конкурент перестал мне отвечать?

Марио, удивленно нахмурившись, обескуражено спросил:

– Что ты имеешь в виду, Альбрехт?

– После того, как я высказал сеньору Колумбу намерение покупать табако у другого, наша переписка с этим торговцем моментально закончилась. И вот когда я прибыл в Севилью для личной встречи с ним, выяснилось, что он действительно исчез. Можно ли считать это совпадением?

Колумб усмехнулся, и Варгас вздрогнул, настигнутый воспоминанием об ужине с Христофором. Слова путешественника тут же всплыли в памяти, и Марио с ужасом подумал, что, возможно, слова перестали быть просто словами.

– Чему ты смеешься, Христофор? – с трудом выговаривая слова, спросил Марко. – Ты что... знаешь, что случилось с нашим конкурентом?

Говоря это, торговец дымом примерно знал, что услышит в ответ, но очень хотел – больше всего на свете! – ошибиться.

– Да нет, не знаю, – равнодушным тоном отозвался Колумб. – Могу лишь предположить, что после моего сообщения одному... неравнодушному человеку о контрабанде... другой торговец очутился где-то недалеко от Родриго Де Хереса и его приятеля, Торреса... забыл, как его зовут.

– Луис, – машинально пробормотал Марко.

– А, какая разница... – проворчал Колумб и потянулся к кувшину с вином.

Банкир не мог поверить своим ушам. Он знал, что сделал Колумб, знал еще до того, как озвучил свой вопрос – и тем не менее был шокирован ответом. Слова Христофора, сказанные во время ужина с месяц назад, эхом гуляли в мозгу, но одно дело – слова, и совсем другое – реальные действия, в результате которых неизвестный «конкурент» оказывается в застенках инквизиции.

Так вот с чем связан приток клиентов в последние недели, грустно усмехнувшись про себя, подумал Варгас. Вот почему народ потянулся назад.

Банкир покосился на Альбрехта. Художник, кажется, оцепенел, а лицо его сделалось еще бледней, чем обычно. Он сидел и смотрел в стену напротив, не в силах обратить свой взгляд на собеседников. Особенно – на Колумба.

Сам Христофор выглядел невозмутимо. Казалось даже, что ситуация его несколько забавляет.

– Вернемся к делу? – словно желая подтвердить эту мысль, предложил Колумб вполне будничным тоном. – Что

в итоге мы решим...

– Я не готов, – перебил его Марио.

Воцарилась тишина, и банкир, шумно сглотнув подступивший к горлу ком, добавил:

– Не готов сейчас говорить о делах.

– И я, – шепотом сказал Альбрехт. – С вашего позволения, господа, я... Я пойду.

Он положил дымящуюся трубку на столик и поднялся.

– Куда же вы? – удивился Колумб, как показалось удивленному Марио – вполне искренне.

– Подальше от вас, сеньор, – процедил немец.

Голос его буквально звенел; видимо, художник из последних сил сдерживался, чтобы не обрушить свой праведный гнев на Христофора.

– Что же, идите, раз чувство такта вам неведомо, – пожал плечами Колумб и пригубил вина.

– Странно слышать подобный упрек от человека, чей такт позволяет писать доносы в инквизицию на другого человека, – холодно сказал Дюрер.

Христофор смерил его презрительным взглядом и, фыркнув, отчеканил:

– Жаль, что вы ни разу не были со мной в Новом Свете, Альбрехт. Думаю, там бы вы повзрослели куда быстрее. И убедились бы, что миром правит вовсе не такт. Такт лишь маскирует звериную сущность людей, готовых предать тебя при первой возможности в борьбе за место под солнцем.

Художник покачал головой.

– Звериная сущность людей не поддается сомнению, – глухо сказал он, – но разве не для того гибли и возрождались цивилизации, чтобы человечность в нас возобладала над хищными инстинктами?

– Конечно же, нет, – усмехнувшись, ответил Христофор. – Люди, которым выбили зубы в борьбе за блага цивилизации, быстро оказываются на дне социума среди травоядных и немощных. Этим миром правят хищники.

– В таком случае я поищу другой мир, – процедил художник. – Всего доброго, господа.

Он резко развернулся и покинул комнату, закрыв за собой дверь. Варгас провожал его рассеянным взглядом через призму дыма, которые струйкой тянулся к потолку.

– Да и черт с ним, – проворчал Колумб.

Услышав это, Марио резко поднялся из кресла и пошел следом за ушедшим Альбрехтом.

– Куда же ты, мой друг? – удивился Колумб.

Варгас не ответил. Мысли путались, но одна была ясная и четкая. Спускаясь, Марио старательно не выпускал ее из головы, цеплялся за нее, словно утопающий за обломок кормы. И, выходя из дома, Варгас продолжал держаться за эту мысль.

Улица встретила его мерзким липким дождем, а также – порывом холодного ветра, который будто бы пытался остановить банкира, убедить его, что все кончено, и попытки при-

мириться с немцем бессмысленны.

Но Марио не собирался сдаваться так просто.

– Альбрехт! – видя, что художник быстрым шагом двигается в направлении гостиницы, где остановился, отчаянно выкрикнул банкир.

Дюрер вздрогнул и медленно повернулся к спешащему к нему Варгасу.

– Я прошу прощения за моего... компаньона, – подойдя, сказал Марио. – То, что он сделал – чудовищно. И не укладывается у меня в голове.

– Да нет, он прав, – вдруг сказал Дюрер. – Этот мир принадлежит хищникам. Не будь Христофор таковым, он бы не открыл Новый Свет. Другое дело, что я в этом мире жить неспособен. Я... В общем, мне лучше уехать. Прошу прощения, если подвел твои ожидания, но это все... не по мне.

Альбрехт развернулся, чтобы уйти, когда Марио сказал:

– Я пришлю тебе 3 арроба табака.

Художник остановился, обернулся.

– Но... почему? И чем мне тебе заплатить? Золотом?

– Заплатишь, как считаешь нужным, – прервал его Варгас. – Идея с гравюрами принадлежала... не мне.

Альбрехт медленно кивнул, потом посмотрел на банкира и тихо спросил:

– Ты знал?

Марио вздрогнул, хотел ответить быстро и однозначно... но осекся, вспомнив тот судьбоносный разговор месяц назад.

– Нет, – с трудом выговорил Варгас. – Он давно себе на уме.

– Рад слышать, – произнес Дюрер. – Спасибо, мой друг, за то, что хоть ты не стал хищником. Или стал... но хотя бы не для всех.

После этих слов художник ушел.

На следующее утро Марио, как и обещал, отправил 3 ар-робы табако Дюреру.

И уже к обеду получил в обратном направлении десяток гравюр.

Глава 17

Разбитое зеркало

2024 г.

Джонсон, сигарный партнер Луиса из Нью-Йорка, смотрел на продавца дыма с экрана телефона и, как обычно, улыбался. Щеки бульдога и белоснежно-седые волосы вкупе с морщинами могли сбить с толку многих – случайный человек и вовсе решил бы, что перед ним обычный дружелюбный дедуля, с которым здорово сыграть в шахматы или квиз...

...если бы не глаза.

Глаза всегда выдают добро или зло. Луис хорошо знал этот взгляд Джонсона – взгляд стервятника, который достаточно умен, чтобы не просто не ввязываться в драку с сильным

противником, а сделать его своим партнером. Таких «стервятников» многие бизнесмены предпочитают держать ближе, чем друзей – и избавляться от них прежде, чем сами превратятся в их добычу.

Пока Джонсон и Санчес были нужны друг другу, поэтому продолжали фальшиво улыбаться и любезничать.

– Доброго дня, старина! – радушно воскликнул американец. – Как там твой новый бленд из табака со склона вулкана? Черт, тут у меня есть полсотни магазинов, которые раскупят весь твой релиз за два дня – так ты их заинтриговал...

– Это здорово, – кивнув, без особой радости сказал Луис. – Просто прекрасно. Сигары готовы, но им нужно еще пару месяцев дозреть перед отправкой.

Джонсон чуть склонил голову набок:

– Тебя что-то гложет, дружище?

Санчес про себя невесело усмехнулся. Наблюдательность стервятника не обманешь. Себя проще обмануть, чем этого старого проныру, который давно научился видеть людей насквозь.

– Немного, – сказал Луис. – Недавно мне предложили сделку, на первый взгляд – очень выгодную...

Джонсон заерзал на стуле.

– Кто предложил?

– Севилья. «Paradiso».

Джонсон будто бы застыл на пару мгновений – хотя, может, это был глюк интернет-соединения, и картинка просто

ненадолго подвисла? Отметив это про себя, Луис продолжил:

– Я сомневаюсь в них, потому что раньше с ними не работал. Но, может, тебе доводилось, старина?

Джонсон взял паузу – видимо, собирался с мыслями, подбирая наиболее уместные слова. Санчес никогда не питал иллюзий на его счет – стервятник есть стервятник. Даже если вы неплохо ладите сейчас, любой крохотный и незначительный (на первый взгляд) нюанс заставит его переметнуться на сторону противника. И ты, скорей всего, узнаешь об этом предательстве только тогда, когда обнаружишь между лопаток рукоять вонзенного в спину ножа.

Но пока Джонсон лишь поигрывал этим невербальным клинком, раздумывая, как поступить с Луисом.

– Нет, не доводилось, – наконец сказал американец. – Но я знаю их политику. Выгоды здесь не будет. Точней, будет, но только для «Paradiso». Они – акулы. И, насколько мне известно, их курируют... не последние люди Испании, скажем так.

Луис медленно кивнул. Он и сам подозревал, что майор Уго не стал бы работать на безымянных бизнесменов, возникших внезапно, точно черт из табакерки.

Впрочем, это уже ничего не меняло.

Ровно в тот вечер, когда Луис узнал про то, что Джи и Уго ведут дела за его спиной, он принял решение отказаться от предложения майора. Не потому, что этот мелкий инцидент

сам по себе был каким-то особенно ужасным. Санчес до сих пор был уверен, что речь не шла об измене или предательстве.

Но если человек еще до начала совместной работы врет тебе в таких мелочах, как можно вести с ним общие дела на крупные суммы?..

– А еще я слышал... – после долгой паузы (видимо, решая, говорить или нет) добавил Джонсон. – Насчет этих «Paradiso». В общем, есть мнение, что их цель – не развитие чужого табачного бизнеса, а совсем наоборот.

– В каком смысле? – нахмурился Луис.

Американец наклонился ближе к экрану. На миг показалось, что еще немного, и он окажется в одной комнате с Санчесом.

– Говорят, в Ухани новая вспышка коронавируса, – негромко, будто боясь, что их услышат, сказал Джонсон. – И, возможно, она станет последней.

– В хорошем смысле? – вырвалось у Санчеса.

Американец многозначительно улыбнулся.

– Не все так однозначно. Но хозяева «Paradiso», подозреваю, останутся... довольны. Это тебе на подумать, дружище. Хорошего дня. Будь осторожен и помни: у зверя может быть тысяча имен.

Джонсон отключился, а Луис еще некоторое время стоял, неподвижно глядя на телефон в своей руке. Это что, было предупреждение? Он же не выдумал себе, это правда было

оно? Джонсон что-то знает про пандемию и «Paradiso». И между ними точно есть связь, но какая именно, американец сказать боится.

А если уж чего-то боится матерый нью-йоркский торговец вроде Джонсона, значит, Луису пора паковать чемоданы и бежать прочь от Уго и его чертова предложения куда-нибудь в Гондурас, Бразилию или Мексику...

Санчес задумчиво закусил губу.

Или все же нет?..

Джонсон буквально сказал, что цель «Paradiso» не развитие табачного бизнеса, а его упадок. И упомянул в этом контексте пандемию и зверя с тысячей имен. Значит ли это, что испанцы от лица множества компаний-однодневок скупают табачные компании всего мира, чтобы под «шумок» новой пандемии... по сути, запретить табак?

Официальных причин можно придумать много. Но так ли удивит кого-то из людей, запертых в клетке своей квартиры, если закроется далекая никарагуанская табачная фабрика? Или десять фабрик по всему миру?

А если предварить это закрытие сенсационной новостью, что табак, де, повышает риск заражения смертельным штаммом ковида...

Луис хмыкнул. Да, при желании и связях этот желаний вполне реализуем...

Вот только вряд ли «Paradiso» (или как бы они взаправду не назывались) учитывали, насколько живуч табак.

Если вдуматься, его запрещали со времен попадания в Европу. Сначала это делала Инквизиция на стыке XV-XVI веков. В 1632 году, через 12 лет после того, как «Мэйфлауэр» попал на Плимут-Рок, курение настойчиво запрещали в Массачусетсе. Антитабачные кампании в начале XX века едва не погубили «Филипп Моррис». Чуть позже, начиная с 80-ых, все страны планомерно превращали курильщиков в изгоев. Более того, история про «сопоставимый вред активного и пассивного курения» моментально сделала их еще и убийцами, которые цинично отравляют окружающих их сограждан. Волна ЗОЖ прокатилась по миру, оставив на душах любителей табака огромное количество уродливых шрамов.

И всегда казалось, дни табака сочтены... но он выживал, несмотря ни на что, раз за разом. И миллиарды долларов выручки подтверждали, что дымный бизнес проживет еще не один год.

Поэтому Санчес искренне верил, что никакой чертовой пандемии не по зубам было закончить эту табачную историю длиной в пять веков. Пусть даже эту новую волну коронавируса пытаются оседлать большие игроки, управляющие «Paradiso» и Уго.

К черту. К черту их всех.

Реакция Джонсона была крайне веской причиной, чтобы поставить точку в диалоге с партнерами Уго прямо сегодня. С делами в офисе было покончено. На стройку к надоедливо-

му китайцу Ксингу Луис тоже пока что не собирался: заносчивый инженер ждал его в гости только послезавтра. Планов на вечер, связанных с Джи, у Санчеса пока что (или уже?) не имелось.

Вот, еще одна неопределенность, а ведь плодить их было не в правилах Луиса.

Обстоятельства подталкивали продавца дыма объявить майору решительный отказ. Как там любил говорить сам Уго? Лучше ужасный конец, чем ужас без конца? Все просто: если Луис ничего общего не желает иметь с закулисными играми испанских воротил и китайских вирусологов, он должен прямо об этом сказать и жить дальше.

Дорогу до отеля Луис помнил смутно. Шумел ветер, солнце то пряталось за тучи, то выползала из-за них; что-то болтал радиоприемник, разбавляя тишину в салоне авто. Обычно Санчес предпочитал тишину, но сейчас болтовня ди-джея отвлекала его от невеселых мыслей.

Одна из них просто сводила с ума: «Что, если между Уго и Джи что-то было?». Думать об этом было противно. Если китаянка действительно предала его, сможет ли Санчес вообще когда-нибудь вновь доверять людям? Уже стуча в дверь домика Уго, Луис и вовсе испугался – что, если Джи прямо сейчас там, в спальней, и он застанет их и майором врасплох?

Развить эту мысль внутренний голос Санчеса не успел: слышался топот, громко клацнул замок.

Дверь открылась.

– Луис? – Майор выглядел удивленным. – Что случилось?

Мы, кажется, не договаривались о встрече...

– Не договаривались. Я просто решил, что нам стоит обсудить твоё предложение именно сегодня.

– О. Надо же! Тогда входи! – Уго отступил от двери. – Я уже и не ждал, что ты определишься!

Луис с дежурной улыбкой перешагнул через порог и впервые оказался в доме Уго. Стандартная отельная вилла, она мало чем отличалась от жилища самого Санчеса, но была заметно проще обставлена. Каждая вещь, которую привез с собой майор из Испании, казалась излишне громоздкой и не особо красивой. Шкафы, комоды, полки, даже диван в гостиной, куда они с Уго проследовали из прихожей.

Излишне большим казались даже зеркало, висящее на стене, и отражающийся в нём журнальный столик с бутылкой рома и парой стаканов. Общим был разве что завораживающий вид из окна – на Тихий океан, голубое небо и яркое солнце, неустанно дарящее тепло этой благословенной земле.

Майор подошел к журнальному столику, плеснул в один из стаканов рома, потом, спохватившись, повернулся к Луису и спросил:

– Ты будешь ром? Местное пойло, черт его дерь, вполне себе ничего...

– Нет, спасибо. Дела лучше обсуждать на трезвую голову.

– Как скажешь, – проскрипел Уго и, залпом опустошив свой стакан, налил еще. – Кстати, пока ты не начал свое долгое признание в любви к табаку перед выходом на пенсию... Если тебе вдруг нужны какие-то юридические консультации со стороны «Paradiso», мы можем организовать эту... онлайн-конференцию. Ну, чтобы твои юристы пообщались с их юристами и уладили все нюансы!

– Уго, я... – начал было Луис, но тут же запнулся, внезапно увидев нечто, что совершенно точно не ожидал увидеть здесь, в доме его несостоявшегося испанского партнера.

Видит Бог, Санчес до последнего не желал верить. Но сейчас, стоя посреди комнаты и глядя на предмет, лежащий на подоконнике, Луис понял, что дальше отрицать реальность бессмысленно.

– Ты чего застыл? – удивленно спросил майор.

– Прости за такой вопрос, Уго, – будто разом забыв испанский, с трудом выговорил продавец дыма, – но скажи, пожалуйста, что это такое интересное лежит у тебя на окне?

Реакция майора оказалась до обидного сдержанной: казарменная выучка сыграла свою роль. Едва уловимая гримаса раздражения мигом сменилась напускной беззаботностью – но раздражение все же было, это Луис моментально зафиксировал в памяти.

– Это-то? – фыркнул майор. – Так, безделица. Хочешь взглянуть?

– Да, Уго, – продолжая внимательно смотреть на собесед-

ника, сказал Луис. – Если ты, конечно, не против. Ты же знаешь, как я люблю все, что связано с табаком.

– О, да! Продавец дыма – он и в Никарагуа продавец дыма, да? – хохотнул Уго, шагая к окну.

Луис не удивился бы, если майор размахнулся и вlepил ему «безделицей» по лицу. Но старый вояка, надо отдать ему должное, держался на зависть, ни словом, ни жестом не выдавая волнение.

Впрочем, он мог его и не испытывать. Человек, который с каменным лицом бродил по залитому кровью перрону маридского вокзала, вряд ли будет переживать из-за таких пустяков, как дружба или доверие.

– Держи, – сказал Уго и протянул Луису голубой хьюмидор, на крышке которого была инкрустация кубинского флага и портрета Че Гевары.

Санчес дрожащей рукой взял сигарную шкатулку. Да, безусловно, это был тот самый хьюмидор.

– Когда она была тут в последний раз? – неотрывно глядя на лакированный портрет команданте, спросил Луис.

Уго хмуро посмотрел на продавца дыма исподлобья. Санчес почувствовал это, но не стушевал, а, напротив, поднял голову и посмотрел майору прямо в глаза. В отличие от Джонсона, у Уго был взгляд орла – отважной птицы, настоящего лидера, который свято верит, что все делает правильно, вовремя и лучше всех.

Майор прекрасно понимал, что козырей у него на руках

не так много, но переживал ли он из-за этого? Санчес очень сомневался. Его вопрос стал точкой невозврата.

Теперь Уго знал, что Луис все понял.

После этого любое «мирное урегулирование», как выразился бы сам вояка, стало невозможно.

– Луис, ты знаешь, что я никогда не смешиваю личное и работу... – произнес майор.

– Ты не ответил на мой вопрос, Уго, – холодно прошипел Санчес. – Когда Джи была у тебя в последний раз?

– И тебе я тоже рекомендую отделять одно от другого, – не обращая внимания на слова Луиса, буркнул майор.

Судя по опасному блеску глаз, Уго был настроен решительно. Он действительно не собирался мешать работу и личное. Дружба дружбой, но он, майор полиции на пенсии, не станет терпеть обвинения от какого-то жалкого торгаша дымом.

– А я как раз разделяю, – сказал Луис. – Себя от вас.

Он размахнулся и со всей силы швырнул хьюмидор в зеркало на стене.

– Черт! – рывкнул Уго, глядя, как битое стекло, словно снег, сыплется на паркет. – Ты что, сбрендил?!

Санчес повернулся и увидел свое отражение в застрявших в раме осколках. Весь его образ вдруг превратился в разрозненную мозаику, которую, кажется, не собрал бы сам Бог. Так же Луис чувствовал себя и внутри: совершенно разбитый, на уровне души лишенный внутренней цельности, плос-

кий и неприглядный недочеловек, вновь утративший веру в этот гребаный мир.

– Все кончено, Уго, – глухо произнес Луис, даже не глядя на майора. – Сделки не будет. Ничего уже не будет. Единственное, что я подпишу – это чек за разбитое зеркало. Но на этом – всё.

Надсадно дыша от гнева, распирающего его изнутри, Санчес развернулся и пошел в прихожую.

В голове пульсировала одна-единственная мысль: «Вера, любовь, надежда – религиозные караки с трюмами чувственного дерьма».

Все то время, что Луис шел к двери, ему жег спину взгляд Уго.

Но, к удивлению и даже разочарованию Санчеса, в этом взгляде не было зла.

В нем было «ты даже не представляешь себе, придурок, насколько ты прав».

Глава 18

Неповторимое искусство

1503 г.

С каждым разом поездка в Нюрнберг давалась Марио все трудней.

Впрочем, с годами становится сложно вообще все, вклю-

чая саму жизнь. До определенного момента человек еще способен ясно мыслить, но со временем пропадает и этот бесценный дар.

Всё превращается в дым, только на свой манер, подумал Варгас, и губы его тронула легкая улыбка.

Экипаж мерно покачивался на ухабистой дороге, укачивая пассажира и его слугу, но Марио стойко держался. Он хорошо поспал прошлой ночью и вскорости должен был прибыть в город, где его ждала встреча со старым другом.

– Груз на месте, – шепотом сообщил слуга.

– Что? – не понял банкир.

– Ну, вы так на меня посмотрели, – неуверенно улыбнулся верный спутник. – Я решил, что вы снова хотите спросить о грузе.

– А. Прости, я... я просто задумался, – весело сказал Варгас. – Размышлял, сколько еще ехать до города, а то я, признаться, не против был бы уже и... отужинать.

Говоря это, он невольно погладил себя по животу. Что ж, возможно, усталость от поездки была связана не только с возрастом, но и с любовью к испанской кухне. К счастью, бургерские блюда не так вдохновляли Марио, и он всерьез надеялся сбросить за путешествие несколько фунтов.

Но что думать о грустном, если можно – о хорошем? Уже завтра утром Марио передаст Дюреру восемь арроба табака в обмен на его прекрасные гравюры. Обычно такими делами Варгас лично не занимался, но недавно он получил довольно

странное письмо от Дюрера и решил лично убедиться, что немец пребывает в добром здравии.

Странность письма заключалась в словесных оборотах, которые Альбрехт использовал. Там, где прежде он обращался к банкиру «любезный друг», ныне было сухое: «Марио». Там, где обыкновенно находились пожелание доброго здоровья и скорой встречи, зияла пустота. Сотни мелких деталей, разбросанных по бумажному телу письма, складывались в картину отчуждения, которая навевала Варгасу мысли о вернувшейся к Дюреру меланхолии. Учитывая, что недостатка в табако Альбрехт не испытывал, Марио рассудил, что у художника снова возникли какие-то проблемы. Что это было – трагедия на личном фронте, или Дюрер вновь попал в плен творческого кризиса – банкир не знал, но решил, что должен помочь немцу, и незамедлительно отправился в путь.

С этими творцами всегда так сложно, подумал Варгас. Любое неосторожное слово способно выбить почву из-под ног ранимого художника. Зная Агнесу Дюрер, Марио невольно грешил и на нее – супругу Альбрехта всегда волновала только прибыль, и ради нее она чуть ли не палкой загоняла несчастного мужа в мастерскую.

С другой стороны, кто знает, может, именно понукания супруги вдохновили немца на создание «Апокалипсиса»?..

Любуясь на шпили городских башен, которые наконец показались на горизонте, Варгас улыбнулся, вспомнив шутку про легендарную серию гравюр. Пожалуй, Агнеса в опреде-

ленном настроении и впрямь могла бы заменить всех четырех всадников Судного дня...

Экипаж Варгас въехал в Нюрнберг еще до сумерек, чем немало порадовал банкира. О встрече с Дюрером в тот вечер речи не шло, но они со слугой спокойно и без спешки расположились в лучшей городской гостинице. После ужина в трактире по соседству Варгас отправил гонца к Дюреру с сообщением, что он прибыл в город и хочет завтра утром навестить мастера. Мальчишка убежал, а Марио отправился в комнату, чтобы, пыхтя трубкой с табаком, заняться наконец дневником – в последнее время он взял за правило описывать текстом все значимые моменты своей жизни.

И путешествие из Севильи в Нюрнберг определенно было из их числа.

Следующим днем Варгас привычным маршрутом отправился в мастерскую Дюрера. Погоды в Нюрнберге заметно отличались от севильских; март выдался промозглым, и банкир кутался в плащ. Тем не менее пройтись по знакомым местам было Марио в радость, хоть к концу дороги он немного устал – и в очередной раз задумался, что грех чревоугодия необходимо взять под строгий контроль.

Отдышавшись, Марио постучал в дверь мастерской.

Немец, как обычно, открыл далеко не сразу – вероятно, был занят кропотливой работой. Внешний вид Альбрехта подтверждал догадку банкира – растрепанная рубашка и прическа, лоб в испарине, слой щетины на щеках... Похоже,

Марио невольно прервал создание очередного шедевра.

– Здравствуй, Альбрехт, – расплывшись в приветливой улыбке, сказал Варгас. – Как же я рад встрече!

– И я, – сухо ответил Дюрер, хмуро рассматривая гостя. – Чем обязан твоему визиту?

Тон и взгляд художника немного насторожили Марио. Удивление Дюрера плохо сочеталось с вчерашними словами гонца, который вечером сообщил банкиру, что Альбрехт будет ждать его завтра утром. Возможно, художник просто заработался, решил Варгас про себя, и с былой непринужденностью воскликнул:

– Ну как же? Решил лично навестить старого друга... и доставить ему лекарство от меланхолии! Сколько там времени прошло с нашей последней встречи?

– Почти два года, – нехотя ответил Альбрехт.

– Точно-точно. Тогда ты приехал в Севилью. А в твоей мастерской я, получается, не был уже лет... пять, верно?

– Входи, – с трудом, но все же поняв намек гостя, сказал Дюрер.

Он отступил в сторону, и Варгас, благодарно кивнув, переступил через порог.

За пять лет, минувших с последнего визита Марио, в прихожей ничего особенно не изменилось – разве что доски пола местами сменили на новые, а краску на стенах обновили. А вот в самой мастерской царил настоящий хаос – количество гравюр просто поражало. Марио почувствовал себя ребен-

ком, которого родители привели в магазин сладостей – вертя головой по сторонам, он с интересом рассматривал каждую причудливую работу немецкого дарования.

Дюрер прошел к столу и уселся на лавку. Варгас ждал вопросов о погоде, дороге, здоровье, но художник без пустых прелюдий вдруг выпалил:

– А где ты берешь табако после раздора с Колумбом?

– Торговцы дымом не раскрывают своих секретов, – с вежливой улыбкой ответил растерянный Марио. – Но, могу тебя заверить, что табако этот – высшего сорта. Я изучаю его свойства и опытным путем установил, что лучше всего хранить его не на чердаке, а в подвале. Под раскаленной солнцем крышей он быстро высыхает, а вот в холоде погреба сохраняет свои лучшие качества.

– Кто бы мог подумать, – без тени интереса пробормотал Дюрер, – что с табако все настолько сложно. Учитывая, что его долгие годы курили аборигены Нового Света.

– О, они не так уж и просты, – заметил Варгас. – Все, что касается даров природы, им известно лучше нашего, насколько я могу судить по чужим рассказам. Однако же у нас тут, в цивилизации, даже к дарам природы особый подход... Да и климат в Вест-Индии заметно отличается от европейского.

В прихожей скрипнула дверь, и Марио невольно напрягся – кто бы это мог быть? Однако несколько мгновений спустя Варгас успокоился, увидев Агнес, супругу Дюрера. Бледной

тенью она вошла в комнату и вздрогнула, увидев Марио.

– Приветствую, Агнес! – весело воскликнул банкир.

Супруга Альбрехта, однако, его радости не разделила. Более того, и в голосе, и во взгляде ее было плохо прикрытое раздражение.

– Доброго утра, сеньор Варгас. Альбрехт, будь добр, когда вы... тут закончите, зайти ко мне в кабинет. Нам надо кое-что обсудить... – Женщина опасливо посмотрела на Марио. – По твоему делу.

– Да, конечно, милая, – заверил художник.

Агнес еще раз обожгла гостя недобрым взглядом и скрылась.

– Что это с ней? – негромко спросил Варгас, едва из прихожей донесся звук закрывшейся двери.

– На то есть много причин, – внимательно глядя на банкира, медленно произнес Дюрер. – Но, право, мне не хочется их перечислять. Давай лучше перейдем к делу. Ты привез мне восемь арроба табако, верно?

Недоумевая, что происходит, Марио медленно кивнул. Дюрер, ненадолго задумавшись, снял с шеи ключик и открыл им замок ящика, который после этих нехитрых манипуляций выдвинул из стола. В ящике лежали два кошелья.

– Бери, – сказал Альбрехт. – Я подготовил их заранее. Не думал, правда, что ты сам зайдешь, но...

– Постой-ка, – с долей недоумения произнес Марио. – Но ты же обыкновенно рассчитывался гравюрами?

– Я решил, что деньгами расчитываться проще и правильной, – отчего-то глядя в сторону, ответил на этой Дюрер.

Варгас нахмурился.

– На то есть какие-то причины? Ты не справился с гравюрами? У тебя творческий кризис?

Альбрехт задумчиво посмотрел на гостя.

– Сейчас я кое-что тебе покажу, – произнес он. – Подожди секунду.

Марио кивнул, и художник, встав из-за стола, наклонился и достал из-под лавки нечто, завернутое в грязную тряпицу. Сорвав ее, Дюрер положил на стол новую медную гравюру. На ней был изображен некий футуристический образ – мальчик, парящий по звездному небу, в окружении странных существ. Эта работа показалась Марио слишком необычной даже для Альбрехта, но инициалы «А. Д.», которыми подписывал свои работы Дюрер, тут же приковали к себе его внимание.

– Нравится? – спросил художник, видя, как банкир буквально пожирает глазами гравюру с мальчишкой.

– Я бы сказал «интересно», – уклончиво ответил Варгас.

– А если без виляний? Скажи честно, что думаешь. Я назвал ее «Мальчик в звездах».

Теперь уже Альбрехт пожирал гостя глазами. Марио, поняв, что смолчать или слукавить не выйдет, выговорил:

– Она правда необычная, и... ее будто не ты писал. Нет в ней какой-то... изюминки.

– Мне тоже так кажется, – продолжая неотрывно смотреть на банкира, произнес Дюрер.

Его тон показался Варгасу странным – будто бы где-то там, в фоне, присутствовали нотки едкого сарказма. Не понимая его причин, Марио неуверенно добавил:

– Но все равно, рука мастера чувствуется.

Из груди Альбрехта вырвался нервный смешок.

– Ты же сейчас не всерьез, верно?

– Что ты имеешь в виду? – окончательно растерялся Варгас.

Некоторое время Альбрехт изучал его, словно ждал какой-то определенной реакции, потом многозначительно хмыкнул и произнес:

– Это не моя работа, Марио. Кто-то скопировал мой стиль и сделал эту... бездарную дешевку, да еще и подписал ее моим именем!

– Ого. Мне кажется, когда кто-то начинает повторять за тобой, это говорит о признании мастера, – заметил Варгас, все еще не понимая, почему Дюрер так с ним неприветлив. – Так что, думаю, это повод для радости, а не грусти.

– Возможно. Если только речь не идет о продаже подделок.

И снова – пыливый взгляд, снова ожидание... чего?

– Мне кажется, или ты пытаешься меня... не знаю, спровоцировать? – без обиняков спросил Марио.

– На что спровоцировать?

– И сам не знаю.

– Не знаешь? Или... не хочешь признавать?

– Да боже мой, Альбрехт, почему ты стал изъясняться загадками? – вспыхнул Марио. – Ты в чем-то меня подозреваешь? Ну так скажи прямо, а я попробую ответить.

Дюрер помедлил, видимо, прикидывая, можно ли верить Варгасу или нет, после чего вздохнул и сказал:

– Около трех месяцев назад я получил посылку из Нового Света, от знакомого конкистадора. В посылке находились две мои гравюры... как он считал, но его смутил стиль и нюансы гравюр. Одну ты видел – она на столе. Вторая стоит у стены.

Дюрер указал на другую работу. На ней была изображена голая старуха, которая восседала на козле лицом к хвосту. Четыре ангела-младенца держали животное за ноги.

– Постой-ка, – подойдя ближе и прищурившись, произнес Марио. – Это же «Ведьма, сидящая на козле задом наперед». Ты оплатил табак в том числе и этой гравюрой, в прошлый твой приезд в Севилью! И она хранится у меня дома!

– В том-то и дело! – воскликнул Дюрер. – Когда я увидел «Ведьму», сразу подумал, что ты продал ее Колумбу. Однако же, присмотревшись, я понял, что эта работа – лишь достаточно неплохая подделка, не более: многие детали не совпадают с моим оригиналом. Но как кто-то мог даже скопировать «Ведьму», если она хранится у тебя дома, задумался я...

– ...и решил, что эта подделка сделана с моего одобре-

ния, – закончил за него Варгас. – Теперь я понимаю, с чем связан твой тон... в письме и сейчас...

– Я надеюсь, ты можешь объяснить мне, как так вышло, Марио, – попросил Альбрехт. – Я все эти годы доверял тебе, но эта гравюра, пришедшая из Нового Света, будто... будто выбила у меня почву из-под ног!

– Понимаю, как это выглядит, Альбрехт. Понимаю, – со вздохом сказал Варгас. – Но объяснений у меня нет. Возможно... возможно, кто-то из слуг во время моего отъезда пускал в мой дом создателя этих копий? Не знаю, что и сказать.

Все то время, что банкир пытался сбивчиво объяснить, Дюрер смотрел на него с надеждой. Взгляд художника буквально вопил – ну же, старый друг, убеди меня, что ты тут ни при чем!

Но у Марио правда не имелось аргументов. Гравюра хранилась у него в кабинете, и скопировать ее, не побывав у банкира дома, не было никакой возможности.

– Слуга пускал кого-то... Ты не уверен в своих слугах? – спросил художник наконец.

– Уверен, но... Какое еще может быть объяснение? Ты волен мне не верить, безусловно, но подлость лжи в том и состоит, что ее нельзя заявить заранее!

Дюрер отступил к скамье и без сил опустился на нее. Повернув голову, художник посмотрел на «Мальчика в звездах», взял ее в руку, усмехнулся и бросил гравюру обратно на стол.

– Конкистадор говорит, что Колумб продал уже десятки, если не сотни, гравюр жителям Нового Света. Мой друг не уточняет, что на них изображено. Может статься, они подобны этому «Мальчику в звездах» – глупейший замысел, упакованный в мой узнаваемый стиль и подписанный моим именем. Но, может, там есть и копии других моих гравюр. Пока я могу только гадать об этом. Но я намерен пойти до конца.

– Что ты имеешь в виду? – выгнул бровь Марио.

Их с Дюрером взгляды встретились.

– Я хочу найти этого жалкого подражателя и судиться с ним, – тихо, но твердо сказал Альбрехт. – Хочу, чтобы он понял – если ворует у Дюрера, жди апокалипсис. Я полагаю, мастер находится в Севилье или окрестных землях, поэтому прошу тебя помочь мне с поиском. Ты ведь не откажешь?

Под вопросительным взглядом художника Марио медленно кивнул и ответил:

– Помогу, чем смогу, старый друг.

Банкиру почудилось, что мальчик на гравюре, лежащей на столе, хитро улыбнулся на этой фразе, но в следующий миг стало понятно, что это лишь причудливая игра света.

Глава 19

Кошмар наяву

2024 г.

Утро выдалось нестерпимо жарким; на море царил штиль без любого, даже робкого намека на ветер, и выходить на веранду из прохладной виллы продавцу дыма совершенно не хотелось.

Пар от кофе и дым от сигары сплелись в причудливом танце над столом под мерное рычание кондиционера на стене, неустанно вырабатывающего спасительный холод. Расстегнув пуговицу рубашки, Санчес откинулся на спинку кресла и подумал, что сегодняшнее неторопливое утро решительно контрастирует со вчерашним днем, который выдался на редкость насыщенным.

Первую его половину Луис занимался оформлением документов для Джонсона: стервятник постоянно торопил Санчеса, чем несказанно раздражал. После, порядком заведенный, Луис поехал на китайскую стройку и там долго ругался с высокомерным инженером Ксингом, который отчего-то решил, что его посредничество заслуживает большего вознаграждения. Санчес прямо сказал этому зарвавшемуся мандарину, что уже завтра он найдет еще с десятков людей на его место – причем за «гонорар» вдвое скромней нынешнего. Так же Луис подчеркнул, что Ксинг может быть самым талантливым инженером на свете, но это вовсе не значит, что его труд посредника между Никарагуа и Китаем должен оплачиваться по столь же высокой ставке.

Надо было видеть лицо азиатского засранца, когда Санчес высказал ему все это прямо в лицо. Продавец дыма в тот мо-

мент подумал даже, что Ксинг взорвется и наконец признается собеседнику, какого он на самом деле мнения о нем. Однако, поскольку перепалка их происходила на улице, и мимо туда-сюда сновали рабочие, инженеру хватило ума просто стиснуть зубы, попрощаться с Луисом и уйти восвояси.

Ничего, рассудил продавец дыма, отправляясь в обратный путь. Если Ксинг не совсем идиот, он больше не доставит Санчесу проблем.

Идти мимо столовой Джи и не зайти внутрь было странно, но Луис в очередной раз справился с этой вредной привычкой. Прошлому лучше оставаться в прошлом – это касается как мертвых, так и живых.

Глядя на окна столовой, Луис в очередной раз удивился, насколько же верно правило: «доведя женщину до оргазма, не думай, что ты ее удовлетворил». После того, как Санчес нашел хьюмидор с Чавесом на подоконнике Уго, Джи пару раз звонила ему, но он не брал трубку, и она перестала – видимо, к тому моменту майор уже все ей рассказал.

Будь Луис ей по-настоящему дорог, вероятно, китаянка поступила бы иначе.

На обратном пути со стройки Санчеса настиг звонок Джонсона, и пришлось вернуться в офис, чтобы доделать документы по отгрузке сигар в США – проклятые бюрократы из департамента FDA, контролирующей импорт табака в Америку, буквально вчера выплюнули очередную директиву, чтобы усложнить и без того несладкую жизнь сигарного

бизнеса охапкой бесполезных документов.

Лишь когда поздно ночью Луис наконец вернулся домой, принял душ и, наспех поужинав, завалился в кровать, мироздание сжалилось над ним и позволило провалиться в сон практически сразу, как небритая щека коснулась холодной наволочки подушки.

Теперь, в жарком неспешном утре, вчерашняя суматоха казалась не более реальной, чем дым под потолком. Не более реальным, чем образы с картины Дюрера на стене – мальчик, лестница и летучая мышь.

Реальным была только сигара в руке и кресло под Луисом. Возможно, кофе в чашке, наполняющее комнату чарующим ароматом. Совершенно точно – дневники Марио Варгаса, дряхлая обложка которых практически сливалась с древесиной стола. Фоном играла опера «Кармен», которая контрастировала с картинкой безмятежного океана за стеклянной дверью террасы.

Казалось, ничто не может нарушить эту идиллию утомленного жарой утра... как вдруг из прихожей послышался стук.

Санчес бросил взгляд на часы. Кого это принесло в такую рань? Охранники и прочие службы отеля обычно пользовались телефоном или, реже, мобильную связь. Но телефонный аппарат на столе и наушник в ухе не подавали признаков жизни.

Возможно, это кто-то из соседей... например, Уго? Хо-

тя он, как говорят знакомые, временно перебрался в Эстели, сигарную столицу Никарагуа, чтобы там найти сигарного простофилю для своей безумной затеи...

Когда стук повторился, Луис поднялся из кресла и отправился в прихожую.

Стоило открыть дверь, и поток жаркого воздуха ударил в лицо. Хуже того, на пороге стоял не сотрудник отеля или охранник, а самый настоящий офицер полиции в рубашке. Сквозь промокшую ткань проступала татуировка на плече но контуры были нечеткие. За спиной полицейского стояла, мерцая маячком на крыше, жандармская машина.

Внутри у Санчеса похолодело. Тут же ледяной волной накрыло прошлое – Мадрид, раннее утро, «здравствуйте, сеньор»...

– Здравствуйте, сеньор, – словно прочтя мысли Луиса, поприветствовал его полицейский. – Офицер Перес. Как я могу к вам обращаться?

– Дон... дон Санчес, – выдавил продавец дыма. – А что случилось?

– Пожалуйста, пройдемте со мной, – тихо, но твердо сказал офицер.

Ощущение тревоги только усилилось.

– А куда? Надо ли мне брать с собой какие-то... вещи? – глядя на лицо полицейского, покрытое испариной, спросил Луис.

– Разве что шляпу, – подумав, ответил полицейский.

Санчес кивнул и хотел закрыть дверь, но Перес придержал ее.

– Не стоит, сеньор.

Луис недоуменно уставился на раннего гостя. Он что, боится, что Санчес... сбежит?

Спорить с полицейским в столь непонятных обстоятельствах не хотелось. На негнущихся ногах Луис прошел в спальную и взял с полки парусиновую шляпу, чтобы хоть как-то защитить голову от палящего солнца.

Стоило на миг закрыть глаза, и перед внутренним взором появилась до боли знакомая картина – проклятый перрон проклятого мадридского вокзала...

Луис мотнул головой.

Паническая атака сейчас будет совсем уж лишней.

Обув мягкие туфли, Санчес вернулся в прихожую:

– Я готов. Документы брать?

– Пока не нужно.

Перес отклеился от дверного косяка, который подпирал плечом, и вышел. Луис последовал за ним.

Жаль, что едва начатую сигару пришлось оставить умирать в пепельнице, с грустью подумал Луис, щурясь от яркого солнца.

Во дворе перед главным домом «Мукуля» где располагались ресепшен и ресторан, толпились люди. Луису показалось, что он разглядел среди зевак лысеющую макушку Хосе, но он не был уверен в этом.

– Следуйте за мной, сеньор, – одернул продавца дыма полицейский.

Не обращая внимания на зевак, провожающих шепотом и тревожными взглядами, они дошли до обрыва и начали спускаться по каменной лестнице. Уже на полпути Луис заметил пяточок берега, огороженный по периметру ярко-желтой лентой. На песке в неестественной позе неподвижно лежал человек.

– Это кто? – дрожащим голосом спросил Луис.

– Его личность устанавливают прямо сейчас. Пока могу сказать только одно: на самоубийцу этот парень не похож.

Санчес про себя согласился, что довольно трудно убить себя со связанными за спиной руками и пакетом на голове.

– Сеньор, не отставайте, – поторопил его Перес. – Нас ждет детектив.

Санчес кивнул и прибавил шаг. С каждой преодоленной ступенькой чувство тревоги только усиливалась, но Луис старался не показывать этого офицеру.

Кто там, лежит, на песке? Кто-то из работников плантации? Охранник «Мукуля» (боже, хоть бы не Хосе!..)?

Рядом с трупом стояли несколько человек в распахнутых рубашках, красные от жары – видимо, это были другие постояльцы отеля, которых выдернули из уютной прохлады их домов, чтобы опросить на месте преступления. С некоторыми из них беседовали полицейские, одетые точь-в-точь, как Перес, сопровождающий Луиса на берег. Казалось, что Бог,

пораженный случившейся трагедией, поставил время на паузу – зеркальная гладь океана идеально ровная, ветра по-прежнему нет, а чайки с пеликанами в своем беззвучном парении превращают звенящую тишину в зловещую.

Чем ближе был очерченный лентами полиции алтарь, тем сильнее удары пульса в висках напоминали Санчесу набат. Вот они остановились в нескольких футах от покойника. Не успел Луис перевести дух, как под ленту поднырнул мужчина в рубашке с медицинскими шевронами на плечах и медицинской маске. Наверное, это судмедэксперт, успел подумать Санчес, прежде чем мужчина наклонился, взмахом руки согнал ленивых от жары мух и стянул пакет с головы покойного.

Земля пошатнулась под ногами Луиса, когда он увидел окровавленное лицо убитого, перекошенное гримасой боли и ужаса.

Это был Ксинг, китайский инженер, которого Санчес вчера был готов прибить за непомерную жадность.

Готов был прибить... но не прибил. Ведь правда? Правда? Луис точно уехал вчера и ничего не делал китайцу! Черт, он даже руки ему не пожал перед уходом!

– Здравствуйте, дон Санчес, – послышался сбоку знакомый голос.

Повернувшись, Луис растерянно уставился на Франко. Он стоял рядом с подтянутым смуглым парнем с коротко стриженными темными волосами.

Наверное, это и был детектив, о котором говорил офицер.

– Здравствуй, Франко, – вяло ответил продавец дыма. –

Что произошло?

– Никто... ничего толком не знает, сеньор, – тяжело дыша, ответил охранник. – Этого парня нашли тут на рассвете.

Один из постояльцев вышел на утреннюю пробежку и сразу сообщил нам... мы вызвали полицию.

– Позвольте, сеньор, – вклинился в разговор Смуглый. – Так это вы – дон Санчес? Луис Санчес?

– Да, это я.

– Детектив Домингес. – Смуглый прищурился и мотнул головой в сторону трупа. – Вам случайно не знаком этот человек, дон Санчес? Его имя... – Офицер сверился с планшетом в руке. – Ксинг. Он работает... работал на строительстве канала. Был инженером.

– Знаком, – одними губами ответил Луис.

– Вы ведь вчера заезжали на стройку, верно?

– От... откуда вы знаете? – цепенея от удивления, пробубнил Санчес.

– Это я им сказал, сеньор, – вставил Франко. – Вчера, выезжая из отеля, вы обмолвились, что поедете туда.

– Ну, допустим, я там был.

– Допустим, были. – Смуглый сделал пометку в своем планшете. – Далее. Сменщик Франко, Хосе, сказал, что вы приехали в «Мукуль» довольно поздно и были как будто... чем-то расстроены.

– Чем-то расстроен? Это Хосе так сказал? – удивился Санчес.

Смуглый проигнорировал вопрос продавца дыма и спросил:

. Согласно журналу, это было в одиннадцать ноль семь, верно?

– Да, возможно... Я не помню настолько точно.

– А во сколько вы покинули стройку?

– Не помню. Около четырех.

И снова палец Смуглого заскользил по планшету. Судмедэксперт, вынырнув из-под ленты, подошел к офицеру и, наклонившись к уху, что-то прошептал. Смуглый исподлобья посмотрел на Луиса:

– Сеньор, наш криминалист хотел бы осмотреть вашу машину, если вы не против.

– За... зачем? – растерянно спросил Санчес.

– Он считает, что этого мужчину убили в другом месте, а потом сбросили сюда. При этом от него пахнет бензином и... табаком. А вы, насколько я знаю, являетесь табачным магнатом?

Франко закивал, будто вопрос был адресован ему, и промокнул вспотевший лоб платком. Луис же украдкой ущипнул себя за ногу через подкладку брюк. Не помогло: проклятый кошмар все не кончался.

Кто бы мог подумать, что утро, начавшееся кофе, сигарой и «Кармен», закончится вот так – пляжным допросом рядом

с трупом, под беспощадными лучами солнца?..

– Лучше вам, конечно, сотрудничать со следствием, дон Санчес, – доверительно сказал Смуглый. – В конце концов, вы ведь знали этого парня и были на стройке вчера, когда он еще был жив.

– Как будто я один был на той стройке!.. – с трудом сдерживая раздражение, сказал Луис. – Да там работают тысячи китайцев!

– Но не у всех из них есть машина и доступ в «Мукуль», сеньор, – пожал плечами офицер. – Так что, сеньор, вы позволите нам осмотреть пикап?

– Да... да, конечно, – вздохнув, ответил Луис. – Пойдемте вверх.

Они – смуглый офицер, судмедэксперт, Франко и Луис – медленно побрели обратно к вилле, с трудом преодолевая ступеньку за ступенькой раскаленной каменной лестницы. Мысли, одна темней другой, словно всадники Апокалипсиса с гравюр Дюрера, несли его к чему-то неведомому, но точно не сулящему ничего хорошего.

Ксинг мертв. Его убили. Убили где-то за территорией отеля, привезли сюда и сбросили с обрыва.

Но кто? И зачем? И почему именно здесь?

Чтобы подставить... меня?..

И, черт возьми, конечно, от Ксинга пахнет табаком – он ведь его курил и продавал! Но стоит ли об этом говорить полицейским? Вопрос на миллион...

Четверо поднялись наверх и подошли к пикапу Луиса, припаркованному у его дома.

– Вы можете убрать брезент с багажника? – тут же попросил Смуглый.

Просьба была немедленно выполнена. Луис откинул брезент в сторону... и замер, увидев на дне багажника засохшие пятна крови.

Луис сунул дрожащую руку в карман, чтобы достать платок и промокнуть пот, струящийся из-под шляпы на лоб и шею.

Смуглый офицер отреагировал на действия Санчеса странно и резко – выхватив пистолет, он направили его на продавца дыма и сказал:

– Пожалуйста, держите руки на виду, сеньор!

Санчес медленно поднял руки вверх.

Судмедэксперт подступил к багажнику и, прищурившись, стал изучать кровь на металле через увеличительное стекло.

– Дон Санчес, – испуганно пробормотал Франко. – Скажите, что это неправда. Пожалуйста, скажите, что это не то... что это не его кровь у вас в пикапе! Молю вас, сеньор!

Санчес не успел ответить охраннику: Смуглый, подойдя, завел руки продавца дыма за спину и надел на него наручники.

– Вы задержаны по подозрению в убийстве, сеньор, – сказал офицер. – Вы имеете право хранить молчание...

Он говорил что-то еще, но Луис быстро перестал слушать.

Шагая к полицейской машине, Санчес думал лишь о том, как бы проснуться.

Ведь творящийся вокруг бред не мог происходить на самом деле.

Ведь правда же?..

Глава 20

Подделка

1506 г.

– Заседание суда объявляю закрытым, – монотонно пробубнил испанский судья Милиато, почтенный старец в засаленном парике и серыми усталыми глазами стукнул молоточком по трибуне.

В Севилье был июнь – чудесная пора, время обильных солнечных ванн, когда легкий ветерок доносит до усталого горожанина желанную прохладу.

Тем странней было проводить столь чудесный летний день на площади, созерцая суд между мастером и талантливым ремесленником, которым возомнил себя равным ему.

По крайней мере, в вопросах получения прибыли.

Оппонентом Альбрехта Дюрера был некто Гарсия Рухес – малоизвестный севильский гравер, человек, не особенно похожий на художника. Лощенный, манерный, с щегольской бородкой и вечной полуулыбочкой, он больше смахивал на

севильского модника-горлопана, привыкшего больше рассказывать о своих талантах, чем применять их в деле.

Однако же его руки выдавали ремесло Рухеса – они были покрыты мелкими шрамами и царапинами, как и приличествует настоящему граверу. Но каждая отметина окупилась сторицей: Марио слышал, что Гарсия продал не менее трех сотен гравюр с инициалами Дюрера, а сколько их было всего, банкир и представить не мог.

Загадкой осталось и то, каким образом к нему попала гравюра из дома Марио – «Ведьма, сидящая на козле задом наперед», которую банкир хранил в своем кабинете. Никто из слуг так и не сознался в том, что «продал» ключ от дома Варгаса, да и улики у банкира не было.

Суд внимательно изучил копию и оригинал гравюры, оценил все доводы Дюрера и Рухеса... и вынес неоднозначный вердикт: Рухесу отныне и впредь запретить подписывать гравюры инициалами «А. Д.» – а Альбрехту отказать в компенсации.

Само собой, что такое решение Милиато вызвао совершенно праведный, на взгляд Варгаса, гнев.

– Это немислимо! – прорычал немец, после закрытия заседания подойдя к Марио. – Получается, он может и дальше копировать мои гравюры, только не подписывать их моим именем? Уму непостижимо!

– Не знаю, что и сказать, – честно признался Варгас.

Решение суда действительно казалось странным. А глум-

ливая улыбочка Рухеса наводила на мысль, что Фемида в лице судьи Милиато на сей раз была не так уж и беспристрастна.

Впрочем, опротестовать решение суда тем же днем все равно не представлялось возможным, и потому Марио утащил Альбрехта в ближайший пристойный трактир и стал поить вином, чтобы отвлечь от грандиозного фиаско. Уже сидя за столом, художник продолжал хаять нечистого на руку гравера:

– Подумать только, а ведь когда-то этот мерзавец Рухес гостил у меня дома! – воскликнул художник. – Причем дважды! Видел бы ты Агнес, когда она узнала, кто именно скопировал мои гравюры!.. Будь она здесь, видит Бог, она бы просто... просто убила бы этого негодяя на месте!

– В мире, где торжествует справедливость, жадность стала бы кратчайшим путем к бедности, – грустно заметил Марио.

– Как жаль, что в нашем мире торжествует жадность! – в сердцах сказал Альбрехт.

Несмотря на то, что Альбрехт явно находился не в лучшем расположении духа, наблюдать за ним Марио было приятно. Во-первых, они не виделись около двух лет. А, во-вторых, меланхолия, которая губила Дюрера, с годами практически сошла на нет или, по меньшей мере, стала почти незаметна. Из сублильного напуганного жизнью юноши он превратился в уверенного в себе мужчину, хотя телосложение его практически не претерпело изменений. Да, руки немного

окрепли, спина выпрямилась, но главную метаморфозу хранили в себе глаза.

Некогда затянутые маревом сизого дыма тоски, теперь они горели жизнью, и это несказанно радовало Марио.

Выплеснув гнев, связанный с несправедливым решением судьи, художник пригубил вина из бокала. Варгас воспользовался заминкой и спросил:

– Ну что, может, наконец расскажешь, как ты сумел разоблачить Рухеса?

– Тому виной, мой друг, все та же пресловутая жадность, – с кривой улыбкой отвечал Альбрехт. – Прежде всего я нанял одного севильского пройдоху, чтобы поспрашивал, где можно приобрести гравюры известного Нюрнбергского мастера. То, что ищу поддельного Дюрера, я, разумеется, не уточнял. – Художник сморщился в негодовании и отпил вина. – Денег пообещал выше, чем умеренно, но не слишком – чтобы не спугнуть. В итоге пройдоха свел меня с некоей Мартой, которая и продала мне еще одну мою-немою картину Святого Иеронима в келье. Стиль был идентичен фальшивкам, которые я демонстрировал в твой приезд в Нюрнберг...

Марио уважительно хмыкнул – он и подумать не мог, что Альбрехт обладает таким недюжинным умом. Впрочем, банкир тут же предположил, что идеи могли исходить от севильского пройдохи, который явно поднаторел в скупке и продаже краденных вещей и фальшивок.

А Дюрер тем временем продолжал:

– Поняв, что это тот же самый мошенник, я попросил пройдоху разузнать про эту Марту. Выяснилось, что она является кузиной Гарсии Рухеса... а не его супругой, как я сначала предположил, решив ненароком, что мерзавец решил повторить мою жизнь до деталей! И после этого я вспомнил, что Гарсия дважды бывал у меня проездом и много расспрашивал об искусстве работы с медью.

– Надо же. И что ты предпринял? Подал в суд?

– О, не сразу. Сначала мой слуга наведалься домой к Гарсии и застал его в мастерской, среди гравюр, очень похожих на мои собственные. Две из них он убедил продать якобы для своего хозяина – не спрашивай, за какие суммы, они даже тебя, уверен, повергнут в шок. Эти гравюры я впоследствии передал суду для сравнения с моими. И они, как видишь, признали факт копии... но ничего не стали делать. Возможно, потому, что Рухес отдал им полученный от меня гонорар. Такая вот злая ирония, мой друг.

Альбрехт снова выпил вина, а Марио, нахмурившись, пробормотал:

– История невероятная, признаться. Но ты, похоже, так и не смог узнать, кто пустил их в мой дом?

– Ты знаешь, я впоследствии отказался от этой мысли – когда узнал, что речь идет о Гарсии, – признался Альбрехт. – Если мне не изменяет память, во время его последнего визита в мою мастерскую я как раз работал над «Ведьмой».

И, вполне возможно, что он украдкой скопировал ее, когда учился у меня мастерству.

– Каков негодяй, – только и сказал Варгас.

Дюрер усмехнулся, кивнул и, грохнув бокалом о стол, сказал:

– Ладно, пусть с ним, с Рухесом. Скажи лучше, что нового происходит у вас в Севилье? У тебя самого? Сколько мы не виделись? Два года? Три?

Торговец дыма лишь тяжело вздохнул. Со времен их последней встречи в Нюрнберге он погрузнел еще больше и обленился настолько, что в последнее время практически не покидал Севилью. Последним путешествием Марио стала поездка в Вальядолид, где Варгасу довелось в последний раз пообщаться с еще одним старым другом...

– Колумб умер, – негромко сказал банкир.

Дюрер, заслышав это, на несколько мгновений превратился в персонажа с одной из своих гравюр – сидел неподвижной, с бокалом в руке, и оторопело взирал на Варгаса.

– Как... – выйдя из оцепенения, прошептал художник. – Когда?

– Буквально две недели назад. Ты, верно, слышал, он был сильно болен...

Альбрехт закивал.

– И вот, примерно в середине мая его не стало. Я думал написать тебе, но быстро понял, что ты все равно скоро окажешься в Севилье, и мы с тобой поговорим об этом, так или

иначе.

– Я понял, – произнес Альбрехт. – Прискорбно слышать.

– Увы, это было, пожалуй, неминуемо, – вздохнул банкир. – Перед четвертой экспедицией он по-прежнему считал себя великим первооткрывателем, хотя давно уже не совершал путешествий более продолжительных, чем от дома до ближайшего трактира. Притом обратная дорога после нескольких кувшинов вина вполне могла сравниться со странствием к далеким берегам Нового Света.

– Все так, – кивнул Дюрер. – Когда мы виделись с ним в последний раз – тогда, у тебя в кабинете, он показался мне... призраком.

Марио медленно кивнул. Примерно те же мысли посещали банкира, когда он сидел у ложа Христофора и с болью в сердце смотрел на умирающего старого друга. Колумб уже ничем не походил на того неумного мечтателя, с которым банкир в свое время отправился в Нюрнберг. Четыре экспедиции в Новый Свет начисто смыли с лица усталого путешественника задор былой жизни. А ведь Марио хорошо помнил, с каким воодушевлением его друг рассматривал карту Тосканелли и мечтал найти короткий путь в Индию.

В те мгновения Христофор напоминал ребенка, который рассматривал новую желанную игрушку. Сейчас же на кровати перед Марио лежал немощный старик. Высохшие бледные пальцы путешественника вцепились в простынь – так утопающий в море цепляется за обломок мачты, чтобы не

пойти на дно.

– На его похоронах были только я и слуги, – дрожащим от переизбытка эмоций голосом сказал Варгас. – И, признаться, такая бесславная кончина представляется мне величайшей несправедливостью. Девять лет назад жители Арагона и Кастилии встречали процессию во главе с Христофором овацией. А умирал Колумб, по сути, в одиночестве.

– Это печально, но, увы, объясним, – заметил Дюрер. – Уж простите, но он был совершенно несносен в нашу последнюю встречу.

– Тому виной множество обстоятельств, – довольно холодно заметил Марио.

– Которые, увы, теперь не важны, – со вздохом добавил Дюрер. – Прости, если мои слова обидели тебя или огорчили. Скажи, если это не тайна... о чем вы говорили с ним в последние дни?

– Уже нет, – со вздохом ответил Варгас. – Разбитый болезнью, Христофор особенно много сетовал на судьбу, которая так и не позволила ему обогатить Арагон и Кастилию и золотыми буквами вписать свое имя в мировую историю – как он, безусловно, мечтал. Досталось и карте Тосканелли, оказавшейся практически бесполезной. Да даже... – Марио понизил голос. – Даже их Величествам Фердинанду и Изабелле, за их нетерпеливость и переменчивость.

– Да, не представляю даже, до чего это обидно – совершить путешествие всей жизни, смертельно в нем заболеть, –

пробормотал Дюрер, – а после, умирая, осознать, что остров мечты оказался... допустим, пятном от пролитого на карту вина.

– Пусть так. Но, все же, путешествия были нужны Христову, как воздух, – заметил Марио. – Здесь, на большой земле, он изнывал от бесполезности – и моментально расцветал, когда появлялся хоть малейший шанс отправиться навстречу неизведанному. К очередным далеким берегам, окутанным дымом загадочности, в надежде, что они окажутся раем обетованным. Когда он слег в кровать, стало ясно, что последний шанс прославиться упущен, жизнь кончена, и новых путешествий уже не предвидится. Потому, возможно, он и продержался так недолго.

Утомленный рассказом, Варгас пригубил вина, а Дюрер, рассеянно глядя перед собой, произнес:

– Наверное, это прозвучит странно, но, мне кажется, после случая с Рухесом, я понимаю Колумба лучше, чем прежде. Когда ты всю жизнь с переменным успехом борешься с тьмой всемирного безразличия, проиграть ей – ужаснейший финал. А если на службе у тьмы оказываются еще и мошенники, которые не прочь присвоить себе чужой, пусть незначительный, но успех, сражаться с забвением становится еще трудней. Лишиться всех титулов, лишиться заслуженной славы – разве это не худший исход для путешественника-первооткрывателя?

– А для творца – какой наихудший страх? – спросил Ма-

рио. – То, что на его имени наживается кто-то другой? Что ты знаешь о фальшивках, но ничего не можешь сделать, чтобы остановить мошенников?

– Это все, бесспорно, разочаровывает, но все же не настолько, – с горькой усмешкой сказал Дюрер. – На самом деле, больше всего я боялся того, что меня запомнят не по моим настоящим работам, а по подделкам Рухеса, подписанным моими инициалами. И по ним же будут судить о том, каким художником я был. Этот страх едва не вверг меня обратно в меланхолию – ведь если все, что ты делаешь, неважно, зачем это делать?

– Как трудно мне понять вас, людей художественного ремесла, – мягко улыбнувшись, сказал Марио. – Мы, банкиры, в отличие от вас, не хотим, чтобы наши имена становились частью истории. Мы делаем свою работу и признания совершенно не ищем.

– Агнес похожа на тебя, – сказал Дюрер. – Она тоже не ищет славы. Ей важны лишь деньги. И это не плохо, не хорошо – это просто есть. Чья-то цель – выгода, а моя – открыть свой внутренний мир людям и сохранить себя в моих гравюрах, поделиться частичкой души, если позволишь. Если же моими будут считаться гравюры Рухеса или иных мошенников, значит, и мой истинный мир люди никогда не знают. Понимаю, как мудрено это звучит, но проще выразиться не могу.

– И не нужно, – покачал головой Марио. – Ведь эта ре-

акция – она тоже часть твоего внутреннего мира. И я очень горд, что ты, мой друг, делишься этим миром со мной.

Он поднял бокал, и Дюрер последовал его примеру. Со звоном их посуда встретилась над столом.

Они не просидели в трактире долго – усталость от судебных тяжб взяла свое. Попрощавшись с Дюрером и пообещав встретиться с ним назавтра, Варгас отправился домой, где с удовольствием раскурил трубку и заполнил дневник, аккуратно записав в него свою интерпретацию событий ушедшего в небытие дня. В ходе работы Марио посетила любопытная мысль – не мог ли Рухес работать с Колумбом по тому же принципу, по которому сам Варгас работал с Альбрехтом, то есть обменивая гравюры на табако? В принципе, идея сбывать гравюры в Новом Свете принадлежала именно Христофору...

Хоть это была лишь смелая догадка, не имеющая под собой никакой почвы, Марио пообещал себе вернуться к ней завтра и еще раз хорошенько все обдумать.

Убрав дневник и писчие принадлежности в стол, Варгас отправился ко сну. С точки зрения нынешнего, тучного, Марио, день выдался богатым на события и очень утомительным.

И тем странней, что ночью Марио едва смог уснуть, а когда все же погрузился в сон, ему приснился майский визит в Вальядолид, к умирающему Колумбу. Варгас снова сидел подле кровати на стуле и взирал на старого друга.

– Так тяжело смириться с тем, насколько все это было... бессмысленно, – с трудом выговорил Христофор. – И никому уже теперь нет дело до меня...

Колумб нашарил руку Варгаса и сжал ее в своей.

– Не кори себя, – мягко произнес банкир. – По крайней мере, ты хотя бы попробовал. Другие не делают и того.

– Но разве мои попытки что-то значат? В истории я останусь, как фигляр, неудачник... не путешественник, а подделка, как и те побрякушки, которые так любили туземцы Нового Света. Что полезного я сделал за эти пятьдесят с лишним лет?

– Ну, по крайней мере, ты открыл табако, – заметил Марио.

Пальцы Колумба в этот миг ослабли и соскользнули с руки Марио.

– И это все, что останется от меня – пепел и дым... – пробормотал Колумб.

Он больше не проронил ни слова – смежил веки и спустя час перестал дышать совсем.

Поняв, что Христофор оставил этот мир, Варгас, с тоской посмотрев на друга, нашарил его холодную руку и на прощание крепко сжал ее в своей. Умом банкир понимал, что потерял Колумба намного раньше, но именно сейчас была поставлена последняя точка в их долгой истории дружбы.

Все, что осталось Марио – это зыбкие, как дым, образы прошлого, где они с Христофором были рады каждой мину-

те, проведенной вместе.

Глава 21

Допрос

2024 г.

Тишина.

Нет ничего хуже тишины в ожидании.

Ждать, не представляя, сколько времени это продлится, терять темп времени, терять саму реальность происходящего, потому что у тебя забрали мобильник, часы, а окон в допросной не предусмотрено, и вокруг тебя только холодный камень, со всех сторон. Единственный источник света – лампа под потолком, которая противно жужжит, и это жужжание складывается в одно бесконечное повторение слова «жди».

«ждидждидждиджди...»

Отчего-то этот рой в голове необъяснимым образом напомнил Санчесу о Жи. Почти как в жизни – буквы те же, но смысл давно поменялся. Раньше в этих трех буквах был весь мир Луиса, но теперь их звучание только раздражало.

Дверь распахнулась, заставив Луиса вздрогнуть. За время проведенное, в безлюдном допросном каземате, он уже как будто привык к тому, что мир вокруг совершенно ста-

тичен. Исключением было только разжигаемая жужжанием электрического света жажда табачного дыма.

– Не уснули еще? – спросил детектив Домингес, входя в комнату. – Думал, бессонна ночь вас утомила.

– День вчера был непростой, вы правы, – согласился Луис. – Но по приезду я принял душ и лег спать.

– И что, ни одного, даже самого крохотного мертвого китайского инженера на пляж не оттаскивали? – бросив на стол тонкую синюю папку, иронично прищурился Домингес.

Он опустил на стул и с улыбкой уставился на Луиса. Его сарказм пугал продавца дыма, усиливая осознание беспомощности. Как себя вести с таким едким детективом? Отвечать в тон – значит, выставить себя нелюдью, которая насмехается над убийством. Оправдываться – значит, по логике следователя, всего лишь увилить от признания вины.

Луис хорошо помнил допросы в Мадриде. Те самые, которые проводил Уго и другие его коллеги. С родственниками погибших тогда особо не церемонились – ведь среди них потенциально могли быть «пособники террористов».

Что уж говорить про нынешнюю ситуацию, когда все улики говорили о том, что Луис – главный подозреваемый в убийстве. Будь на его месте кто-то из никарагуанских бедняков, его, возможно, просто бросили бы за решетку, без всяких допросов и прочей формальной суеты.

Однако же Санчес не был типичным никарагуанцем – учитывая объемы его табачного производства и паспорт Ис-

пании – и потому, наверное, с ним все еще общались по-человечески.

– То есть говорить не хотите, – отвлекая Луиса от мыслей, сказал Домингес. – Что ж, ожидаемо.

Он открыл папку и добавил, не поднимая глаз:

– Нам стало известно, что у вас с инженером Ксингом произошел конфликт.

Внутри у Луиса похолодело. Значит, кто-то из строителей, видевших ссору, донес о ней в полицию. Но без китайского начальства и переводчика они вряд ли смогли бы это сделать...

Или все же могли?

– Сотрудница столовой видела вашу перепалку с инженером.

Луис застыл. Он, конечно, предполагал, что судьба иронична, что весь мир – это одна большая игрушка бога, созданная, чтобы ему веселее было коротать бесконечность времени... но как так вышло, что свидетелем их с Ксингом ссоры стала именно Джи?

– Это Джи? Она вам сказала?

– Простите, тайна следствия, – с наглой улыбкой ответил Домингес. – Но, судя по вашей реакции, конфликт и правда был?

– Следующий вопрос, – пробормотал Луис.

– Серьезно? – усмехнулся детектив. – Здесь вам что, пресс-конференция? Или телевикторина? Вы человека уби-

ли, а теперь – «следующий вопрос»?!

Санчес испуганно смотрел на Домингеса, который, кажется, готов был наброситься на него с кулаками.

И что я могу ответить этому куску идиота?

– Я... никого не убивал.

– То есть вы просто поругались с инженером, ушли, потом нашли его бездыханное тело, погрузили в багажник автомобиля, накрыли брезентом, чтобы не привлекать внимание, привезли в отель и сбросили с обрыва? Ах да, еще пакет ему на башку надели и руки связали за спиной... Или вы нашли его в таком виде посреди стройки? Или, может, по пути домой?

В ответ на этот тираду растерянный Луис лишь повторил:

– Я... никого... не убивал.

Смуглый закатил глаза, покачал головой.

– Вы понимаете, что у меня на весь ваш вчерашний чертов день, кроме момента с убийством, есть свидетели? Например, ваши соседи видели, как человек, похожий на вас, посреди ночи тащил что-то тяжелое к обрыву...

– И зачем мне тащить труп на пляж? Зачем вообще привозить его в отель? Какой в этом смысл?

– Так это вы мне расскажите, в чем был ваш умысел, дон Санчес, – облокотившись на стол, сказал детектив. – Вы не хотите жить? Мечтаете, чтобы вас расстреляли?

– Рас... что? В Никарагуа давно отменена смертная казнь!

Домингес расплылся в улыбке.

– А, так вот в чем дело. Вы просто не знали. Жаль вас расстраивать, но с недавних пор наше любезное правительство, видимо, под нажимом больших боссов из Поднебесной, решило, что задействованные на строительстве канала китайцы нуждаются в дополнительной защите от саботажников этого инновационного проекта. И вернуло смертную казнь. Насколько я слышал, представители КНР безмерно благодарны нашему правительству, более того – они считают возвращение смертной казни залогом дружбы двух стран.

– Вы шутите, – растерянно прошептал Луис.

– Да уж какие тут шутки! – Детектив усмехнулся. – Пандемия спровоцировала рост преступности, Китай подбросил угля в топку – и вот, пришли к тому, к чему пришли. Будьте добры, подпишите тут.

Домингес выдернул лист из папки и вместе с ручкой положил его перед оцепеневшем Санчесом.

– Что это? – растерянно спросил продавец дыма.

– Бумага о том, что вы не возражаете, что завтрашним утром вас расстреляют, – буднично сказал детектив.

Луис обмер. Руки его затряслись.

– Как? Уже? Но не было же ни суда...

– Убийство китайца расценивается как особо тяжкое преступление, поэтому нам разрешено не передавать дела в суд и рассматривать их в особом порядке, если нет сомнений в личности убийцы, – развел руками Домингес.

– А вы уверены, что это я убил?!

Вместо ответа Домингес хитро улыбнулся. Доказать что-то детективу не представлялось возможным. Власть имущие, слушая речь беззащитного человека, всегда трактуют её ошибочно, делая из этого ущербные выводы.

– Можете даже не подписывать. Это просто формальность, – сказал Домингес, поднимаясь из-за стола. – Выспитесь хорошенько. Чего-то хотите напоследок? Последнее желание, так сказать...

Луис уставился на лист перед ним. Тишина звенела в ушах, дышать было тяжело. Санчеса распирало чувство обреченности и несправедливости. Было дико обидно, что все заканчивалось вот так нелепо, в этом раю с рекламки рома, куда Луис бежал в надежде на новую жизнь. Первый визит в отель «Мукуль», знакомство с рабочими на плантациях, первая созданная им витола... Все эти приятные хлопоты прежде вспоминались с теплой улыбкой.

Теперь же Санчес с трудом сдерживал слезы, понимая, что лучшие моменты его бытия остались позади.

Жизнь словно табачные листья, каждым своим мгновением все плотней скручивается в сигару; когда она станет дымом и пеплом – лишь вопрос времени и обстоятельств.

– Сигару хочу, – хрипло ответил Луис. – Из последнего моего бленда...

– Не знаю насчет последнего бленда, но сигара вам будет, обещаю. До завтра.

С этими словами Домингес вышел за дверь, а продавец

дыма еще какое-то время сидел неподвижно, не в силах осмыслить случившееся и предстоящее – пока за ним не пришел конвой: два надзирателя в черной форме молча заковали его в кандалы и повели прочь.

Звеня цепями, Луис поковылял по пыльным коридорам полицейского управления в камеру. Всю дорогу перед глазами стояла картина из недавнего прошлого – берег, заходящее солнце, играющее бликами на океанской глади, и Джи, дымящая сигарой, любезно раскуренной для нее Санчесом.

Тогда они казались счастливыми.

Сейчас Джи дала показания против Луиса, и ему грозит расстрел.

– Ну давай уже, табачный король, шевели ногами, – проворчал один из конвоиров и грубо втолкнул Санчеса в камеру, дверь которой предусмотрительно открыл второй надзиратель.

Луис оказался в крохотной темной узнице. Нижняя полка двухъярусной кровати пустовала, а на верхней, отвернувшись к стене, храпел незнакомец. От звука захлопнувшейся двери он вздрогнул, обернулся через плечо. К тому моменту, как ключ повернулся в замке, сокамерник уже лежал на спине и, щурясь, рассматривал Луиса в полумгле камеры.

– Ты еще кто? – без обиняков спросил сосед.

На вид ему было около шестидесяти – сухой, бледный, морщинистый, с выцветшими глазами и белоснежными волосами, он, казалось, просидел в этой камере не один деся-

ток лет.

– Неважно, – буркнул Санчес, – я здесь всего на одну ночь. Он лег на нары, заерзал, пытаясь устроиться поудобней.

– Так тем более тебе чего скрывать? – хмыкнул сокамерник, свесившись с койки. – Я вот, например, Карлос.

Санчес посмотрел на него исподлобья, вздохнул.

– А я – Луис, торговец сигарами. У меня свое производство тут, в Никарагуа.

– Ого! И за что же тебя посадили в камеру на одну ночь, торговец сигарами? – весело осведомился сокамерник.

– За убийство.

В глазах Карлоса мелькнул ужас. Луис надеялся, что после этих слов сокамерник от него отвяжется, но не тут-то было.

– А почему тогда на одну ночь? – продолжил допытываться старик.

– Потому что я якобы убил китайца, – тяжело вздохнув, ответил Санчес. – Хотя я уверен, что я невиновен.

– Ну, то, что ты уверен, ничего не значит... – с грустной улыбкой сказал Карлос. – Сочувствую тебе, Луис. Китайцы – опасный народ: вроде бы живут в своем уютном изолированном мирке и никому не нужны, но как только помирают, все носятся с ними, как безумные...

Луис отвернулся было к стене, но Карлос тут же спросил:

– Ты случайно часы не припрятал?

– Часы? – удивился Санчес. – А зачем?

– Да как же... Тебя что, впервые посадили в камеру?

– Впервые.

– Тогда все ясно, – обреченно произнес Карлос. – Часы в камере позволяют заключенному не сходить с ума. Я, когда меня посадили, припрятал старенькие, но они сломались через три дня, как назло. Какое-то время мне казалось, что на часах с надломленной стрелкой неуверенно шли минуты, и я начал сомневаться, что завтра наступит завтра...

Невозможность наступления завтра в определенных обстоятельствах может внушать оптимизм, подумал Санчес, но озвучивать эту мысль не стал – лишь спросил.

– А вас за что посадили?

– Тоже за китайца, – хохотнул Карлос. – Правда, я его не убил, но врезал. А потом и полицейскому врезал – за то, что он забыл, кого клялся защищать. И это точно не азиаты-га-старбайтеры!

Луис криво улыбнулся шутке сокамерника и отвернулся к стене. Закрыв глаза, он попытался забыться сном, но так и не смог: всякий раз, когда дрема касалась его век, перед внутренним взором тут же вспыхивал яркий образ – перекошенное лицо Ксинга, трупом лежащего на пляже.

Завтра на заднем дворе так же будет лежать сам Луис. Всего один выстрел – и все, пыль, кровь и медленно холодеющее тело...

Вдруг окошко в двери с лязгом открылось.

– Эй, Санчес! – позвал голос надзирателя. – Ты там не спишь?

– Нет, – поколебавшись, ответил Луис.

– Твоя прощальная сигара. Лично от детектива Домингеса.

Нахмурившись, Луис поднялся и подошел к окошку. Тюремщик передал ему прямую, как трость, сигару. Поняв, что просьба принести ему гильотину от заключенного будет выглядеть, как минимум, странно, Луис ногтем снял шапочку сигары и зажег её от крохотного язычка пламени влажной спички, которую протянул надзиратель. Камера начала медленно заполняться вонючим дымом.

– Боже, – проворчал надзиратель за дверью. – Когда уже содохнет последний курильщик? Только и можете прованизать мир этим дерьмом!

Окошко закрылось. Судя по звуку шагов, тюремщик отправился восвояси.

С сигарой в зубах Луис присел на край кровати.

– И как? – подал голос сокамерник. – Нормально курится?

– Эта сигара – совершенно отвратительная, плохо скрученная, дешевая подделка, – сказал Луис.

Глядя на него, Карлос нервно облизал губы.

– А... поделишься дымом? Я так давно не наслаждался даже плохой сигарой...

Санчес кивнул и передал сигару старику. Тот поднес ее к губам, затянулся, закашлялся и вернул обратно. Дым по неясной Санчесу причине не поднимался к потолку, а стелился по полу, предавая происходящему оттенок нереально-

сти, будто действие происходило в театре или во сне. Хотя, возможно, дым плохой сигары ближе к аду, чем к раю, и потому стелется по грязному полу, а не стремится к небу и парящим по нему облакам.

– Ну что, ужасна? – прищурившись, спросил Луис.

– Не то слово, – с улыбкой ответил Карлос.

Санчес улыбнулся в ответ. Казалось, в камере в этот момент немного посветлело.

– А откуда у тебя такая любовь к сигарам? – спросил Карлос. – Это ведь вряд ли какая-то... детская мечта!

– Не детская, – ответил Санчес. – Взрослая. Я раньше жил в Мадриде, работал инженером, проектировал дома. Потом... – Ком подступил к горлу, но Луис его проглотил. – Моя жена и сын погибли. И я продал все и перебрался сюда.

– Да, непростая у тебя судьба, что и говорить... Но почему именно сигары? И почему Никарагуа?

– Всегда хотел жить в раю, – подумав, ответил Луис, – и курить отличные сигары.

– Ох, ну, насчет рая ты точно загнул! – Карлос горько усмехнулся. – Я тоже покурить не против. А ты много про сигары знаешь?

– Наверное, – поколебавшись, ответил Луис.

Он не знал, хочет ли сейчас говорить о сигарах. С одной стороны, настроение ни к черту. А с другой, сигары – это его тема, то, что он по-настоящему любит – так почему не поговорить о них в последний вечер на этой брэнной земле?

Да и старик Карлос, истосковавшийся по разговорам с кем-то, кроме своего внутреннего голоса, все равно не отстанет.

– А вот когда первая фабрика табачная возникла, знаешь? В Никарагуа лет с 200 назад, я слышал.

– Здесь, наверное, да, но вообще гораздо раньше. Считай, 500 прошло. В 1541-ом году открыли первое производство на Кубе. Хотя саму сигару придумали испанские конкистадоры. Название ей дали от испанского *sigarro* – аналог слова, который в языке майя обозначал процесс курения. Кроме того, испанцы «усовершенствовали» самокрутку индейцев, догадавшись плотно скручивать листья табака.

– Надо же. А ты не просто торгуешь сигарами, да? Ты прямо... табачный фанатик?

Слабый свет, который проникал в камеру через щели в двери, ненадолго погас и тут же вспыхнул вновь: видимо, мимо темницы Луиса и Карлоса кто-то прошел.

– Грубое определение. Просто я считаю... вернее, считал, – с грустью уточнил Луис, – что если чем-то занимаешься, надо это досконально изучить – историю, технологии, все, что имеет хоть какое-то значение. Многие приходят в бизнес и сразу пытаются сорвать куш на каких-то наценках, торгуя, по сути, сеном. Но их, как правило, быстро разоблачают, и они пропадают ни с чем. Сейчас век честной – и не очень – конкуренции, не то, что раньше.

– А раньше как было?

– А раньше, примерно с XVI века и по XIX, Испании при-

надлежала монополия на кубинский табак. В начале XVII века испанский монах Филипп III издал указ, разрешающий кубинцам свободно выращивать табак, а излишки переправлять в Севилью. Там из табачных листьев впервые стали делать *rigos* – предка современной сигары. Их еще называли «севиллами», в честь города, где их делали.

Луиса несло. Он оседлал любимого «конька» и не собирался останавливаться. За рассказом о сигарах страшная действительно вокруг будто переставала существовать; Санчесу начало казаться, что он беседует о табаке в сигарном клубе, беседует с джентльменом, немного, правда, похожим на грязное фламинго, но в тот момент Луиса это вообще не смущало.

Сигары были его жизнью, и он всегда проживал ее по полной. Его девиз «Жизнь коротка, отжигай по полной» работал даже здесь и сейчас, в тюремном каземате накануне расстрела, и это будто бы наполняло последние часы Луиса каким-то глубоким смыслом.

По крайней мере, продавцу дыма хотелось в это верить.

– А массово их производить когда начали? – спросил старик. – Ну, сигары?

Он с трудом сполз с полки на пол и стал понемногу разминать затекшие руки и ноги.

– В 1728 году в Севилье начали строить крупнейшую фабрику, которая получила навание Королевской и долгие годы олицетворяла испанскую сигарную монополию. Строитель-

ство завода завершили в 1770 году...

– Это что, почти 50 лет строили? – ахнул сокамерник, разминая шею.

Скука и одиночество, которые он излучал вначале, после рассказа Луиса будто испарились; потухшие серые глаза, как у каменной статуи, теперь походили на две разные (из-за шрама над левой бровью) маслины.

Луис вдохнул дым. Он настолько увлекся историей, что перестал замечать резкость и горечь отвратного табака. Иногда сигара это всего лишь сигара. И сейчас было то самое «иногда».

– Ну, его строили поэтапно, и размах поражал – завод стал вторым по величине комплексом сооружений после Эскориала. К моменту завершения строительства там уже работало несколько тысяч мастеров. К слову, среди них была и знаменитая Кармен из новеллы Проспера Мериме, который посещал севильскую табачную фабрику в начале XIX века. Но это было уже позже. А в конце XVIII века испанцы только учились сигарному делу. Так, поначалу они делали совершенно идентичные сигары, которые ничем не отличались друг от друга – ни формой, ни вкусом, ни ароматом. Но, как обычно и бывает, прогресс запустила знать. Специально для королей и их двора на фабрике стали, помимо обычных, делать особые сигары – «королевские», прямые, как трость. Эти сигары были доступны только привилегированным особам.

– А это были прям вот такие же сигары, как сейчас? – спросил Карлос.

В коридоре кто-то громко рассмеялся, будто его развеселил вопрос старика. Луис, не обращая забавное внимание на такое совпадение, ответил:

– Не совсем. Современную структуру сигар из трех листов – наполнитель, связующий и покровный – придумали уже на стыке XVIII-XIX веков. До этого листья табака перевязывали нитью, чтобы не разваливались в руках, и курили прямо в таком виде.

– С Испанией я понял. А когда табак попал в остальной мир?

Карлос наконец закончил с упражнениями и жестом показал, что не прочь еще разок затянуться сигарой Луиса.

Улыбнувшись про себя, Санчес передал сигару соседу и ответил:

– В 1810-ом. Тогда Наполеон вторгся в Севилью и нашел колоссальные запасы «королевских» сигар. Французы, включая самого Бонопарта, быстро пристрастились к испанским сигарами, и вскоре они появились везде – в Германии, Италии, России... После этого испанская монополия на табак продержалась недолго – семь лет спустя Куба наконец получила возможность самостоятельно торговать с другими странами.

– А что же стало с ней? С той огромной Королевской табачной фабрикой?

Луис вернул Санчесу сигару и, кряхтя, полез наверх.

– Она продолжала работать и вполне успешно. В XIX веке на ней производили около трёх четвертей всех европейских сигар. Лишь с середины 1950-х годов в здание заехал ректорат и некоторые факультеты Севильского университета. Я там бывал, на экскурсии. Там бы за такое... – Луис показал Карлосу сигару. – Просто убивали бы. Требования были очень строгие.

К удивлению Санчеса, от его «последнего желания» остался всего дюйм, еле-еле тлеющий между пальцами. Он докурил дерьмовую тюремную сигару почти до конца и даже не заметил этого.

Карлос, наблюдая за продавцом дыма, сказал:

– Да уж, ты, похоже, действительно душой болеешь за это дело.

– Точней, болел, – с кривой улыбкой поправил Луис.

– Да ладно тебе, – беззаботно сказал сокамерник. – Не сегодня, так завтра. Поверь, куда приходят китайцы, там всем места мало. Я слышал, они вообще табак терпеть не могут! Это в их понимании – запах свободы, а свобода китайцам не нужна. Им нужна покорность. Мир в меланхолии, вот идеальный для азиатов мир!

Услышав слово «меланхолия», Санчес невольно представил картину Дюрера, висевшую на стене в его гостиной. Неужели то, что изображено на полотне, может быть осознанной целью хоть для кого-то? Впрочем, погруженных в

меланхолию легче заставить трудиться на благо Поднебесной, не поднимая головы...

А спать новоиспеченные рабы могут в таких вот крохотных камерах – отдыхать во тьме от палящего солнца, так утомляющего за день.

Может, и хорошо, что Санчес до этого не доживет?

Луис грустно улыбнулся.

Все превращается в дым, только на свой манер.

Глава 22

Меланхолия навсегда

1514 г.

Весть о смерти Барбары Дюрер, матери Альбрехта, застала Варгаса врасплох. Старый, больной, грузный, он так давно не покидал Севилью, что уже совсем позабыл, что такое – ездить экипажем, спать на жестких кроватях постоянных дворов и питаться редко и не особенно вкусно.

Однако же лично выразить Дюреру соболезнования по поводу кончины матери Варгас считал обязательным, ведь они с Альбрехтом по-прежнему дружили, и художник неоднократно навещал Марио в Севилье. Теперь пришел черед банкира отправиться в дорогу, и пусть хлопот хватало, он не жалел, что принял это решение.

Не так много друзей у меня осталось, думал Марио, уже

шагая по Нюрнбергу к мастерской художника.

Стояла летняя пора, чудесная и солнечная. Город в ярком дневном свете был чудесен, и Варгас даже улыбнулся через силу, несмотря на отдышку и боль в коленях. Хотелось бежать куда-то, купаться в теплом море, курить на берегу и просто жить полной жизнью... которую Марио, к своему сожалению, помнил уже смутно. Все его бытие свелось к торговле табаком и банкирским расчетам. Прогулки дальше веранды случались не чаще, чем полнолуние, а последние годы Варгас и вовсе едва не приурочил их к солнечным затмениям...

Как жаль, что в ту пору я еще не вел дневники, мысленно вздохнул Марио и постучал в дверь мастерской.

Ему открыли не сразу – Альбрехт, как рассудил банкир, наверняка опять увлекся работой. Однако же когда дверь отворилась, и Варгас увидел бледное лицо художника, в душе его зародилось сомнение – уж не старый ли недуг настиг Дюрера после смерти его почтенной матушки? Банкир тут же попытался вспомнить, когда он в последний раз отправлял партию табака немецкому мастеру, но без помощи расходных книг, которые остались в Севилье, сделать этого не сумел: память с годами сделалась ни к черту.

– Здравствуй, милый друг, – с грустной улыбкой сказал Марио. – Прими мои самые искренние...

– Здравствуй, Марио, – бесстрастно ответил Альбрехт. – Я очень рад, что ты приехал навестить меня... Вхо-

ди, не стой у порога, прошу.

Банкир закивал и следом за Дюрером прошел, скрипя досками пола, напрямик в зал, где обыкновенно работал Альбрехт. К удивлению Варгаса, на сей раз здесь было крайне мало картин художника. Инструмент пылился на полу, чего обыкновенно Дюрер себе не позволял.

– Ты, верно, давно ничего не писал? – робко поинтересовался банкир.

– Отчего же? Писал.

Дюрер подошел к столу, взял глиняную кружку и плеснул в нее немного вина из кувшина. Потом оглянулся на Марио:

– Выпьешь?

– Пожалуй, рановато, – виновато улыбнулся Варгас.

– Наверное, ты прав, – вздохнув, признал Альбрехт и, залпом осушив кружку, грохнул ею об стол.

Марио наблюдал за другом с опаской. Воображение почему-то тут же подкинуло дымное воспоминание из прошлого – Колумба, еще живого, но уже пораженного странным подобием меланхолии, с бокалом вина, за столом севильского трактира.

Неужто табак не помогает? Или Альбрехт, подобно Христову, утомился курить и забросил этот чудесный ритуал?

– Присаживайся, мой друг, – настойчиво сказал Дюрер, и банкир, кивнув, уселся на лавку.

– Так что же с гравюрами? – спросил Марио. – Ужель у тебя снова возникли раздражители, которые выбили тебя из

колеи? Или же виной... недавняя трагедия?

Альбрехт вздрогнул, хмыкнул неуверенно.

– Я думаю, не бывает чего-то одного. Конкурентов хватает, некоторые играют бесчестно, но в суд я больше не собираюсь. Бессмысленная трата денег и нервов – расследуй, купи подделки втрое дороже собственных гравюр, а после получи громадное разочарование... Вдобавок – матушка, о чем, конечно, я до сих пор грущу. Но мастерская пустует не только по печальному поводу – просто Агнесса справляется со своей работой куда лучше, чем я.

– То есть вы неплохо подзаработали на продаже твоих картин?

– В том числе. Хватило, чтобы похоронить матушку со всем надлежащим пиететом.

И снова – вялая, вымученная улыбка.

– Но ты же не просто сидел в мастерской и пил вино, правда, мой друг? – осторожно спросил Варгас.

– Что? О, нет, я же не...

Альбрехт осекся, видимо, хотел сказать про Колумба, но вспомнил, что Христофор давно уже бороздит моря мертвых – разумеется, если таковые взаправду существуют.

– В общем, я сделал вот это, – спешно добавил Дюрер.

Он подошел к стеллажу в углу, достал с верхней полки небольшую гравюру и передал ее Марио, который тут же с интересом уставился на новую работу старого знакомца.

На заднем плане справа возвышалось каменное здание,

возможно, недостроенное – к нему неизвестный мастер при-слонил деревянную лестницу. На стенах здания висели пе-сочные часы, весы, колокол, был изображен магический квадрат с непонятными числами. В небе, в лучах кометы, распростерла крылья огромная то ли летучая мышь, то ли мелкий дракон. На крыльях было написано «Меланхолия I»...

– Какая необычная гравюра, – не в силах оторваться от созерцания, пробормотал Марио. – Это на заказ или?..

– На заказ. Для эрцгерцога Максимилиана I, если тебе это что-то говорит.

– Немного, но все же – да, говорит. И что это его потяну-ло... на мистику?

– Он слегка... скажем так, увлечен астрологией и до жу-ти боится влияния Сатурна, то есть, по сути, меланхолии. А кому, как ни мне, знать о ней?

Кривая усмешка Дюрера заставила Марио вспомнить о тех временах, как он, куда более молодой и стройный, при-вез Варгасу чудодейственное лекарство.

– Отчего же ты не поделился с ним табаком? – спросил банкир.

– Оттого, что он до жути суеверен, – со вздохом пояснил Дюрер. – Разве что мне удастся объяснить, что табак свалил-ся к нам с Юпитера... Но, увы, при всей своей суеверности совершенно не глуп. И, вероятно, сообщит о моей дьяволь-ской привычке куда следует...

– Даже так?

– Предпочту не проверять. В общем, Максимилиан заказал мне своеобразный оберег от меланхолии... И вот он, перед тобой.

Варгас замер в предвкушении увлекательного рассказа о новой работе, когда в прихожей скрипнула дверь. Пару мгновений спустя в мастерскую вошла Агнесса с кувшином вина и сыром. Она постарела и, кажется, немного смягчилась с годами. По крайней мере, Варгаса жена Альбрехта приветствовала вполне дружелюбно:

– Доброго дня, Марио.

– И тебе, Агнесса, – с улыбкой сказал банкир.

От него не укрылось мимолетное касание рук Дюрера и его супруги – кажется, несмотря на все толки и домыслы, семья художника после смерти матушки только сплотилась.

Агнесса ушла, и Альбрехт, проводил ее взглядом, снова обратился к гравюру и сказал:

– Вот, видишь ангела-хранителя с венком на голове? Он строил лестницу в небо – то есть хотел соединить наш бренный мир с миром возвышенных идей, без которых светлым умам не обойтись. Но работа встала – по понятной причине.

– Меланхолия, – констатировал Варгас.

– Она. А вот у ног ангела разбросаны инструменты – он оставил их на время, поскольку ничего не выходит, идей нет, сил тоже. Вообще время будто застыло – примерно так и ощущаешь себя, когда погружаешься в меланхолию. Теперь

оно пойдет, только когда зазвонит колокол на стене.

– А что он держит в руке? – прищурившись, спросил Марио.

– Циркуль. Вместе с весами, жерновами и камнями это отсылает к Сатурну. Ангел-хранитель работает на творца, добывает для него идеи, но в минуты перенапряжения у него просто не остается сил снова достичь прежних высот.

– Самое время выкурить трубку, – с улыбкой заметил Варгас.

– Возможно. Но ангелы не курят табак.

– Это только по незнанию, – отмахнулся Марио.

Он всячески пытался отвлечь Дюрера от невеселых мыслей, памятуя о том, как сам хоронил – сначала родителей, потом Христофора. Всякий раз Варгас ловил себя на мысли, что он терял близких людей намного раньше, чем их сердца переставали биться. И сейчас, глядя на гравюру Альбрехта, Марио вдруг понял, что меланхолия свойственна не только творческим людям, но и всем людям вообще, особенно – на пороге смерти. В какой-то момент человек просто перестает видеть смысл в том, что делает, и позволяет течению жизни нести себя к последнему порогу.

– Что для тебя меланхолия, мой друг? – кашлянув в кулак, хрипло спросил Варгас. – Это бич? Благословение? Или неизбежность?

– Ни то, ни другое, ни третье, – подумав, ответил Альбрехт. – Видишь вот этот магический квадрат? Это, пожа-

луй, главный элемент картины.

– Мне мерещится, или тут цифры 15 и 14 образуют нынешний год? – присмотревшись, спросил Варгас.

– Да, так и есть. Но на фоне прочего это – мелочь, Марио, – мягко улыбнулся художник. – Сам по себе магический квадрат связан с Юпитером, а Юпитер, как заверяют астрологи, является полным антиподом Сатурна. Сатурн – это строгий учитель, те, кому он покровительствует одарены талантом, но вынуждены трудиться денно и ночно, чтобы его мерцание не иссякало. И меланхолия – это неизбежный процесс перерождения, переосмысления опыта, полученного в ходе кропотливой работы. Тогда как Юпитер – это символ удачи, его протезе все достается легко и непринужденно, без тени усилий. Именно поэтому Юпитер крайне уместен на гравюре-обереге от меланхолии.

– Ты меня совершенно запутал, Альбрехт. – Поморщившись, Варгас мотнул головой. – Так меланхолия – это дар или проклятье?

Дюрер задумался ненадолго и, бросив в рот ломтик сыра, пожал плечами. Варгас только сейчас задумался, до чего же ароматы еды и вина странным образом диссонировали с обычными запахами мастерской – краски, дерево... и пыль, как след от некогда жившей тут меланхолии.

– Это – и то, и другое, – наконец с вымученной улыбкой ответил художник. – Это начало и конец, неизбежная зима, следом за которой наступают столь же неизбежные весна и

лето. Строго говоря, не будь меланхолии, возможно, я бы остановился на уровне первых своих гравюр и никогда бы не смог придумать новые, более совершенные. Это необходимая передышка перед очередной попыткой достичь вершины.

– Как у Колумба, – чуть дрожащим голосом сказал Марио, – с его экспедициями?

Альбрехт вздрогнул, посмотрел на банкира и медленно кивнул.

– Именно так, мой друг. Христофор раз за разом пытался взлететь, обжигался, отступал, но до последнего не терял надежды.

– Готов спорить, если бы болезнь не скосила его, он бы опять отправился в Новый Свет. Если бы только не болезнь...

Они помолчали. Варгас мог только догадываться, что происходит в голове у Дюрера, но, кажется, оба они сейчас думали о Колумбе, как некоем символе меланхолии и тоски, этаким норме безнадежно увядающей жизни.

– На самом деле, в этом квадрате спрятано еще одно число, – неожиданно прервал молчание Альбрехт. – Сумма чисел любой линии – хоть по вертикали, хоть по горизонтали, хоть по диагонали – равняется 34.

Варгас пробежал квадрат глазами, уважительно хмыкнул – видимо, проверил, не слукавил ли немецкий мастер, и убедился, что нет.

– И что же это значит, Альбрехт? Что такого в этом числе?

– Это – возраст, после которого меланхолия ширится и становится разрушительной. Такая меланхолия может затянуться до конца жизни, или же итогом перерождения станет не обновленный и полный идей творец, а человек, опустошенный духовно и не знающий, сможет ли он вырваться из нее. Ваш с Христофором табак помог мне в свое время, и я вернулся из меланхолии окрыленным, как ангел на моей гравюре. Но сейчас... сейчас ничего не помогает. Почему-то кажется, что это – моя последняя настоящая работа, мой остаток жизни, расписанный по ролям.

У Марио от этих слов защемило сердце. Он не планировал потерять еще одного друга задолго до смерти.

Снаружи послышалась громкая ругань – невидимый мужчина костерил то ли жену, то ли тещу. После откровений Дюрера брань казалась чем-то чужеродным и бессмысленным. Странно было осознавать, что в то время, как кто-то пытается успеть сохранить отпечаток души на холсте или гравюре, другие просто тратят жизнь на скандалы, напрасно сотрясая воздух.

– Видишь, это... существо? – Дюрер указал на летучую мышь. – Знаешь, что это?

Варгас мотнул головой.

– Это – крик моей души. Я кричу: «Меланхолия, уходи!». Но меня не слышат. Есть события поважней.

Палец Альбрехта указал на комету позади мыши.

– Такая вот гравюра, – с вымученной улыбкой сказал художник и без сил опустился на лавку.

– Альбрехт, – тихо позвал его Марио.

Немец поднял голову и вопросительно посмотрел на немолодого уже, тучного, усталого от жизни друга, чьи 34 года остались далеко позади.

– Я приехал к тебе из самой Севильи, так не откажи мне в услуге... – Банкир кашлянул в кулак. – Давай с тобой раскурим по трубке, как в старые добрые времена?

И, не дожидаясь ответа, Марио бросил на стол кистень с табаком.

Глава 23

Казнь

2024 г.

Утро казни мало чем отличалось от обычного – ведь оно было особенным только для одного человека.

– Луис, – позвал Карлос.

Санчес открыл глаза и увидел, что старик смотрит на него с верхней полки.

– Доброе утро, – сонно ответил продавец дыма.

– Да уж какое тут доброе... Ты во сне стонал, тебе хорошее снилось или плохое?

– Не помню, – помедлив, ответил Луис. – Совсем ничего

не помню.

– Тогда лучше считай, что хорошее. А вообще утро добрым не бывает, поверь мне. Каждый день хуже предыдущего, мы же умираем, начиная с рождения, просто долго и мучительно.

– У тебя, по крайней мере, будет завтра, – с интересом глядя на старика, грустно улыбнулся Луис.

Карлос будто помолодел на пару лет. Неужели всему виной их вчерашний разговор? Старик изнывал от одиночества, но случайный сокамерник, будто комета, ненадолго озарил его тюремное существование...

Карлос ненадолго задумался, хмыкнул.

– И правда, завтра у меня будет. Но что-то мне от этого совсем не радостно.

Сказав это, старик скрылся с глаз на втором этаже тюремных нар. Санчез зажмурился ненадолго. Захотелось, как в детстве, снова погрузиться в дрему, бормоча под нос сакральное: «Ну мам, еще пять минуточек...». Но мамы уже давно не было – как не было никого. Все, кто был дорог Луису, находились там, за туманной чертой, разделяющей мир мертвых и мир живых.

Скоро и Луис отправится в дымку забвения.

Совсем скоро.

Ну, смерть, еще пять минуточек...

В коридоре слышались голоса, пока что слов было не разобрать, но оттого только усиливалось чувство, что гово-

рят непременно про него, Санчеса. Луис очень четко представил двух вчерашних надзирателей, которые, поигрывая ключами и дубинками, идут к его камере и говорят, как еще один богач наконец-то отправится в ад, а все его миллионы, нажитые непосильным трудом, останутся на бренной земле.

Кто унаследует их? Кто унаследует плантации? Наверняка, вскоре появятся кузины, кузены, кто-то, кого Санчес при жизни в глаза не видел – какой-нибудь юный «сеньор Альварес» с жиденькими усиками над верхней губой, у которого эта самая верхняя губа будет вздрагивать каждый раз, когда ее обладатель вспомнит о количестве нулей на чеке, полученном... от кого?

Да от того же Уго.

Меланхоличная улыбка застыла на лице Санчеса.

А ведь теперь Уго и впрямь сможет забрать все. Условно-му «сеньору Альваресу», если он лишен предпринимательской жилки, нет смысла упираться – наследство свалится на него внезапно, как снег посреди безмятежного никарагуанского лета, и майор обязательно захочет помочь юнцу и избавить его от непосильного груза. Ну зачем, право слово, углубляться в табачный бизнес, если ты, наверное, и сигару-то курил один раз в жизни, да и то – не курил, а так, затынулся, и потом долго откашливался, красный от натуги?

Куда приятней положить на счет круглую сумму с восемью нулями и любоваться ей через приложение смартфона в минуты душевного смятения и грусти. Отличная терапия.

– А ты ей что? – наконец смог разобрать Луис голос одного из тюремщиков.

– Да ниче, говорю – ну поживи у мамы... – со вздохом ответил другой.

Санчес грустно улыбнулся. Конечно же, надзирателям было плевать на него. Заправщики на бензоколонках тоже не говорят дни напролет о топливе и машинах. Обсуждают работу только новички либо те, для кого работа еще не превратилась в рутину.

Ключ громко повернулся в замке. Дверь камеры открылась, и внутрь вошел один из тюремщиков.

– Проснулись? – без прелюдий спросил надзиратель. – Сядьте. Руки перед собой.

Санчес медленно выполнил все, что ему велели. Надевая наручники, тюремщик оглянулся на стоящего в дверях напарника и сказал:

– Забей. Пусть все идет, как идет. Захочет – вернется. Не захочет – да и черт с ней. Вставай.

Луис не сразу понял, что обращаются к нему.

– Встань! – рявкнул надзиратель и, схватившись за цепь наручников, резко вздернул Санчеса на ноги.

Луис захлопал глазами. Он не знал, как себя вести. Перед ним вроде бы стоял блюститель закона, тот, кто дал клятву его защищать... но можно ли вообще считать защитником человека, который ведет тебя на смертную казнь?

– Шагай, – толкнув его в плечо, буркнул тюремщик.

Санчес подчинился. Запястья под наручниками ныли.

Карлос ничего не сказал Луису вслед, но его взгляд жег спину продавцу дыма до тех пор, пока дверь камеры не захлопнулась.

Шагая по коридору, Санчес задумался – а как поступили бы тюремщики, если бы кто-то сейчас попытался убить его? Стали бы защищать осужденного на казнь? Или позволили бы внезапному убийце привести приговор в исполнение? Или тогда бы это считалось не казнью, а убийством, и Луис стал бы не преступником, а жертвой?

Сколько идиотских вопросов, подумал Санчес. Слишком много для последнего утра.

Говорят, на пороге смерти перед глазами проносится вся предыдущая жизнь, но сейчас, стоило зажмуриться, перед внутренним взором была пустота и редкие кадры из прошлого.

Жена. Сын. Джи. Бескрайние плантации.

Дорога мимо полей в шумный город и обратно.

Гостиная, веранда Мукуля.

Такое ощущение, что вместо всей предыдущей жизни память показывала только те записи, который добавила в «Избранное».

Память, поставь лайк.

Луис расплылся в улыбке.

Чушь. Бред. Ахиня. И еще множество синонимов по списку.

Коридор серый, без окон. Наверное, чтобы случайный киллер не снял человека, которого ведут на казнь. Смешно. Но ведь не всех ведут на казнь.

Интересно, казнят только богатых, потому что у них есть, что отобрать, или бедным тоже достается, потому что право на казнь есть у всех, независимо от социального статуса, расы, нации, гендера или возраста. Хотя бедным чаще достается погибать в окопах войн за чужое богатство.

Еще, наверное, нельзя убивать детей... или, если не убивать их, то это уже эйджизм?

От мысли, что детектив Домингес, возможно, прямо сейчас сидит в своем кабинете и ломает голову, можно ли казнить пятилетнего мальчишку, почему-то стало смешно.

Они подошли к сдвоенной двери, закрытой на засов. Надзиратель, поигрывая ключами, наклонился к замку, второй же зыркнул на смеющегося Луиса и одернул его:

– Хорош, а? У меня не то настроение, чтобы смеяться.

– О, сомневаюсь, что у тебя проблемы хуже моих, – едко заметил Санчес.

– Да как сказать, – помедлив, ответил надзиратель. – Ты-то шас отмучаешься, а мне ещё жить.

– Можем поменяться.

Тюремщик сделал вид, что не услышал остроу приговоренного к смерти.

Второй конвоир наконец закончил с засовом и распахнул двери. В лицо Луису ударил солнечный свет и никарагуан-

ский ветер, который не принес с собой ни запахов, ни звуков – только нестерпимый жар. Казалось, сегодня духота только усилилась.

А, может, это уже и есть ад, подумал Санчес и усмехнулся – про себя, чтобы не смущать несчастного тюремщика, от которого жена (или подруга) уехала к маме.

Луис не знал, заслужил ли он свет или тьму, заслужил ли вообще что-то, кроме пули в голову. Откровенного зла вроде бы Санчес по жизни не делал, но могла ли торговля сигарами считаться добродетелью? Противники курения ответили бы на этот вопрос совершенно однозначно.

А что на самом деле?

Если вдуматься, именно торговля сигарами стала причиной смерти Луиса. Пусть и не в классическом смысле.

Санчес ненадолго зажмурился, шумно выдохнул. Сарказм работал все хуже, но без него было бы совсем тошно.

Его завели за угол здания. Там процессию дожидался крупный мужчина в ярко-алом колпаке с прорезями, точь-в-точь средневековый палач.

– Это серьезно, что ли? – оглянувшись на конвоиров, неуверенно спросил Луис. – Или это какой-то розыгрыш?

Происходящее все больше напоминало нелепый спектакль или дурной сон.

– Никаких розыгрышей, дон Санчес, – хрипло сказал палач. – Становитесь к стене.

Продавец дыма оглянулся через плечо. Стена тюремно-

го здания вся была покрыта багровыми пятнами высохшей крови.

– XXI век на дворе, а вы людей во дворе стреляете, – с легким укором сказал Луис.

Когда его настигло некое окончательное осмысление того факта, что смертной казни не избежать, Санчес испытал странное облегчение. Неизвестность и ожидание, замешанное на страхе, куда хуже, чем если знать, чего ждешь.

– Как настроение? – спросил палач, начиняя барабан револьвера патронами.

– Лучше всех. Подумываю сегодня умереть.

– Не дерзи палачу! – рявкнул один из тюремщиков.

– Тише, парни, – ответил ему Красный Колпак. – И вообще – идите по своим делам. Я тут сам разберусь.

– Но...

– Пошли вон, я сказал, – грубо пресек любые возражения палач.

Надзиратели переглянулись и, что-то бурча, убрались прочь, оставив будущих убийцу и жертву тет-а-тет.

– Хорошая погода сегодня, да? – спросил палач.

– Как и всегда в Никарагуа.

– А ты, я смотрю, оптимист?

– Приходится, – ответил Санчес. – Иначе совсем грустно.

– Да, я сам довольно впечатлительный, – признался Красный Колпак. – Вечно кажется, что не до конца отработываю свою зарплату. Что меня можно легко заменить кем-то дру-

гим, что любой с этим справиться. Тут важно мыслить позитивно, но без перегибов. Не надо себя переоценивать, конечно, но и занижать таланты не стоит.

Он взял небольшую паузу, чтобы проверить, все ли патроны в барабане, после чего продолжил:

– Моя работа, может, и не самая важная в мире, но и не самая бесполезная. Каждый вносит свой вклад, с каждого по возможностям, как говорил один мудрец...

Палач щелчком ладони вогнал барабан в револьвер, прокрутил, посмотрел на Санчеса.

– И, конечно, важно всегда оставаться человеком. Встань, пожалуйста, поближе к стене.

Луис подчинился, хотя колени его начинали трястись.

– А теперь чу-у-уть правее, – попросил палач.

– Зачем? – не понял Санчес.

– Там чисто... эстетический момент. Видишь ли, я примерно представляю, как кровь из твоей головы попадет на стену, под каким углом и все такое. И, кажется, на этом участке стены клякса... будет очень уместна.

– Вы... вы что, рисуете кровью казненных на эшафоте? – растерянно пробормотал Санчес.

– Ну, не совсем, но... наверное, чисто теоретически, это можно назвать авангардным искусством... живописью. Живопись... или мертвопись? – Палач ненадолго задумался. – А, неважно. Но спасибо за интересную мысль. Может быть, потомки потом продадут этот участок стены кому-то за круг-

ленькую сумму. Кто знает?

– Уж точно не я, – признался Луис.

Он сделал пару шагов вправо, и палач показал ему большой палец.

– Отлично. Вы – мой любимый клиент.

– О, право, не стоит. – Голос Санчеса был натуральный яд. – Какое выражение лица предпочитаете? Испуг? Смелость? Презрение? Смех?

– Знаете, я за естественность, – подумав, ответил палач. – Вот как вы реально чувствуете, так и чувствуйте. Что вы чувствуете?

– Что меня сейчас вырвет, – признался Луис.

– Тогда поторопимся, – рассудил палач.

Он отступил на шаг, поднял револьвер и сказал с теплом:

– Ах, да. Чуть не забыл. Привет вам от майора Уго.

Санчес криво улыбнулся – он почему-то вообще не удивился услышанному.

А, может, просто не успел.

Палач спустил курок.

Курок не окурок, почему-то мелькнула в еще целой голове Санчеса последняя мысль.

Грянул выстрел.

Луис пошатнулся и рухнул на землю. Прежде чем его сердце перестало биться, Санчес увидел, как Палач сдернул с головы колпак и виновато улыбнулся.

– Простите, дон Санчес.

Под маской Палача прятался не кто иной, как Хосе.

– Если вдруг вам по какой-то причине не нравится сервис нашего отеля, вы всегда можете позвонить на ресепшен по короткому номеру...

Луис не услышал короткий номер – его накрыл мрак.

Казалось, это все. Финал. Долгожданное ничто.

Но внезапно впереди, в этом мраке, забрезжил крохотный тусклый свет...

Эпилог

2022 г.

Трель звонка заставила его проснуться. Часто моргая, он снял трубку.

– Хосе, – сказала она голосом Джи. – Ты почему не отвечаешь? Опять спишь?

– Не... нет.

– Врешь. Надеюсь, ты уже закрасил те дурацкие граффити? Потому что если утром они еще будут там, я тебя уволю.

Остатки сна как рукой сняло. Хосе попытался ответить, но дотошная китаянка уже сбросила вызов. Короткие гудки в трубке застучали незримым молоточком, вбивая в голову охранника последнее сказанное Джи слово:

«уволю... уволю... уволю...»

Хосе медленно опустил трубку на рычаг. Осмыслить сказанное Джи было трудно. С самой постройки «Мукуля» Хосе сидел в крохотной будке возле северо-восточного угла его обширной территории – в том самом месте, где цивилизация встречалась с дикими джунглями. Первые хозяева купили огромный участок земли и планировали со временем расширять отель, превратив его в настоящий никарагуанский «беве-рли-хиллз» из дорогих вилл. Однако череда экономических кризисов и пандемия заставила отложить этот вопрос...

Как теперь кажется – навсегда.

За это время у отеля сменилось несколько владельцев, а джунгли практически поглотили забор, обвив его своими щупальцами-лианами.

Хосе мог только догадываться, почему хозяева «Мукуля» решили, что для охраны роскошной жизни постояльцев от бедняков надежней такие вот будки с живыми охранниками по периметру и колючая проволока, а не инфракрасные датчики и камеры. Но факт оставался фактом: менять никто ничего не собирался. «Пост» Хосе уже давно воспринимался местными, как некий идол или даже охранный оберег, защищающий безмятежное пространство «Мукуля» от посягательств внешнего зла.

Впрочем, люди сюда и так забредали нечасто. Зачем лезть через забор, путаясь в лианах и колючей проволоке, если всего в нескольких километрах к западу есть прекрасный пляж,

не огороженный забором?

За те 18 лет, что Хосе сидел в своей будке, местные художники заполнили свободный участок стены всевозможными граффити. Редкий пьяный постоялец, случайно забредший сюда в позапрошлом году, доверительно сообщил охраннику, что эти рисунки очень похожи на работы Марка Кальве, который несколько лет назад перебрался в Гранаду из Ницци. По словам заплутавшего выпивохи, искусство натурально спасло художника от смерти. Всю свою жизнь Кальве шел на поводу у темного начала, побывал наемником, мафиози и в конечном итоге упал на самое дно, упрямо сражаясь с наркотическими демонами. Однако потом Марку каким-то чудом удалось овладеть собой. Он не победил свое темное начало, но позволил ему выражать себя в странных жутковатых картинах.

Часть из которых с недавних пор украшали забор у северо-восточного угла «Мукуля».

Приходя на смену, Хосе всегда осматривал стену в поиске новых отпечатков времени, оставленных аэрозольными баллончиками талантливого мастера... и немного расстраивался, когда ничего не находил.

И вот теперь Джи, новый менеджер отеля, захотела, чтобы Хосе выкрасил стену в серый цвет. Просто смыл с северо-восточного участка стены всю ее историю, ретроспективу неведомых ему смыслов, превратив её в серую невзрачную обычность.

Джи фактически не оставила Хосе выбора: или он закра-сит стену к утру, или его уволят, а стеной займется другой, более сговорчивый слуга. То есть все эти чудесные граффи-ти обречены исчезнуть так или иначе.

Погруженный в невеселые думы, Хосе вынес из будки та-бурет, поставил на него банку с краской, открыл ее и по-ложил рядом кисть. Посмотрел на стену... и замер, увидев перед собой темно-коричневую дверь. Это было самое пер-вое граффити, которое возникло здесь еще до Хосе, рисунок подлинного мастера. Старое дерево, замок, петли – все бы-ло проработано настолько искусно, что, казалось, дверь вот-вот распахнется, и будочнику откроется некое подобие за-зеркалья, где сбылись все его сокровенные мечты. И что в этом иллюзорном мире он, инженер-неудачник, сбежавший из Мадрида 18 лет назад, все-таки стал успешным сигарным бароном, чьи плантации простираются от «Мукуля» до са-мого Эстели, а сигары продаются по всему миру...

Хосе вдруг поймал себя на мысли, что дьявольски хочет курить.

Он похлопал себя по карманам и, достав помятую деше-вую сигарилку, вставил ее в рот. Чиркнула спичка по рыжему боку коробка. Желтый язык пламени облизал табак, и Хосе с наслаждением затянулся.

Отец всегда говорил, что любое важное дело необходимо обкурить. А сейчас дело было первостепенной важности – Хосе нутром ощущал, что пришло время прощаться с соб-

ственным прошлым.

Каждое граффити на стене представляло собой веху его жизни. Хосе уже не помнил, как выглядит океан: берег находился буквально в пятистах шагах от будки охранника, на западе, но, кажется, он ходил туда в последний раз еще до того, как устроился в «Мукуль».

Бирюзу неба охранник тоже видел нечасто, поскольку из будки его было не разглядеть.

Запахи, вкусы, даже шум Никарагуа с годами практически стерлись из памяти.

Воистину, северо-восточный угол отеля был лучшим местом для приведения себя в забвение.

Зато Хосе прекрасно помнил, когда появилось то или иное граффити, потому что видел забор каждый день. К примеру, охранник доподлинно знал, что первое странное сюрреалистичное лицо появилось на стене ровно десять лет назад. Потом возникло второе, третье... Сейчас Хосе уже не хватало пальцев, чтобы сосчитать их все. Помнится, охранник даже пытался отследить некую закономерность их появления, но так и не смог – похоже, ее просто не было.

Теперь все эти мистические лица смотрели на будочника будто с вызовом – хватит ли у него духа залить их краской?

Дикие звери, словно сотканые из дыма? Этим рисункам около семи лет. Теперь они упрямо делали вид, что Хосе для них – пустое место, но прежде они были друзьями.

Или озорная мозаика, похожая на детский утренник в су-

масшешдем доме или карнавал смерти в детском саду? Эта чудесная работа появилась на стене около пяти лет назад накануне очередного дня рождения охранника – бывают ли подарки более неожиданные и приятные?

Впрочем, самым любимым рисунком Хосе всегда был магический квадрат. Удивительно, но охранник не мог с уверенностью сказать, когда он здесь появился – как будто кто-то чудесным образом заблокировал фрагмент памяти, связанный с этим граффити. Вдобавок квадрат заметно отличался от прочих рисунков. В нем не было и капли сюрреалистичности, свойственной другим работам Кальве, и Хосе небезосновательно полагал, что это граффити принадлежало перу другого художника.

Иронично, но Хосе сначала даже не знал историю этого квадрата. Лишь когда около полугода назад к нему попали дневники Марио Варгаса, первого в истории торговца дыма, будочник понял, что неизвестный граффитчик изобразил на стене квадрат с картины «Меланхолия» Альбрехта Дюрера.

– Если сложить все числа в любой линии, получится 34...
– пробормотал Хосе.

Согласно дневникам Варгаса, Дюрер считал 34 возрастом, после которого душа погружается в бесконечную меланхолию. Однако же Марио нашел лекарство от этой душевной болезни, и имя ему было «табак».

Удивительно, но Варгаса и других торговцев дымом с самого появления «чудесной травы» в Европе пытались запре-

тить все, кто имел хоть крохотную каплю власти. Сначала этим занималась Инквизиция, потом – короли и цари, полицейские и нацисты. Все они терпеть не могли табачный дым.

Почему?

Возможно, курение воспринималось ими, как один из вариантов бунта. Такой молчаливый протест, который невозможно контролировать – ведь дым, в отличие от человека, не посадишь в клетку. Не пришьешь к делу.

Не задушишь. Не убьешь.

Получается, что продавцы дыма – враги власти, потому что борются с комфортной для нее меланхолией. Сильным мира сего всегда по душе был застой, подмена жизни существованием, а всех настоящих эмоций – жалкими призраками чувств, которые мы испытывали в далеком прошлом, когда еще были по-настоящему живы.

Продавец дыма и торговец дымом всего лишь торгаши, но, в конечном итоге, мы все продаем свою жизнь, меняя время на деньги. И если допустить, что время – это дым, то становится очевидным, продавцами чего мы являемся.

В глазах мироздания мы – заурядные торговцы дымом. Лоточники невыдуманного настоящего.

Беда в том, что люди не понимают главного: дыма не существует в будущем. Все думают: «Вот придёт время...». Но время только уходит.

Хосе шумно сглотнул. Марио упоминал в своих дневниках старую испанскую поговорку, которую любил повторять

его друг, Колумб: «Donde fuego se hace, humo sale».

«Где горит огонь, всегда поднимается дым».

И, кажется, только сейчас Хосе понял, в чем ее подлинный смысл.

Охранник решительно выпустил остатки дыма из ноздрей и, подойдя к будке, бросил внутрь тлеющую окурочку. Стопки лежащих внутри газет и журналов учета смен и часов прикованной к табурету человеческой жизни занялись быстро, и голодное пламя тут же перекинулось на полку с телефоном, по которому совсем недавно звонила Джи. Рекламная брошюра каких-то сигар исчезала в огне, врезавшись в память прощальным лозунгом:

«Total Flame – life is short, do it hard!»

Под треск пламени, которое жадно пожирало будку, Хосе схватил открытую банку краски и, яростно зарывчав, плеснул из нее на стену.

Когда темно-коричневая дверь скрылась под серым слоем эмали, а граффити на стене заволокло дымом, Хосе удовлетворенно улыбнулся и направился в джунгли.

Привычки скрашивают течение времени, но это лишь производная задачи выживания, а не её решение. Привычки, словно щелчки хронометра, лишь маскируют ускользающее

время, превращая обыденность в лабиринт меланхолии, по которому мы плутаем до конца жизни, так никогда по-настоящему и не живя.

Почему? Возможно, мы просто боимся настоящей жизни, подменяя ее стабильной, но такой безопасной прозябающей тоской.

Хосе пробирался через джунгли, шел почти на ощупь, ориентируясь только на шелест волн такого близкого и такого далекого океана, а позади пылал охранный оберег «Мукуля» – будка, навсегда оставленная ее обитателем.

И только пламя горящего идола меланхолии ярко освещало пестрые граффити на серой стене.

КОНЕЦ